

ISSN 1813-3274

**АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН:
экономика, политика, право**

**PACIFIC RIM:
Economics, Politics, Law**

№ 3/2021

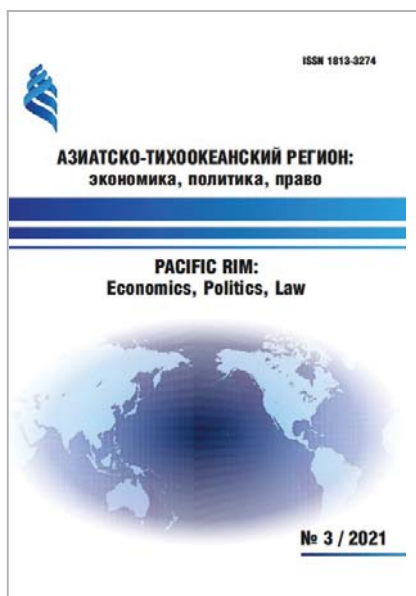
АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН: экономика, политика, право

Aziatsko-Tihookeanskij region. Èkonomika, politika, pravo

Научный журнал

Учредитель и издатель:

Основан в 1999 году
Выходит 4 раза в год

690922, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10

- Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство ПИ № ФС 77-65746 от 20.05.2016
- Подписной индекс 83612
- Журнал включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук.
- Журнал индексируется в базах данных РИНЦ, «Киберленинка», Google Scholar, Publons, Ulrich

Отпечатано в типографии
Издательства Дальневосточного
федерального университета
690091, г. Владивосток,
ул. Пушкинская, 10

Адрес редакции:

690922, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10,
кампус ДВФУ, корп. А(24), к. А920–923
Тел.: +7 (423) 265-24-24 (* 2716)

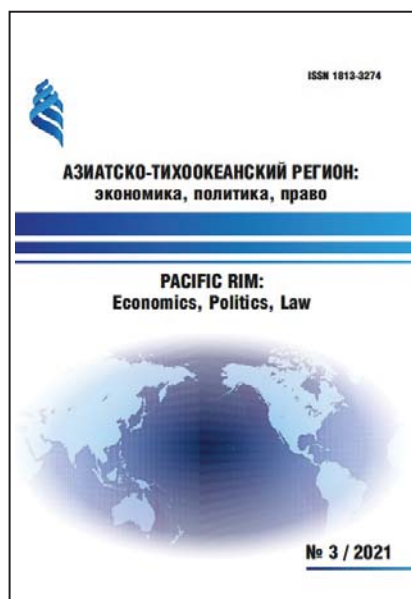
Тираж 500 экз. Заказ 234.
Дата выхода в свет 8.10.2021.
Цена свободная.

Редактор *Т. Л. Федотова*
Перевод на английский язык *Н. В. Бетанкурт*
Редактор References *Т. В. Поликарпова*
Компьютерная верстка *С. А. Прудкогляд*

PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law

Research Journal

*The Journal was established in 1999
Published 4 times a year*

Printed in a typography
Far East Publishing House
Federal University
690091, Vladivostok,
st. Pushkinskaya, 10

The circulation is 500 copies. Order
234. Release date 10/08/2021.
The price is free.

© FEFU, 2021

Founder and publisher:

690922, Vladivostok, Russky Island, 10 Ajax Bay

- The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor), certificate ПИ No. FS 77-65746 dated 20.05.2016
- Index 83612
- The Journal has been recommended by the Higher Certification Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, for publication of major results of Candidate and Doctoral Dissertations.
- The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index, Cyberleninka, Google Scholar, Publons, Ulrich

Editorial office address:

690922, Vladivostok, Russky Island, 10 Ajax Bay,
FEFU Campus, Building A (24), office A920–923
Phone: +7 (423) 265-24-24 (* 2716)

Editor *T. L. Fedotova*

Translation into English by *N.V. Betancourt*

References editor *T. V. Polikarpova*

Computer layout *S. A. Prudkoglyad*

Председатель редакционного совета журнала

**КНЯЗЕВ
Сергей
Дмитриевич**   судья Конституционного Суда Российской Федерации, заведующий кафедрой конституционного и административного права Юридической школы Дальневосточного федерального университета, профессор кафедры административного права Юридического факультета СПбГУ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

Главный редактор журнала

**КОРОБЕЕВ
Александр
Иванович**   заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Владивосток, Россия

Заместители главного редактора

**ГАВРИЛОВ
Вячеслав
Вячеславович**   доктор юридических наук, доцент, директор Юридической школы, заведующий кафедрой международного публичного и частного права Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия

**КУЗНЕЦОВА
Наталья
Викторовна**   профессор кафедры мировой экономики Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, доктор экономических наук, профессор, Владивосток, Россия

**МАМЫЧЕВ
Алексей
Юрьевич**   профессор кафедры теории и истории государства и права Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор политических наук, доцент, Владивосток, Россия

Ответственный секретарь

**КОРОЧЕНЦЕВ
Владимир
Владимирович**   заведующий кафедрой общей и экспериментальной химии Школы естественных наук Дальневосточного федерального университета, кандидат химических наук, доцент, Владивосток, Россия

Редакционный совет журнала

- БАКЛАНОВ**
Пётр
Яковлевич академик Российской академии наук, научный руководитель Тихоокеанского института географии Дальневосточного отделения Российской академии наук, доктор географических наук, Владивосток, Россия
- БЕЛКИН**
Виктор
Григорьевич советник директора Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Владивосток, Россия
- ВАНДЕРХЗВААГ**
Дэвид директор Института морского и экологического права, Юридическая школа им. Шулиха, Университет Дэлхаузи, PhD, профессор, Галифакс, Новая Шотландия, Канада
- КАПУСТИН**
Анатолий
Яковлевич научный руководитель Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, президент Российской ассоциации международного права, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Москва, Россия
- КОШЕЛЬ**
Алексей
Сергеевич и.о. ректора Дальневосточного федерального университета, кандидат политических наук, доцент, Владивосток, Россия
- КУРИЛОВ**
Владимир
Иванович член международного экспертного совета при Верховном Суде Китайской Народной Республики, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Владивосток, Россия
- ЛИ**
Ик Хён вице-президент Университета Моквон, Республика Корея
- ПАК**
Ноенг профессор права Юридической школы Университета Корё, директор Центра киберправа Университета Корё, президент Центра международных исследований киберправа в Корее, Сеул, Республика Корея, почётный доктор Юридической школы Дальневосточного федерального университета
- ПАНОВА**
Инна
Викторовна профессор департамента публичных дисциплин факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», судья Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в отставке, доктор юридических наук, профессор, Москва, Россия
- РОГОВ**
Игорь
Иванович заместитель исполнительного директора Фонда первого президента Республики Казахстан, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель Республики Казахстан, Нур-Султан, Республика Казахстан

- СЕВАСТЬЯНОВ Сергей Витальевич** профессор кафедры международных отношений Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, доцент, доктор политических наук, Владивосток, Россия
- ТРЕТЬЯК Ольга Анатольевна** заведующая кафедрой стратегического маркетинга факультета бизнеса и менеджмента Школы бизнеса и делового администрирования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор экономических наук, профессор, Москва, Россия
- ФУ Куенчен** профессор Юридического института «Кайюань» Шанхайского транспортного университета, Шанхай, Китайская Народная Республика
- ХУАН Даосю** председатель Научно-исследовательского центра по изучению российского права, профессор, Пекин, Китайская Народная Республика
- Редакционная коллегия журнала*
- АРАНОВСКИЙ Константин Викторович** судья Конституционного Суда Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
- ВОТИНЦЕВА Людмила Ивановна** член-корреспондент Российской академии естественных наук, профессор кафедры современного банковского дела Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, доктор экономических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования, Владивосток, Россия
- ЖАРИКОВ Евгений Прокофьевич** профессор кафедры мировой экономики Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, доктор экономических наук, профессор, Владивосток, Россия
- КОРОТКИХ Наталья Николаевна** профессор кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, Владивосток, Россия
- НОМОКОНОВ Виталий Анатольевич** профессор кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, Владивосток, Россия
- ПЕСЦОВ Сергей Константинович** профессор кафедры международных отношений Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, доктор политических наук, профессор, Владивосток, Россия

Chairman of Editorial Council

Sergey D. Knyazev Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Chair of Department of Constitutional and Administrative Law, Far Eastern Federal University, Professor of Department of Administrative Law, Faculty of Law, Saint Petersburg State University, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia

Editor-in-Chief

Alexander I. Korobeev Chair of Department of Criminal Law and Criminology, Law School, Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Vladivostok, Russia

Deputy of Editor-in-Chief

Vyacheslav V. Gavrilov Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Law School, Chair of Department of International Public and Private Law of the Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

Natalia V. Kuznetsova Professor of Department of World Economy, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Doctor of Economics, Professor, Vladivostok, Russia

Alexey Yu. Mamychev Professor of Department of Theory and History of State and Law, School Law, Far Eastern Federal University, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Vladivostok, Russia

Assistant editor

Vladimir V. Korochoentsev Chair of Department of General and Experimental Chemistry, School of Natural Sciences, Far Eastern Federal University, Candidate of Sciences (Chemistry), Associate Professor, Vladivostok, Russia

Members of Editorial Council

Petr Ya. Baklanov Academician of Russian Academy of Sciences, scientific director of Pacific Institute of Geography, Far Eastern Branch of RAS, Doctor of Geographical Sciences, Vladivostok, Russia

Victor G. Belkin Advisor to the Director of School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor, Vladivostok, Russia

David VanderZwaag Director of Institute of Marine and Environmental Law, Schulich School of Law, Dalhousie University, PhD, Professor, Halifax, Nova Scotia, Canada

Anatoly Ya. Kapustin	Scientific Director of the Institute of Legislation and Comparative Law Research under the Government of the Russian Federation, President of Russian Association of International Law, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Russia
Alexey S. Koshel	Acting Rector of the Far Eastern Federal University, Candidate of Political Science, Associate Professor, Vladivostok, Russia
Vladimir I. Kurilov	Member of International Expert Committee within the Supreme Court of People's Republic of China, Honored Educationalist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Vladivostok, Russia
Ik Hyeon Rhee	Vice President, Mokwon University, the Republic of Korea
Park Nohyoung	Professor of Law of Korea University, Director of Cyber Law Center, Korea University, President of Center for International Cyber Law Studies in Korea, Seoul, Republic of Korea, Honorary Doctor of the Law School, Far Eastern Federal University
Inna V. Panova	Professor of Department of Public Disciplines, Faculty of Law, National Research University, Higher School of Economics, Retired Judge of Supreme Arbitration Court of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Moscow, Russia
Igor I. Rogov	Deputy of Executive Director, Foundation of the First President of Kazakhstan, Doctor of Law, Professor, Honored Researcher of the Republic of Kazakhstan, Nur-Sultan, the Republic of Kazakhstan
Sergey V. Sevastyanov	Professor of Department of International Relations, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Vladivostok, Russia
Olga A. Tretyak	Head of the Department of Strategic Marketing, Faculty of Business and Management, School of Business and Business Administration, National Research University Higher School of Economics, Doctor of Economics, Professor, Moscow, Russia
Fu Kuen-chen	Professor, Ko Guan Law Institute of Shanghai Jiao Tong University, Shanghai, People's Republic of China
Huang Daoxiu	Chairman of the Research Centre for the Study of Russian Law, Beijing, Professor, People's Republic of China

Members of Editorial board

- Konstantin V. Aranovsky** Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia
- Lyudmila I. Votintseva** Professor of Department of Modern Banking, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Honored Educationalist, Doctor of Economics, Professor, Vladivostok, Russia
- Evgeny P. Zharikov** Professor of Department of World Economy, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Professor, Vladivostok, Russia
- Natalia N. Korotkikh** Professor of Department of Criminal Law and Criminology, Law School, Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Professor, Vladivostok, Russia
- Vitaly A. Nomokonov** Professor of Department of Criminal Law and Criminology, Law School, Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Professor, Vladivostok, Russia
- Sergey K. Pestsov** Professor of Department of International Relations, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University, Doctor of Political Sciences, Professor, Vladivostok, Russia

Содержание

К читателям журнала	11
--------------------------------------	----

ЭКОНОМИКА

<i>Кузнецова Н. В., Кочева Е. В., Матев Н. А.</i> Анализ торговых отношений в контексте моделей эффективных международных форм взаимодействия с участием Дальнего Востока России и стран АТР	15
<i>Третьяк В. П., Лякина М. А.</i> Зарождение революционного момента в категории «свободное время»	34
<i>Магомедов Т. Р., Морозов В. В.</i> Финансирование проектов по внедрению возобновляемых источников энергии в Китае и Индии	50

ПОЛИТИКА

<i>Бакланов П. Я., Шведов В. Г.</i> Роль геополитических факторов в освоении Восточной Арктики России и адаптации населения	63
<i>Цибиков В. А.</i> Инициатива «Пояс и путь» в контексте американо-китайского влияния на человеческий капитал Центральной Азии	80
<i>Комиссаров А. Е.</i> Государственная антикоррупционная политика в системе отечественного образования как социально-психологическая основа предупреждения коррупции и коррупционных преступлений в России	97

ПРАВО

<i>Шумилов В. М., Салия М. Р.</i> Идея всеобъемлющего (большого) евразийского партнёрства в свете международного права (Часть 2)	111
<i>Чучаев А. И.</i> Становление в России доктрины уголовного права, его предмета и метода	124
<i>Шевченко Г. Н.</i> Обязательства, возникающие из действий в чужих интересах без поручения: понятие, юридическая природа, практика применения	140
<i>Дремлюга Р. И.</i> Использование искусственного интеллекта в преступных целях: уголовно-правовая характеристика	153
<i>Шишкина О. Е., Бурцева С. С.</i> Правовая определённость в практике Конституционного Суда Российской Федерации	166
<i>Нгуен Тхи Ким Ань.</i> Позиция Китайской Народной Республики в отношении использования трансграничной реки Меконг: международно-правовой анализ	182
<i>Дук Ю. И.</i> Пандемия и криминализация населения	200

Contents

To the Readers	11
-----------------------------	----

ECONOMICS

<i>Kuznetsova Natalia V., Kocheva Ekaterina V., Matev Nikolay A.</i> Analysis of trade relations in the context of models of effective international forms of interaction with the participation of the Russian Far East and the APR countries .	15
<i>Tretyak Vladimir P., Lyakina Maria A.</i> The dawn of a revolutionary moment in the "free time" category	34
<i>Magomedov Temirlan R., Morozov Vitaliy V.</i> Financing renewable energy projects in China and India.	50

POLITICS

<i>Baklanov Pyotr Ya., Shvedov Vyacheslav G.</i> The role of geopolitical factors in the development of the Eastern Arctic of Russia and adaptation of the population	63
<i>Tsibikov Viktor A.</i> The Belt and Road Initiative in the context of the American-Chinese influence on the human capital of Central Asia	80
<i>Komissarov Artem E.</i> State Anti-Corruption Policy in the System of Domestic Education as a Socio-Psychological Basis for the Preventing of Corruption and Corruption Crimes in Russia... ..	97

LAW

<i>Shumilov Vladimir M., Salia Marianna R.</i> The idea of the greater Eurasian partnership in the light of international law (Part 2)	111
<i>Chuchaev Alexander I.</i> The formation of doctrine in Russian criminal law, its subject and method	124
<i>Shevchenko Galina N.</i> Obligations arising from agency of necessity: the concept, legal nature, practice of application	140
<i>Dremluga Roman I.</i> Application of Artificial Intelligence for Criminal Purposes from Criminal Law perspective	153
<i>Shishkina Olga E., Burtseva Svetlana S.</i> Legal certainty in the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation	166
<i>Nguyen Thi Kim Anh.</i> The position of the People's Republic of China regarding transboundary Mekong river utilization: international legal analysis	182
<i>Duk Yuri I.</i> The pandemic and the criminalization of the population	200

К читателям журнала

Издаваемый Дальневосточным федеральным университетом с 1999 года журнал «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» является рецензируемым научным журналом и публикует материалы, связанные с научным осмыслением динамичного развития Азиатско-Тихоокеанского региона как российскими, так и зарубежными авторами.

Цель журнала – нести знания и информацию, предоставляя возможность российским и зарубежным учёным, представителям органов власти и крупного бизнеса, непосредственно участвующим в политической и социально-экономической жизни региона, высказывать собственные мнения и суждения относительно проблем развития АТР и Дальнего Востока России.

Материалы журнала адресуются руководителям организаций, учёным, преподавателям и студентам. В журнале глубоко и профессионально освещаются проблемы в экономической, политической и правовой сферах через их интерпретацию в практической плоскости.

Журнал «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» имеет широкий охват как по авторам публикаций, привлекая исследователей из большого количества регионов Российской Федерации и стран Азиатско-Тихоокеанского региона, так и по членам Редакционной коллегии и Редакционного совета, в которых представлены ведущие университеты России и мира.

Журнал в своей публикационной активности также имеет широкий охват предметных областей, что позволяет ему аккумулировать экспертизу по самому широкому спектру научной проблематики развития АТР и Дальнего Востока России.

По состоянию на 25 декабря 2020 года журнал включён в *Перечень ВАК* по следующим научным специальностям:

Экономические науки:

08.00.01 – Экономическая теория.

08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности).

08.00.14 – Мировая экономика.

Юридические науки:

12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право.

12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право.

12.00.05 – Трудовое право; право социального обеспечения.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

12.00.10 – Международное право; Европейское право.

12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность.

Политические науки:

23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии.

23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития.

Содержание журнала предполагает размещение следующих типов публикаций:

- статьи по экономике, внешнеэкономической деятельности, политике, праву, международному сотрудничеству стран АТР, Дальнего Востока, Приморского края;
- архивные материалы и комментарии к ним по истории сотрудничества России со странами АТР, политическим взаимоотношениям;
- материалы социологических исследований по важнейшим экономическим, общественно-политическим и правовым вопросам;
- справочные законодательные материалы по регулированию национальных экономик, межстрановому взаимодействию в АТР;
- материалы сравнительно-правовых исследований особенностей законодательства России и стран АТР по различным отраслям права;
- обзоры деятельности региональных организаций;
- сообщения, официальная информация по материалам региональных совещаний, конференций, дипломатических встреч.

Помимо указанных проблем в журнале освещаются и иные региональные аспекты развития – демографические, экологические и пр. Учитывая важность затрагиваемых проблем, редколлегия приглашает к сотрудничеству специалистов из разных сфер деятельности, имеющих отношение к тематике журнала, в том числе сотрудников ДВФУ и других вузов России и стран АТР, научных институтов и аналитических центров, специалистов, знающих на практике проблемы АТР и Дальнего Востока России.

Для публикации статьи в журнале необходимо прислать:

- материалы, согласно указанной рубрике, оформленные по образцу журнала, объёмом не более 20 страниц машинописного текста, включая список литературы;
- Ф.И.О. (полностью), учёную степень и учёное звание, должность, место работы – на русском и английском языках;
- название статьи, аннотацию (250–300 слов), ключевые слова (не менее 20) – всё на русском и английском языках;
- e-mail для связи с читателями;
- УДК;
- ссылки внутритекстовые помещать в квадратных скобках, например, «Согласно работе [5], или при цитируемой ссылке [5, с. 18]»;
- список литературы (на русском яз.) и References (транслитерация BSI, пер. на англ. яз.) – в конце статьи; обязательно указывать общее количество страниц в печатном источнике.

Рукопись необходимо присылать в электронном виде, шрифт Times New Roman, кегль 14. Образец оформления статьи необходимо посмотреть на сайте.

Надеемся, что журнал «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» сыграет важную роль в обмене опытом между учёными и практиками Дальнего Востока и будет способствовать эффективному решению проблем региона.

Предложения, пожелания, заявки на участие в издательской деятельности журнала и его приобретение направлять по адресу: 690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10, проф. А. И. Коробееву. E-mail: akorobeev@rambler.ru

Информация о журнале в Интернете: dvfu.ru/apr-magazine/

Тел.: +7 (423) 265-24-24 (*2716).

To the Readers

PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law – is a research journal published by Far Eastern Federal University since the year 1999. This peer-reviewed journal offers science-based insights into the dynamic development of the Asia-Pacific Region (APR) suggested by Russian and foreign authors.

The purpose of the journal is to provide knowledge and information to Russian and foreign researchers, authorities and business people who are directly involved in the political, social and economic life of the region, and give them an opportunity to express their own views and opinions on the problems of APR and Russian Far East (RFE) development.

Materials of the Journal are addressed to the heads of companies, researchers, teachers and students. The Journal provides for a deep and professional insight into the economic, political and legal issues based on their practical interpretation.

PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law includes a wide range of articles by researchers from many regions of the Russian Federation and countries of the Asia-Pacific Region. Among the members of the Editorial Board of the Journal there are representatives of the leading Russian and foreign universities.

The Journal also covers a wide range of academic areas that allows accumulating the knowledge and expertise on various challenges of APR and RFE development.

As of December 25, 2020 the Journal was included into the list of journals indexed by the Higher Attestation Commission (VAK) on the following academic fields:

Economic science:

08.00.01 – Economic Theory.

08.00.05 – Economics and management of the national economy (by industry and areas of activity).

08.00.14 – Global Economics.

Science of Law:

12.00.02 – Constitutional law; constitutional litigation; municipal law.

12.00.03 – Civil law; entrepreneurial law; family law; international private law.

12.00.05 – Labor law; social security law.

12.00.08 – Criminal law and criminology; criminal and penal law.

12.00.10 – International law; European Law.

12.00.12 – Forensics; forensic expertise; criminal intelligence.

Political Science:

23.00.02 – Political institutions, processes and technologies.

23.00.04 – Political problems of international relations, global and regional development.

The Journal accepts for publication the following types of works:

– articles on the economy, foreign economic activity, politics, law, international cooperation of the APR countries, RFE and Primorye;

– archive materials and comments on the history of cooperation between Russia and APR countries, as well as their political relations;

– sociological research materials on the most relevant economic, social, political and legislative questions;

– legislative reference materials on regulating national economies, inter-country cooperation in the APR;

- materials of comparative legal studies of legislations in Russia and APR countries on different areas of law;
- reviews of the work of regional organizations;
- messages and official information on the materials of regional meetings, conferences and diplomatic events.

In addition to the abovementioned questions, the Journal also covers other aspects of regional development, such as demography, environment, etc. Given the significance of the questions discussed in the Journal, the Editorial Board is looking to cooperate with experts working in different areas included into the Journal's agenda. Among them there are researchers from FEFU and other Russian and APR universities, employees of research facilities and analytical organizations, and any professionals who have expertise in the challenges faced by APR and RFE.

For participation in publication, it is necessary to send:

- Materials according to the specified category, formatted in accordance with the journal's standards, with a volume of no more than 20 pages of text, including references;
- Full name (complete), professional position, academic degree and academic status in both Russian and English languages;
- The manuscript's title, a brief abstract (250–300 words), keywords (at least 20) – in Russian and English languages;
- Access to e-mail for communication means with readers;
- UDC;
- Links placed in square brackets, for example, "According to [5], or the cited reference [5, p. 18]";
- List of Literatours (in Russian) and References (BSI transliteration, translated into English) should be placed at the end of the article; Be sure to specify the total number of pages in the printed source.

The manuscript makes an electronic variant, font – Times New Roman, № 14. A sample design can be viewed on the site.

We hope that the journal the PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law will play an important role in experience exchange between the scientists and experts of the Far East, and will promote effective solution of the problems of the region.

Proposals, applications for participation in publishing the journal and its acquisition should be directed to: 10, Ajax village, Russky Island, Vladivostok, Primorsky Territory, 690922, RUSSIA, prof. A. I. Korobeev. E-mail: akorobeev@rambler.ru

Use the following internet link to access the journal's website: dvfu.ru/apr-magazine/

Tel.: +7 (423) 265-24-24 (*2716).

Научная статья

УДК 339.56.055(571.6:5:265)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-3/15-33>

**АНАЛИЗ ТОРГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ МОДЕЛЕЙ
ЭФФЕКТИВНЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ФОРМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
С УЧАСТИЕМ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ И СТРАН АТР***

Н. В. Кузнецова¹, Дальневосточный федеральный университет,
г. Владивосток, Россия
E-mail: kuznetsova.nv@dvfu.ru

Е. В. Кочева², Дальневосточный федеральный университет,
г. Владивосток, Россия
E-mail: kocheva.ev@dvfu.ru

Н. А. Матев³, Дальневосточный федеральный университет,
г. Владивосток, Россия
E-mail: matev.na@dvfu.ru

Аннотация. В современных условиях интенсивного развития интеграционных процессов в мировой экономике увеличиваются темпы роста объёмов внешнеэкономической деятельности, и всё большее число хозяйствующих субъектов во всех

---

¹ *Наталья Викторовна Кузнецова*, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры мировой экономики, Школа экономики и менеджмента, Дальневосточный федеральный университет, Россия.

² *Екатерина Викторовна Кочева*, кандидат экономических наук, доцент кафедры бизнес-информатики и экономико-математических методов, Школа экономики и менеджмента, Дальневосточный федеральный университет, Россия.

³ *Николай Анатольевич Матев*, кандидат экономических наук, доцент кафедры бизнес-информатики и экономико-математических методов, Школа экономики и менеджмента, Дальневосточный федеральный университет, Россия.

* Результаты были получены при выполнении научного проекта Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) № 18-014-00001 «Модель мультивекторной социально-экономической политики взаимодействия российского Дальнего Востока и стран АТР – пути снижения неожиданных эффектов от наступления «больших вызовов».

странах проявляет интерес и активно участвует в ней. Основной задачей государства в области внешнеэкономической деятельности является увеличение объёмов экспортируемой продукции, обеспечение конкурентоспособности товаров на мировом рынке и ограничение импорта, создание условий для производства импортозамещающих товаров. Поэтому ряд механизмов государственного регулирования направлен, во-первых, на защиту внутреннего рынка от иностранных конкурентов, а, во-вторых, на формирование экспорта. Для России это имеет особую важность, так как через развитие экспорта возможно положительное сальдо торгового баланса без сокращения импорта жизненно важных товаров и тем самым решение проблем по укреплению курса рубля. В настоящем исследовании были выделены основные факторы, влияющие на экспортно-импортные операции Дальневосточного федерального округа и стран-партнёров Азиатско-Тихоокеанского региона. Интерес выделенных стран Азиатско-Тихоокеанского региона к Дальнему Востоку в основном проявляется в части минерально-сырьевых ресурсов в силу выгодного географического положения и высокого потенциала добывающей отрасли дальневосточного региона. В среднем по построенным регрессионным моделям можно сказать, что на стоимостные объёмы экспорта топливно-минеральных ресурсов Дальневосточного федерального округа оказывают влияние курс доллара США, котировки цен на нефть и газ, а также темпы роста мировой экономики. При этом регион не может обеспечить внутренние потребности в других высокотехнологичных товарах – и не только конечного потребителя, но и отраслей промышленного производства. Построенные эконометрические модели и выделенные факторы показывают, что практически все модели, построенные по импорту, значимы только по товарной номенклатуре машины и оборудование.

Ключевые слова: эконометрические модели, торговые потоки, российский Дальний Восток, Азиатско-Тихоокеанский регион, Республика Корея, Япония, экспорт, импорт, торговые потоки, торговый баланс, регрессионный анализ, экспортные операции, экономические связи.

Для цитирования: Кузнецова Н. В., Кочева Е. В., Матов Н. А. Анализ торговых отношений в контексте моделей эффективных международных форм взаимодействия с участием Дальнего Востока России и стран АТР // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2021. № 3. С. 15–33. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-3/15-33>.

Original article

**ANALYSIS OF TRADE RELATIONS IN THE CONTEXT OF MODELS
OF EFFECTIVE INTERNATIONAL FORMS OF INTERACTION
WITH THE PARTICIPATION OF THE RUSSIAN FAR EAST
AND THE APR COUNTRIES***

N. V. Kuznetsova¹, Eastern Federal University, Vladivostok, Russia
E-mail: kuznetsova.nv@dvfu.ru

E. V. Kocheva², Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia
E-mail: kocheva.ev@dvfu.ru

N. A. Matev³, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia
E-mail: matev.na@dvfu.ru

Abstract. In modern conditions of intensive development of integration processes in the world economy, the growth rates of the volume of foreign economic activity are increasing and a growing number of economic entities in all countries are showing interest and actively participating in it. The main task of the state in the field of foreign economic activity is to increase the volume of exported products, ensure the competitiveness of goods in the world market and restrict imports, creating conditions to produce import-substituting goods. Therefore, several mechanisms of state regulation are aimed, firstly, at protecting the domestic market from foreign competitors, and, secondly, at forming exports. For Russia, this is of particular importance, since development of exports results in a positive trade balance without reducing imports of vital goods and thereby solves the problems of strengthening the ruble exchange rate. In this study, the main factors influencing the export-import operations of the Far Eastern Federal District and the partner countries of the Asia-Pacific region were highlighted.

---

¹ *Natalia V. Kuznetsova*, Doctor of Economics, Professor, International Economics Department, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

² *Ekaterina V. Kocheva*, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of Business Informatics, Economic and Mathematical Methods, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

³ *Nikolay A. Matev*, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of Business Informatics, Economic and Mathematical Methods, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

* The results were received on the basis of the implementation of the scientific project of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) No. 18-014-00001 «The model of the multi-vector socio-economic policy of interaction between the Russian Far East and the APR countries – ways of reducing the unexpected effects from the onset of «Grand Challenges».

The interest of the selected countries of the Asia-Pacific region in the Far East is mainly manifested in terms of mineral resources due to the advantageous geographical position and high potential of the mining industry of the Far Eastern region. On average, according to the constructed regression models, it can be said that the value of the export of fuel and mineral resources of the Far Eastern Federal District is influenced by the US dollar exchange rate, oil and gas price quotations, as well as the growth rate of the world economy. At the same time, the region cannot meet the internal needs for other high-tech goods, and not only of the end consumer, but of industrial sectors as well. The constructed econometric models and the selected factors show that almost all models built based on imports are significant only in terms of the commodity nomenclature of machinery and equipment.

Key words: econometric models, trade flows, Russian Far East, Asia-Pacific region, Republic of Korea, Japan, export, import, trade flows, trade balance, regression analysis, export operations, economic relations.

For citing: Kuznetsova N. V., Kocheva E. V., Matev N. A. Analysis of trade relations in the context of models of effective international forms of interaction with the participation of the Russian Far East and the APR countries // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2021. No. 3. P. 15–33. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-3/15-33>.

Введение

В настоящее время для многих регионов внешнеэкономические связи стали важным условием устойчивого экономического развития и фактором, обеспечивающим взаимовыгодное сотрудничество, движение капиталов, товаров, услуг между внутренним и мировым рынками, достижение научно-технического прогресса и занятость рабочей силы в рамках открытой экономики. Таким образом, на текущем этапе экономического развития перед Россией и её регионами стоит задача по повышению экономической и социальной эффективности на всех стадиях воспроизводственных процессов. Одно из важных направлений решения такой задачи на уровне местных органов власти – использование внешнеэкономической деятельности для реализации региональных преимуществ (природных, производственных, транспортных, кадровых и других).

Основной задачей государства в области внешнеэкономической деятельности является увеличение объёмов экспортируемой продукции, обеспечение конкурентоспособности товаров на мировом рынке и ограничение импорта, создание условий для производства импортозамещающих товаров. Поэтому ряд механизмов государственного регулирования направлен, во-первых, на защиту внутреннего рынка от иностранных конкурентов, а, во-вторых, на формирование экспорта. Для России это имеет особую важность, так как через развитие экспорта возможно положительное сальдо торгового баланса без сокращения импорта жизненно важных товаров, и тем самым возможно решение проблем по укреплению курса рубля.

Согласно данным Федеральной таможенной службы России, в 2019 г. внешнеторговый оборот России со странами мира составил 666,6 млрд долларов США (по сравнению с 2018 г., оборот уменьшился на 3,1%). На долю импорта в рассматриваемый период приходилось 36,6%, экспорта – 63,4%. Сальдо торгового баланса по итогам 2019 г. сложилось положительное в размере 178,99 млрд долларов США.

В страновой структуре внешней торговли России ведущее место занимал Европейский Союз, на долю которого приходилось 41,7% российского товарооборота. На долю стран АТЭС по итогам 2019 г. приходилось 31,8%, на страны СНГ – 12,1%, на страны ЕАЭС – 8,6%. Основными странами-партнёрами Российской Федерации в части импорта товаров, работ и услуг выступали Китай (22,2%), Германия (10,3%), Беларусь (5,2%), США (5,4%), Италия (4,5%). Что касается продажи российских товаров за рубеж, то можно отметить, что по итогам 2019 г. основными покупателями отечественных товаров, работ и услуг были Китай, Нидерланды, Германия, Турция и Беларусь, которые в структуре давали 40,5% (13,5%, 10,6%, 6,6%, 5,0% и 4,8% каждый соответственно).

В настоящее время со стороны нашего государства особое внимание уделяется Дальнему Востоку в контексте «поворота на Восток» и наращивания сотрудничества России со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Доля внешнеторгового оборота Дальневосточного федерального округа составляет 5,58% во внешнеторговом обороте России.

По данным таможенной статистики, в 2019 г. внешнеторговый оборот Дальневосточного федерального округа составил 37 163,7 млн долларов США, что выше по сравнению с 2018 г. на 7,7%. Такое увеличение объёмов внешнеторгового оборота ДФО обусловлено, в первую очередь, увеличением объёмов импорта на 33,4% и экспорта на 2,0%.

Наибольшие экспортные поставки среди субъектов Дальнего Востока наблюдались в Сахалинской области (52,8% ДФО), Республике Саха (Якутия) и Приморском крае (по 14,1%). Что касается импорта, то 62,1% всей ввозимой продукции, товаров, работ и услуг приходится на Приморский край, 11,3% – на Сахалинскую область и 10,4% на Хабаровский край.

Дальний Восток России по-прежнему остается регионом с сырьевой направленностью экономики. В основном вся производственная деятельность региона базируется на добыче полезных ископаемых, и, как следствие, наибольшие стоимостные объёмы экспортных операций приходятся на сырьё. На Дальнем Востоке производится крайне мало конечной продукции с высокой добавленной стоимостью, что, соответственно, не покрывает внутренние потребности региона. Как следствие, в импортных операциях большую долю занимают готовые товары, например, лесоперерабатывающей промышленности (мебель, изделия из дерева), металлургической промышленности, судостроительной отрасли, а также машины и оборудование.

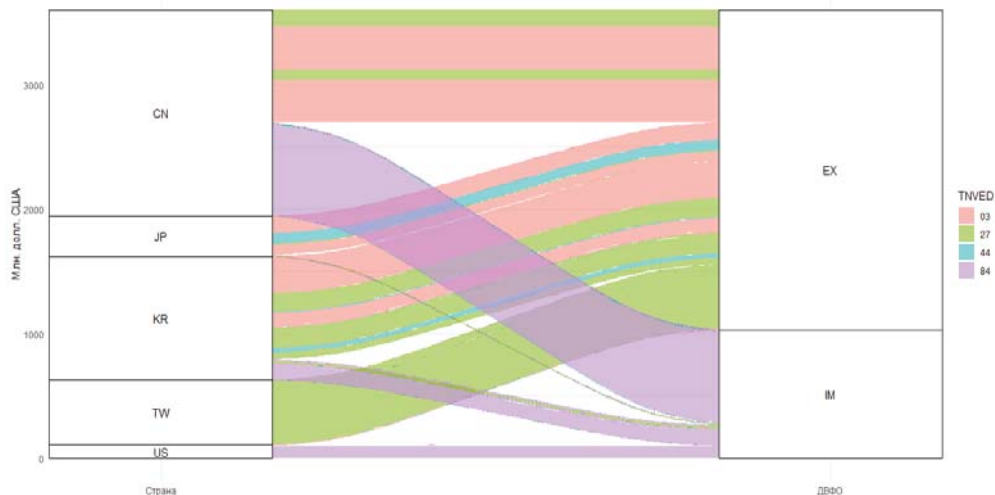
Ранее в исследованиях нами были разработаны модели эффективных международных форм взаимодействия с участием ДФО и стран АТР [8; 9]. Согласно представленным моделям, были выделены основные страны-партнёры Дальнего Востока России (Китайская Народная Республика, Тайвань, Таиланд, США, Южная Корея, Япония, Канада, Сингапур, Индонезия, Филиппины, Малайзия и Вьетнам), а также приоритетные виды экономической деятельности в разрезе товарных групп: 03 – Рыба и ракообразные, моллюски и прочие водные беспозвоночные; 27 – Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки; битуминозные вещества; воски минеральные; 44 – Древесина и изделия из неё; древесный уголь; 84 – Реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства; их части.

Внешнеторговый оборот ДФО в 2019 г. с выделенными странами составил 6206,8 млн долл. США, что составляет 78% от общего объёма внешнеторгового оборота региона. Наибольший объём внешнеторгового оборота ДФО в данный период времени наблюдался с Китаем и составил 56% оборота с выделенными странами (на втором месте – Южная Корея, на третьем – Тайвань со значениями 21,3% и 8,7% соответственно) (рис. 1).

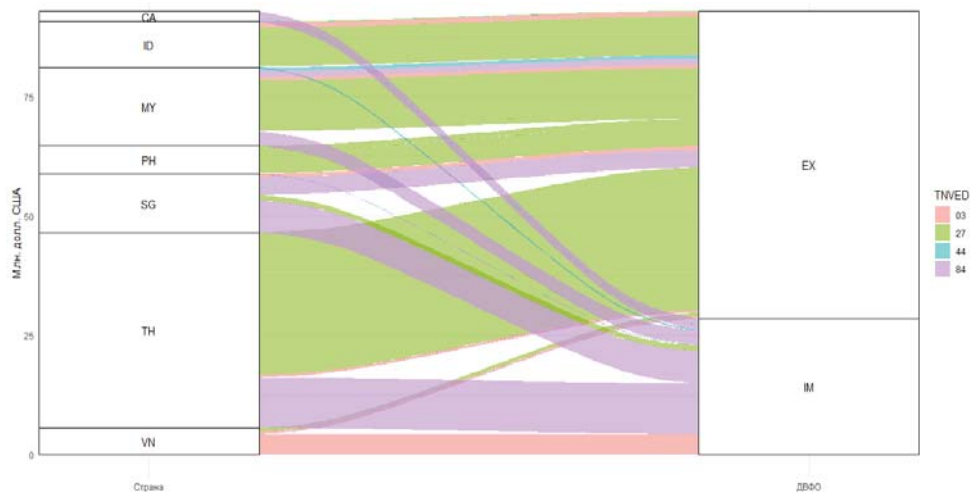
Как видно из рис. 1, основная доля внешнеторгового потока Дальневосточного федерального округа по выделенным товарным группам приходилась на экспортные операции (68% по итогам 2019 г.). Основой дальневосточного экспорта традиционно являлись топливно-энергетические товары, на долю которых приходилось 30%, причём удельный вес данной товарной группы значительно сократился в конце 2019 г. По сравнению с 2018 г., стоимостной объём топливно-энергетических товаров снизился в 2 раза. Основным партнёром ДФО по экспорту данной группы товаров долгое время оставался Китай, однако в 2019 г. поставки значительно сократились. В I квартале 2020 г. Китай получил рекордное количество российской нефти *Urals* – 4 млн т. Рост произошёл благодаря восстановлению переработки в стране и удешевлению *Urals*. По сравнению с I кварталом 2019 г., ситуация остаётся стабильной. Основными потребителями топливно-энергетических ресурсов в I квартале 2019 г. являлись Южная Корея, Япония и Китай.

Положительные тенденции в 2019 г. наблюдались по экспортным операциям рыбной продукции. Доля в экспорте товарной группы – рыба и ракообразные, моллюски и прочие водные беспозвоночные увеличилась более чем в 2,5 раза, преимущественно за счёт Китая, Японии и Южной Кореи.

Доля экспорта лесоматериалов и целлюлозно-бумажных изделий в стоимостном выражении в 2019 г. составила 2,98% против 3,13% в 2018 г. Основным потребителем дальневосточного леса является Китай, однако доля стоимостного объёма вывозимой продукции по данной группе товаров в 2019 г. значительно сократилась. Основная доля экспорта по данной товарной номенклатуре в 2019 г. приходилась на Японию и Южную Корею.

а) Торговые потоки со странами-лидерами по стоимостным объёмам

б) Торговые потоки с остальными странами-партнёрами по стоимостным объёмам

Примечание:

TNVED: 03 – Рыба и ракообразные, моллюски и прочие водные беспозвоночные; 27 – Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки; битуминозные вещества; воски минеральные; 44 – Древесина и изделия из неё; древесный уголь; 84 – Реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства; их части.

Страны: CN – Китай; JP – Япония; KR – Республика Корея; US – Соединённые Штаты Америки; TW – Тайвань; PH – Филиппины; TH – Таиланд; CA – Канада; ID – Индонезия; MY – Малайзия; SG – Сингапур; VN – Вьетнам.

Рис. 1. Торговые потоки в разрезе товарных групп Дальневосточного федерального округа со странами-партнёрами в 2019 г.

Источник: расчёты авторов

В товарной структуре импорта наибольший удельный вес в 2019 г. приходился на машины и оборудование и составил 34,4% (в 2018 г. – 32,6%). Основными странами-партнёрами по импорту товаров данной группы традиционно являются Китай, Южная Корея, США, Тайвань, Канада и Япония. Однако следует также отметить, что импортные поставки на Дальний Восток России сократились в 2019 г. по таким товарам, как легковые автомобили, электрическое и механическое оборудование.

Одним из ключевых направлений в определении мультивекторной социально-экономической политики взаимодействия российского Дальнего Востока и стран Азиатско-Тихоокеанского региона является выявление факторов, оказывающих влияние на экспортно-импортные отношения. В соответствии с методическими рекомендациями Минэкономразвития России по разработке показателей прогнозов социально-экономического развития субъектов Российской Федерации [1] за основу моделирования экспортно-импортных отношений между субъектами ДФО и странами-партнёрами, выделенных в рамках моделей эффективных международных форм взаимодействия, были взяты регрессионные уравнения. В качестве зависимых и факторных переменных был рассмотрен набор показателей:

- зависимые переменные:
  - *export* – экспорт товаров и услуг, млн долл. США;
  - *import* – импорт товаров и услуг, млн долл. США;
- факторные переменные:

in_prom_pr – индекс промышленного производства, в процентах к предыдущему месяцу; *china* – темпы роста экономики Китая, в процентах к предыдущему месяцу; *usa* – темпы роста экономики США, в процентах к предыдущему месяцу; *korea* – темпы роста экономики Республики Корея, в процентах к предыдущему месяцу; *japan* – темпы роста экономики Японии, в процентах к предыдущему месяцу; *oecd* – темпы роста экономик стран, входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), в процентах к предыдущему месяцу; *curs_dollar* – курс доллара США к российскому рублю, рубли; *curs_brent* – курс нефти марки *Brent*, долл. за 1 баррель; *curs_ural* – курс нефти марки *Urals*, долл. за 1 баррель; *curs_gas* – курс природного газа, долл. США за 1 млн БТЕ.

Выбор указанных показателей обусловлен, во-первых, методическими рекомендациями Минэкономразвития России по разработке показателей прогнозов социально-экономического развития субъектов Российской Федерации [1], а, во-вторых, следующими соображениями. Индекс промышленного производства – показатель, характеризующий динамику объёмов промышленного производства. Высокий спрос на продукцию отраслей сырьевого комплекса обуславливается развитием отраслей, потребляющих продукцию данного комплекса. Таким образом, индекс промышленного производства оказывает положительное влияние на внешне-торговые отношения.

Темпы роста валовых внутренних продуктов, в свою очередь, являются индикаторами состояния национальных экономик. Рост индексов в динамике говорит о том, что в стране созданы весьма благоприятные условия для торговли.

Что касается валютных курсов, то можно сказать, что они оказывают существенное влияние на внешнюю торговлю различных стран, воздействуя на ценовые соотношения экспорта и импорта. Это даёт возможность выявить результат внешнеэкономических операций страны.

Котировки цен на топливно-энергетическое сырьё оказывают непосредственное влияние на объёмы экспортно-импортных операций. В России традиционно действует сырьевая модель экономики. Нарращивание экспорта сырья может привести к ухудшению процессов торговли за счёт падения мировых цен на данный продукт.

Источниками информации о выделенных переменных явились официальные данные Федеральной таможенной службы [6], Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации [5], данные Центрального банка России [7], а также данные *Finanzen.net GmbH* о котировках цен на природные ресурсы [2]. Набор исходных данных представляет собой выборку из 108 879 помесечных наблюдений за период с января 2017 г. по апрель 2020 г.

Основным стратегическим партнёром Дальневосточного федерального округа в части торговли является Китайская Народная Республика. Построим эконометрические модели и выявим основные факторы, оказывающие влияние на экспортно-импортные отношения между ДФО и Китаем (табл. 1).

Как видно из представленных моделей, на экспорт рыбы и рыбных продуктов Дальневосточного федерального округа в Китай оказывает значимое положительное влияние курс доллара США, таким образом валютная выручка рыбного экспорта Дальневосточного региона увеличивается с увеличением курса доллара на 2,9%.

На поставки сырьевой продукции добывающего сектора экономики Дальнего Востока оказывают влияние курс доллара США и индекс промышленного производства, причём при увеличении последнего на 1% экспорт топливно-минеральной продукции увеличивается на 2,4%. На экспортные поставки древесины в Китай из региона оказывают значимое положительное влияние индекс промышленного производства и темпы роста экономики Китая.

В модели по экспорту машин и оборудования из Дальнего Востока в Китай значимых факторов не выявлено. Доля продукции данной номенклатуры ТНВЭД в стоимости экспорта территорий Дальневосточного федерального округа составляет 1,7%, и за последние три года наблюдается тенденция снижения стоимостного объёма экспорта. Это объясняется сокращением экспорта вооружений и военной техники, в том числе самолётов в КНР.

**Итоги регрессионного анализа экспортных операций субъектов
Дальнего Востока России и Китая по товарной номенклатуре ТНВЭД**

Факторы	Зависимые переменные			
	$\log(\text{export}_{03})$	$\log(\text{export}_{27})$	$\log(\text{export}_{44})$	$\log(\text{export}_{84})$
<i>(Intercept)</i>	-7.239* (3.449)	-14.795 (51.950)	-15.786** (5.550)	503.924 (311.710)
$\log(\text{curs\_dollar})$	2.891** (0.834)	5.855* (2.359)		
$\log(\text{usa})$		-106.004 (70.021)		-124.897 (66.162)
$\log(\text{oced})$		102.897 (60.943)		
$\log(\text{curs\_gas})$		-1.026 (0.712)		
$\log(\text{in\_prom\_pr})$		2.381** (0.819)	1.036*** (0.251)	
$\log(\text{china})$			3.150* (1.194)	13.745 (9.957)
$\log(\text{curs\_ural})$			0.188 (0.129)	35.549 (20.989)
$\log(\text{curs\_brent})$				-34.078 (21.293)
<i>Statistics</i>				
<i>N</i>	40	40	40	40
<i>R-squared</i>	0.640	0.736	0.653	0.166
<i>AIC</i>	36.104	32.400	-14.482	154.846
<i>F</i>	12.012	3.446	9.374	1.662
<i>p</i>	0.001	0.013	0.000	0.018

Источник: расчёты авторов

В табл. 2 представлены оценки регрессионных моделей по импорту в ДФО из Китая в разрезе ТНВЭД.

Как видно из табл. 2, значимое влияние на импорт рыбы, ракообразных, моллюсков и прочих водных беспозвоночных оказывают влияние курс доллара США (причем связь обратная) и темпы роста экономики Китайской Народной Республики. Подобного рода зависимость логично объясняется тем, что при увеличении стоимости доллара США импортные поставки готовой рыбной продукции с высокой добавленной стоимостью уменьшаются, локальные рынки пытаются обеспечить внутренний спрос на данный вид продукции самостоятельно.

Итоги регрессионного анализа импортных операций субъектов Дальнего Востока России и Китая по товарной номенклатуре ТНВЭД

Факторы	Зависимые переменные			
	$\log(\text{import\_03})$	$\log(\text{import\_27})$	$\log(\text{import\_44})$	$\log(\text{import\_84})$
<i>(Intercept)</i>	19.509** (6.699)	-285.529 (171.017)	-59.812 (48.859)	-206.300*** (39.861)
$\log(\text{curs\_dollar})$	-4.452** (1.620)		2.433* (1.033)	
$\log(\text{usa})$		64.917 (39.020)	-0.523 (0.394)	-0.509 (0.322)
$\log(\text{oecd})$		-4.445 (2.602)		
$\log(\text{curs\_gas})$			-49.490 (32.012)	116.159*** (21.856)
$\log(\text{in\_prom\_pr})$			7.342*** (1.737)	6.926*** (1.417)
$\log(\text{china})$	19.509** (6.699)		53.569* (24.300)	3.751*** (1.156)
$\log(\text{curs\_ural})$				0.654* (0.249)
$\log(\text{curs\_brent})$		-285.529 (171.017)	-59.812 (48.859)	-26.300 (39.861)
<i>Statistics</i>				
<i>N</i>	40	40	40	40
<i>R-squared</i>	0.666	0.078	0.593	0.865
<i>AIC</i>	89.223	180.888	2.451	-13.162
<i>F</i>	7.547	1.563	9.924	13.492
<i>p</i>	0.009	0.223	0.000	0.000

Источник: расчёты авторов

Что касается импорта топливно-сырьевой продукции из Китая на территорию Дальнего Востока, то можно отметить, что построенная эконометрическая модель не является статистически значимой. Как было отмечено выше, ДФО является основным поставщиком данного вида ресурсов в страны Азиатско-Тихоокеанского региона и значимых импортных поставок из Китая в исследуемый период не имеет: на долю импорта ДФО из КНР по данному ТНВЭД приходится 0,22% общего импорта топливно-сырьевой продукции.

Дальневосточный регион поставляет в Китай преимущественно сырьё. В Китае спрос на лес имеет постоянно растущую тенденцию. Причём увеличивается и ми-

ровой спрос на мебель, фанеру и основную продукцию, которую Китай производит и экспортирует. Дальневосточный регион России не является исключением. Эконометрическая модель, отражающая влияние факторов на импортные поставки из Китая на Дальний Восток России по группе товаров номенклатуры «Древесина и изделия из неё», показывает, что в числе значимых предикторов отмечены курс доллара США, индекс промышленного производства и темп роста экономики Китая. С увеличением данных показателей объёмы стоимостного импорта из Китая на Дальний Восток России возрастают.

Традиционно Дальневосточный регион активно импортирует оборудование и различные механические устройства. По данному виду товарной продукции основными поставщиками являются Китай, Япония, Южная Корея и США. Согласно эконометрической модели, практически все факторы оказывают значимое влияние на импортные поставки в ДФО из Китая.

Таким образом, учитывая вышеизложенное, можно отметить, что в основе российско-китайского сотрудничества положен принцип «сырьё – технологии». Развитие Дальнего Востока основано за счёт вложений в разработку полезных ископаемых и энергетику, поскольку весьма затруднительно в регионе развивать процесс трудоёмкого и инновационного производства в силу дефицита трудовых ресурсов и соответствующей инфраструктуры.

Развитие международного сотрудничества Дальневосточного федерального округа России и Республики Корея в настоящее время является одним из приоритетных направлений взаимовыгодных торговых отношений России среди стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Особенное место в укреплении экономических связей между нашими странами отводится Восточному экономическому форуму.

Рассмотрим регрессионные модели взаимосвязи торговых потоков российско-Дальнего Востока и Республики Корея от выделенных факторов (табл. 3).

Согласно рассчитанным моделям взаимосвязи экспорта ДФО в Республику Корея были определены значимые факторы, оказывающие влияние на зависимую переменную по товарной номенклатуре. Так, на экспорт рыбных ресурсов значимое положительное влияние оказывают показатели курса доллара США, а также индекс промышленного производства: данные факторы описывают 62,2% дисперсии резульативного показателя. Отметим, что дальневосточные морские ресурсы пользуются заметным спросом на корейском рынке: по итогам 2019 г. доля экспорта рыбы и ракообразных, моллюсков и прочих водных беспозвоночных составила 40,8% общего экспорта ДФО в Корею.

Наиболее качественная эконометрическая модель, характеризующая стоимостные объёмы экспортируемой продукции, была построена по товарной номенклатуре топливно-энергетической продукции. Как было отмечено ранее, исторически Дальний Восток является поставщиком данных товаров на рынок Республики Корея (в общем

экспорте ДФО в Корею в 2019 г. данный вид продукции составил 36,6%). Данная модель описывает 79,8% изменчивости экспорта в зависимости от курса доллара, курса газа, курса нефти марки *Urals*, а также темпов роста экономики Кореи.

Таблица 3

**Итоги регрессионного анализа экспортных операций субъектов
Дальнего Востока России и Республики Корея
по товарной номенклатуре ТНВЭД**

Факторы	Зависимые переменные			
	$\log(\text{export}_{03})$	$\log(\text{export}_{27})$	$\log(\text{export}_{44})$	$\log(\text{export}_{84})$
<i>(Intercept)</i>	11.645 (26.591)	-40.831 (42.209)	-9.754 (8.765)	-19.748 (231.160)
$\log(\text{usa})$				-259.008 (172.928)
$\log(\text{oecd})$	61.046 (31.067)	65.644 (36.109)		262.708 (130.127)
$\log(\text{curs\_dollar})$	4.074** (1.193)	8.922*** (1.690)	3.297*** (0.714)	
$\log(\text{curs\_gas})$		0.581*** (0.164)		
$\log(\text{in\_prom\_pr})$	1.196** (0.407)			
$\log(\text{korea})$		3.458*** (1.045)	2.996** (1.022)	
$\log(\text{curs\_ural})$		0.666** (0.208)		
<i>Statistics</i>				
<i>N</i>	40	40	40	40
<i>R-squared</i>	0.622	0.798	0.638	0.249
<i>AIC</i>	7.873	46.067	22.712	177.909
<i>F</i>	4.957	13.728	5.773	2.973
<i>p</i>	0.002	0.000	0.007	0.106

Источник: расчёты авторов

Рассматривая динамику экспортных операций ДФО по товарной номенклатуре 44 «Древесина и изделия из неё; древесный уголь» можно отметить, что на протяжении рассматриваемого периода наблюдалась положительная тенденция к увеличению экспорта стоимостного объёма товаров. Так, согласно данным Федеральной таможенной службы России, в 2019 г. доля экспорта данной категории составила 4,3% общего экспорта ДФО в Республику Корея.

Эконометрическая модель, описывающая экспортные поставки по товарной номенклатуре 84 «Реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства; их части» оказалась статистически незначимой: дальневосточный экспорт в Республику Корея по данному виду ТНВЭД в 2019 г. составил 0,014% общего экспорта в Корею. Кроме этого, в рассматриваемый период наблюдается стабильная негативная тенденция снижения экспорта машин и оборудования, что свидетельствует о снижении возможностей и качества экспортируемой продукции.

Далее рассмотрим эконометрические модели взаимосвязи дальневосточного импорта из Республики Корея по выделенным товарным номенклатурам (табл. 4).

Таблица 4

**Итоги регрессионного анализа импортных операций субъектов
Дальнего Востока России и Республики Корея
по товарной номенклатуре ТНВЭД**

Факторы	Зависимые переменные			
	<i>log (import_03)</i>	<i>log (import_27)</i>	<i>log (import_44)</i>	<i>log (import_84)</i>
<i>(Intercept)</i>	-2401.710 (1142.245)	-31.014 (10.495)	901.705* (344.169)	82.115 (75.213)
<i>log (oecd)</i>	86.176 (68.306)		176.831 (90.353)	180.707 (102.016)
<i>log (korea)</i>	441.825 (250.609)	4.334 (3.121)		2.262* (1.112)
<i>log (curs_ural)</i>	-5.361 (2.669)	5.254 (2.986)	35.568 (19.258)	
<i>log (curs_gas)</i>	-10.007 (9.691)			-1.723 (1.034)
<i>log (curs_brent)</i>		-5.792 (3.364)	-31.801 (19.508)	
<i>log (curs_dollar)</i>		2.456 (1.877)		4.924*** (1.403)
<i>log (in_prom_pr)</i>		0.938 (0.893)		
<i>log (usa)</i>			-376.973 (249.038)	-204.346 (101.182)
<i>Statistics</i>				
<i>N</i>	40	40	40	40
<i>R-squared</i>	0.149	0.115	0.191	0.724
<i>AIC</i>	165.333	232.840	144.392	91.835
<i>F</i>	3.658	3.577	2.010	2.389
<i>p</i>	0.236	0.150	0.115	0.009

Источник: расчёты авторов

Анализ табл. 4 показал, что из четырёх построенных регрессионных уравнений статистически значимой является зависимость объемов корейского импорта на территорию Дальневосточного федерального округа товаров по товарной номенклатуре 84 «Реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства; их части». По итогам 2019 г. стоимостные объёмы импорта по рассматриваемой ТНВЭД в субъекты ДФО, согласно данным таможенной статистики, составили 146,4 млн долл. США, или 47,4% всего корейского импорта на территорию Дальнего Востока России. В свою очередь, значимыми факторами, определяющими изменчивость импортных потоков, являются курс доллара США и темпы роста экономики Кореи. В целом эконометрическая модель объясняет изменчивость исследуемого показателя в зависимости от выделенных предикторов на 72,4%.

Таким образом, стоит отметить, что на протяжении тридцатилетнего сотрудничества Россия остается партнёром Южной Кореи в части обеспечения роста последней за счёт импорта российских природных ресурсов, то есть товаров с низкой добавленной стоимостью. Можно констатировать, что несмотря на то, что на российском рынке представлено более чем 150 южнокорейских компаний, заинтересованных в инвестициях в экономику России, политика взаимодействия между странами по-прежнему базируется на торговле природными ресурсами со стороны России и автомобилями, высокотехнологичной техникой и оборудованием со стороны Кореи.

Сотрудничество Японии и России на Дальнем Востоке является частью плана администрации Синдзо Абэ. На текущий момент большинство выделенных сфер сотрудничества между нашими странами закреплены меморандумами, а некоторые из них уже имеют реально реализованные проекты. В свою очередь, торговое экономическое сотрудничество Японии и российского Дальнего Востока традиционно представлено сотрудничеством в нефтегазовой и рыбной сферах.

Рассмотрим итоги регрессионного анализа экспортно-импортных операций Дальнего Востока России и Японии (табл. 5).

Согласно данным табл. 5, из четырёх построенных эконометрических моделей статистически значимой оказалась одна модель, описывающая зависимость динамики экспортных операций Дальневосточного федерального округа и Японии по товарной номенклатуре топливно-энергетического сырья. Качество данной модели определяет коэффициент детерминации, который равен 0,707, следовательно, 70,7% изменчивости дальневосточного экспорта указанных товаров объясняется изменением индекса промышленного производства, темпами роста экономики Японии, а также курсом доллара. Все выделенные факторы оказывают позитивное влияние на стоимостные объёмы экспорта.

Рассмотрим регрессионные модели взаимосвязи стоимостных объёмов дальневосточного импорта из Японии по рассматриваемым ТНВЭД (табл. 6).

**Итоги регрессионного анализа экспортных операций субъектов
Дальнего Востока России и Японии по товарной номенклатуре ТНВЭД**

Факторы	Зависимые переменные			
	$\log(\text{export}_{03})$	$\log(\text{export}_{27})$	$\log(\text{export}_{44})$	$\log(\text{export}_{84})$
<i>(Intercept)</i>	-8.975 (5.414)	-1.020 (39.405)	66.579** (22.572)	-1239.766*** (292.428)
$\log(\text{curs}_{\text{ural}})$	0.781 (0.561)		0.813 (0.691)	
$\log(\text{in}_{\text{prom}_{\text{pr}}})$	1.859 (1.100)	2.687** (0.912)	-0.518 (0.418)	6.034* (2.824)
$\log(\text{japan})$		5.204** (1.933)		1812.430 (1406.458)
$\log(\text{oecd})$		54.600 (33.711)	-14.226** (5.142)	-1514.402 (1354.083)
$\log(\text{curs}_{\text{dollar}})$		4.575** (1.578)		-40.569 (33.318)
$\log(\text{curs}_{\text{gas}})$			0.454 (0.272)	6.313 (4.252)
<i>Statistics</i>				
<i>N</i>	40	40	40	40
<i>R-squared</i>	0.072	0.707	0.099	0.150
<i>AIC</i>	102.780	40.568	4.629	153.498
<i>F</i>	1.435	21.113	1.318	1.200
<i>p</i>	0.120	0.000	0.142	0.356

Источник: расчёты авторов

Анализ табл. 6 показал, что статистически значимыми являются две модели из четырёх построенных. Так, на стоимостные объёмы импорта из Японии на территории субъектов Дальневосточного федерального округа по ТНВЭД «Рыба и ракообразные, моллюски и прочие водные беспозвоночные» оказывают значимое влияние темпы роста мировой экономики и экономики Японии, а также курс доллара. Стоит отметить отрицательное влияние фактора $\log(\text{oecd})$ на зависимую переменную, следовательно, можно предположить, что при росте мировой экономики в целом импортные поставки рыбы будут снижаться, таким образом, можно сказать, что японский рынок будет охотнее вести торговлю с другими странами по данной ТНВЭД.

В свою очередь, на изменение импорта машин и оборудования значимое влияние оказывают факторы темпов роста экономики Японии, курс доллара США и индекс промышленного производства Дальневосточного федерального округа.

Итоги регрессионного анализа импортных операций субъектов Дальнего Востока России и Японии по товарной номенклатуре ТНВЭД

Факторы	Зависимые переменные			
	<i>log (import_03)</i>	<i>log (import_27)</i>	<i>log (import_44)</i>	<i>log (import_84)</i>
<i>(Intercept)</i>	639.735** (199.032)	225.121** (171.541)	-424.867* (179.526)	-139.643 (78.339)
<i>log (oecd)</i>	-16.403*** (4.416)	178.432 (145.444)	-249.461*** (65.657)	
<i>log (japan)</i>	6.873** (2.281)	-4.815 (2.560)		3.565** (1.071)
<i>log (curs_brent)</i>	5.299 (4.099)	0.810 (0.575)	-3.690 (2.630)	-9.674 (5.976)
<i>log (curs_dollar)</i>	-12.804* (4.796)	3.016 (1.702)		2.729** (0.849)
<i>log (curs_gast)</i>	3.842 (3.698)	-0.921 (0.499)		
<i>log (usa)</i>		-226.529 (155.527)	343.929 (199.885)	27.391 (15.962)
<i>log (in_prom_pr)</i>		0.727 (0.485)		1.893*** (0.345)
<i>log (curs_ural)</i>				7.376 (3.986)
<i>Statistics</i>				
<i>N</i>	40	40	40	40
<i>R-squared</i>	0.604	0.012	0.379	0.701
<i>AIC</i>	131.884	34.165	121.874	17.921
<i>F</i>	10.371	0.055	7.313	12.908
<i>p</i>	0.005	0.364	0.201	0.000

Источник: расчёты авторов

Исходя из этого можно сказать, что, ввиду ограниченности собственных природных ресурсов, Япония активно привлекает для производств импортное сырьё, на долю которого приходится более 40% валового выпуска. Экспортноориентированными для Японии являются высокотехнологичные отрасли. Дальний Восток активно импортирует из Японии машины и оборудование.

Интерес выделенных стран Азиатско-Тихоокеанского региона к Дальнему Востоку в основном проявляется в части минерально-сырьевых ресурсов в силу выгодного географического положения и высокого потенциала добывающей отрасли дальневосточного региона. В среднем по построенным регрессионным моделям можно сказать, что на стоимостные объёмы экспорта топливно-минеральных ре-

сурсов Дальневосточного федерального округа оказывают влияние курс доллара США, котировки цен на нефть и газ, а также темпы роста мировой экономики. Безусловно, в настоящее время обеспечение национальных интересов являются одной из стратегических задач России. С одной стороны, большие вызовы, стоящие перед Россией на данном этапе социально-экономического развития, создают определённые риски, с другой стороны, являются стимулом для укрепления текущих позиций на мировом рынке, наращивания производственного потенциала, поиска новых путей взаимодействия между странами.

Список литературы

1. Об утверждении рекомендуемой формы по основным показателям, представляемым органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации в Минэкономразвития России для разработки прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочный период, и методических рекомендаций по разработке, корректировке, мониторингу среднесрочных прогнозов социально-экономического развития субъектов Российской Федерации : приказ Минэкономразвития России от 13.03.2019 № 124 (ред. от 13.04.2020). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_320582/ (дата обращения: 15.08.2021).
2. Finanzen.net. – URL: <https://www.finanz.ru/> (дата обращения: 15.08.2021). – Данные Finanzen.net GmbH о котировках цен на природные ресурсы.
3. The World Bank : official site. – URL: <http://www.worldbank.org/eca/russian/data/> (дата обращения: 15.08.2021).
4. Посольство Японии в России : офиц. сайт. – URL: <https://www.ru.emb-japan.go.jp/economy/ru/index.html> (дата обращения: 15.08.2021).
5. Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации : офиц. сайт. – URL: <https://www.gks.ru/> (дата обращения: 15.08.2021).
6. Федеральная таможенная служба Российской Федерации : офиц. сайт. – URL: <http://customs.gov.ru/statistic> (дата обращения: 15.08.2021).
7. Центральный банк Российской Федерации : офиц. сайт. – URL: <https://www.cbr.ru/> (дата обращения: 15.08.2021).
8. Модель мультивекторной социально-экономической политики взаимодействия российского Дальнего Востока и стран АТР – путь снижения эффектов от «Больших вызовов» : монография / Н. В. Кузнецова, Е. В. Кочева, Н. А. Матев, А. А. Кравченко. – Москва : Русайнс, 2020. – 476 с.
9. Кузнецова, Н. В. Методика оценки социально-экономических рисков для ответа России на большие вызовы / Н. В. Кузнецова, Е. В. Кочева, Н. А. Матев // Азиатско-Тихоокеанский регион : экономика, политика, право. – 2019. – № 4. – С. 29–52.

References

1. *On the approval of the recommended form for the main indicators submitted by the executive authorities of the constituent entities of the Russian Federation to the Ministry of Economic Development of Russia for the development of a forecast of the socio-economic development of the Russian Federation for the medium term, and methodological recommendations for the development, adjustment, monitoring of medium-term forecasts of the socio-economic development of the constituent entities of the Russian Federation: order of the Ministry of Economic Development of Russia dated March 13, 2019 No. 124 (as revised on April 13, 2020)*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_320582/ (accessed 15 August 2021). (In Russian).
2. *Finanzen.net*. Available at: <https://www.finanz.ru/> (accessed 15 August 2021). (In Russian). Data from Finanzen.net GmbH on price quotations for natural resources.
3. *The World Bank: official site*. Available at: <http://www.worldbank.org/ec/russian/data/> (accessed 15 August 2021). (In Russian).
4. *Embassy of Japan in Russia: official site*. Available at: <https://www.ru.emb-japan.go.jp/economy/ru/index.html> (accessed 15 August 2021). (In Russian).
5. *Federal State Statistics Service of the Russian Federation: official site*. Available at: <https://www.gks.ru/> (accessed 15 August 2021). (In Russian).
6. *Federal Customs Service of the Russian Federation: official site*. Available at: <http://customs.gov.ru/statistic> (accessed 15 August 2021). (In Russian).
7. *Central Bank of the Russian Federation: official website*. Available at: <https://www.cbr.ru/> (accessed 15 August 2021). (In Russian).
8. Kuznetsova N. V., Kocheva E. V., Matev N. A., Kravchenko A. A. *Model' mul'tivektornoj sotsial'no-ekonomicheskoi politiki vzaimodeistviya rossiiskogo Dal'nego Vostoka i stran ATR – put' snizheniya effektov ot «Bol'shikh vyzovov»*: monografiya [A model of a multi-vector socio-economic policy of interaction between the Russian Far East and the Asia-Pacific countries – a way to reduce the effects of the «Big Challenges». Monograph]. Moscow: Rusays Publ., 2020. 476 p.
9. Kuznetsova N. V., Kocheva E. V., Matev N. A. *Metodika otsenki sotsial'no-ekonomicheskikh riskov dlya otveta Rossii na bol'shie vyzovy* [Methodology for assessing socio-economic risks for Russia's response to big challenges]. *Aziatsko-Tikhookeanskii region: Ekonomika. Politika. Pravo – Pacific RIM: Economics. Politics. Law*, 2019, no. 4, pp. 29–52.

Научная статья

УДК 331.101-021.352: 330.111.4

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-3/34-49>

ЗАРОЖДЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО МОМЕНТА В КАТЕГОРИИ «СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ»

В. П. Третьяк¹, Российский университет транспорта, г. Москва, Россия

E-mail: v_tretyak@inbox.ru

М. А. Лякина², Петербургский государственный университет путей
сообщения Императора Александра I, г. Санкт-Петербург, Россия

E-mail: malyakina@mail.ru

Аннотация. В постиндустриальном обществе наблюдается переход от *принуждения к занятости* и учёта *рабочего времени* граждан к креативной деятельности, основанной на использовании *свободного времени*. Форсайт постиндустриальной экономики направлен на поиск слабых сигналов, приближающих изживание элементов товарного производства и ведущих к формам использования свободного труда. В статье формулируется гипотеза о том, что в постиндустриальную эпоху, когда намечается доминирование шестого технологического уклада, в практике функционирования перезрелой товарной организации производства появляются формы, содержащие зарождающийся революционный момент в категории «свободное время». Историчность понимания свободного времени связывается авторами с развитием товарной организации производства. Сегодня в перезрелой форме товарно-денежного производства содержатся зародыши креативной деятельности свободных индивидов грядущей общественной организации в виде исторически определённого свободного времени. Среди зарождающихся форм выделяются волонтерская деятельность; функционирование *социальных сетей*; формирование безусловного основного дохода; проведение конкурсов и выделение грантов; вручение ежегодных премий за интеллектуальные результаты; стимулирование движения рационализаторов и изобретателей, которые повседневно побуждают к креативной деятельности человека, оцениваемой свободным временем.

¹ Владимир Петрович Третьяк, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры «Экономика и управление на транспорте», Российский университет транспорта, г. Москва, Россия.

² Лякина Мария Анатольевна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Экономика транспорта», Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I, г. Санкт-Петербург, Россия.

Ключевые слова: свободное время, рабочее время, Форсайт, технологические уклады, товарное производство, безусловный основной доход (БОД), волонтерство, социальные сети, постиндустриальная экономика, бюджет времени, общественно необходимые затраты труда, нерабочее время, производительный труд.

Для цитирования: Третьяк В. П., Лякина М. А. Зарождение революционного момента в категории «свободное время» // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2021. № 3. С. 34–49. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-3/34-49>.

Original article

THE DAWN OF A REVOLUTIONARY MOMENT IN THE "FREE TIME" CATEGORY

V. P. Tretyak¹, Russian Transport University, Moscow, Russia
E-mail: v_tretyak@inbox.ru

M. A. Lyakina², Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University,
Saint-Petersburg, Russia
E-mail: malyakina@mail.ru

Abstract. In the post-industrial society, there is a transition from enforcement to work and the working time accounting to creative activities based on the use of free time. Foresight of the postindustrial economy is aimed to find some signals that bring closer the counteracting of commodity production elements and lead to freedom of labor. The article proves the hypothesis that in the post-industrial era, when the dominance of the sixth technological order is outlined, in the practice of functioning of the overripe commodity organization of production, some forms appear that contain an emerging revolutionary moment in the category of "free time". Authors associate the historicity of the free time understanding with the commodity organization of production development. Nowadays, the overripe form of commodity-money production contains the embryos of creative activity of free individuals of the coming social organization in the form of historically determined free time. Volunteer activities stand out among the emerging forms; functioning of social networks; an unconditional basic income formation; competitions and grants;

---

¹ *Vladimir P. Tretyak*, Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Economics and Management in Transport, Russian University of Transport, Moscow, Russia.

² *Maria A. Lyakina*, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Transport Economics, St. Petersburg State Transport University of Emperor Alexander I, St. Petersburg, Russia.

intellectual results annual awards for; encouragement for innovators and inventors, for those who motivate creative activity of a person, assessed by free time, on a daily basis.

Keywords: free time, working time, Foresight, technological structures, commodity production, unconditional basic income (UBI), volunteering, social networks, postindustrial economy, time budget, socially necessary labor costs, non-working hours, productive labor.

For citing: Tretyak V. P., Lyakina M. A. The dawn of a revolutionary moment in the "free time" category // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2021. No. 3. P. 34–49. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-3/34-49>.

Когда в быту используется понятие «свободное время», то говорящему кажется, что он произносит термин, который не требует пояснений. И правда, положение о том, что свободное время представляет собой часть нерабочего времени, является аксиомой [17]. Но из этого следует, что свободное время может существовать, с одной стороны, как понятие, связанное с необходимостью работать на кого-то, ведь только после этого можно воспользоваться свободным временем. А с другой стороны, как понятие, противоположное трудовой деятельности в условиях товарного производства.

Экономисты, социологи и философы, исследовавшие процессы превращения науки в непосредственную производительную силу, пытались через анализ редукции конкретного труда выйти на оценки его в единицах свободного времени. В период перестройки, когда шёл интенсивный процесс формирования рынков, интерес к этой проблеме значительно снизился. В настоящее время по мере упрочения постиндустриальной экономики вновь обратились к анализу данного вопроса, поскольку современный этап трансформации рынков сопровождается появлением множества форм, содержащих элементы оценки затрат творческого труда *свободным временем*, которые прорастают сквозь их товарное содержание.

Всё чаще вспоминается, что ещё в XVI в. английский мыслитель Т. Мор в трактате «Утопия» писал: «Всё время, остающееся между часами работы, сна и принятия пищи, предоставляется личному усмотрению каждого, но не для того, чтобы злоупотреблять им в излишествах или лени, а, чтобы на свободе от своего ремесла, по лучшему уразумению, удачно применить эти часы на какое-либо другое занятие» [1, с. 119–120].

Кстати, и здесь мы видим, что свободное время тоже трактуется автором, в конечном счёте, как процесс подготовки к трудовой деятельности. Поэтому *социологи* начинают дифференцировать общее время человека на *рабочее*, которое он занят в трудовой деятельности, и *нерабочее* время. Последнее распадается на время передвижения *к месту работы* и обратно, решение различных производ-

ственных вопросов до и после работы, умывание, переодевание и т. д. (примерно 1–1,5 часа); на время, необходимое для домашнего труда и самообслуживания (примерно 3–4 часа); на время для удовлетворения физиологических потребностей (сон, принятие пищи, личная гигиена и т. д.) (примерно 8–9 часов). Итого 20–22 часа. Таким образом, собственно свободное время составляет 3–4 часа в сутки. [2]. Такие оценки свободного времени на микроуровне давались в эпоху директивно планируемой экономики.

Рассматривая свободное время с неисторических позиций, различают три основных его типа [4]:

- 1) рекреационный (отдых и восстановление сил после работы);
- 2) рационально-потребительский (с материальной и духовной точки зрения);
- 3) деятельный (совмещение времяпрепровождения с каким-либо видом деятельности).

Когда знакомишься с подобными постановками вопроса о свободном времени, создаётся впечатление, что человек находится в вакууме, не связан с другими гражданами, а его главная задача – отдых и восстановление сил после работы и совмещение времяпрепровождения с каким-либо видом деятельности. При этом его главная задача – восстановить себя для дальнейшего постоянного участия в трудовом процессе. Рассматривая таким образом бюджет времени, мы имеем дело с *неисторическим* оценением свободного времени гражданина на микроуровне и молчаливо предполагаем его существование в вечной и неизменной товарной организации производства. В рамках данного подхода *свободное время* может характеризоваться как *часть нерабочего времени*, или время, отличное от рабочего.

«Свободное время (или досуг – англ. leisure) – это часть бюджета времени – суточного, недельного, годового, которая относится к нерабочему времени, но органично связана с рабочим временем. ... Это значит, что экономия рабочего времени приводит к потенциальному увеличению бюджета свободного времени, но не гарантирует его обязательного превращения в последнее. Оно может перейти в прибавочное рабочее время, не выходя за пределы производственной деятельности. Понятие свободного времени в современном обществе включает в себя элементы умственной, социальной, физической активности, развлечения и отдыха» [3]. Из вышеприведённой цитаты видно, что и здесь сохраняется подход, согласно которому свободное время является, в конечном счёте, подготовкой к трудовой деятельности посредством досуга.

Как оценивалось наличие свободного времени в нашей стране? В России во второй половине XIX в. свободное время составляло 500 часов в год, в СССР в 1980-е годы – почти 1800. То есть свободное время занимает у работающего человека почти столько же, сколько и рабочее (2000 часов в год) [2]. Очень

репрезентативная информация по бюджету времени россиян в Российской Империи и Советском Союзе.

Кроме анализа бюджета времени работника и определения свободного времени на микроуровне имеются подходы, рассматривающие категорию «свободное время» на макроуровне. Так В. Я. Ельмеев отмечает, что «время деятельности вне материального производства является свободным временем общества» [5, с. 114], т. е. временем, которое не поглощается непосредственно производительным трудом, а остаётся свободным для удовольствий, для досуга. При этом труд врачей, учителей и других работников, оказывающих услуги работникам материального производства, не входит в рабочее время общества [5]. Здесь мы видим, что автор оценивает деятельность врачей, учителей, творческих работников как *затраты свободного времени общества*.

Указанные характеристики фиксируют, что гражданин может жить только в условиях товарно-денежных отношений. Именно поэтому наличие понятий рабочего и нерабочего времени предполагает, что гражданин должен обязательно *трудиться по найму*. Но так было не всегда. В общинном натуральном хозяйстве товарно-денежное бытие общинника отсутствовало. И поэтому там не было ни рабочего, ни свободного времени. В натуральном хозяйстве люди *работали на нужды общины и без расчёта на вознаграждение*. Всё их время было необходимым для общины и не делилось на рабочее и свободное. Эти понятия зарождаются только с появлением первых форм товарного обращения и закрепляются в процессе развития товарного производства. Отсюда вывод: *историчность* рабочего и свободного времени следует связывать с динамикой развития товарного бытия в сменяющихся цивилизационных общественно экономических формациях.

В среде как отечественных, так зарубежных исследователей товарного производства нет единства взглядов. Одни, и их число подавляющее, исходят из того, что рынок – это явление *общеэкономическое, неизменное, вечное*, а изменяются лишь его внешние атрибуты. Вслед за А. Смитом, который рассматривал зарождение капиталистических отношений только на *мануфактурной* стадии производства, представители этого подхода настойчиво повторяют, что товарное производство явление *вечно* существующее, а «невидимая рука рынка» *всегда* будет господствовать в экономике.

Другим предпочтительна идея развития внутреннего содержания явления товарное производство. Одним из первых на этом настаивал Н. В. Хессин [6]. Есть подтверждение этой позиции в работах Элвина Тоффлера, который вводит в оборот достаточно выразительную аналогию развития мировых социальных процессов в виде океанской волны [7]. Этот подход напоминает известный анализ переходных форм в экономике, по поводу которых велась активная дискуссия в отечественной

литературе в 20-е годы прошлого столетия. В 70-е годы, когда начинают формироваться черты постиндустриальной экономики, выходят работы Дж. Гелбрейга [8], Д. Белла [9] и других авторов. В них даётся анализ изменений, происходящих в экономике и социальной сфере под влиянием научно-технического прогресса, и отмечается, что сквозь содержание многих атрибутов товарного производства «прорастают» элементы нового содержания.

Согласно мнению этих учёных, рыночные отношения есть всего лишь определённый ракурс рассмотрения товарного производства. Для этой группы исследователей товарное хозяйствование носит *преходящий* характер. Им ясно, что товарное производство представляет собой эволюционирующее явление. Вначале оно *зарождается* (товарный обмен, товарно-денежное обращение), затем достигает *апогея* своего развития (мелкотоварное или простое товарное производство), принимает капиталистическую форму (при появлении наёмного труда) и перезревает. На этой стадии оно и начинает уступать место более развитой (посттоварной) форме организации производства, подобно тому, как натуральное хозяйство постепенно вытеснялось и вытесняется по сей день товарным производством или, как отмечал Даниель Белл, *аграрное производство вытесняется индустриальным* [9].

У исследователей, признающих *преходящий характер* товарного хозяйствования [10], не вызывает сомнения положение о том, что атрибуты товарного производства (товар, стоимость, деньги и т.п.) зарождаются в определённый период его развития, и при известных обстоятельствах само товарное производство обязательно начнёт уступать место более развитой форме организации. Это можно проиллюстрировать следующим образом, как представлено на рис. 1.

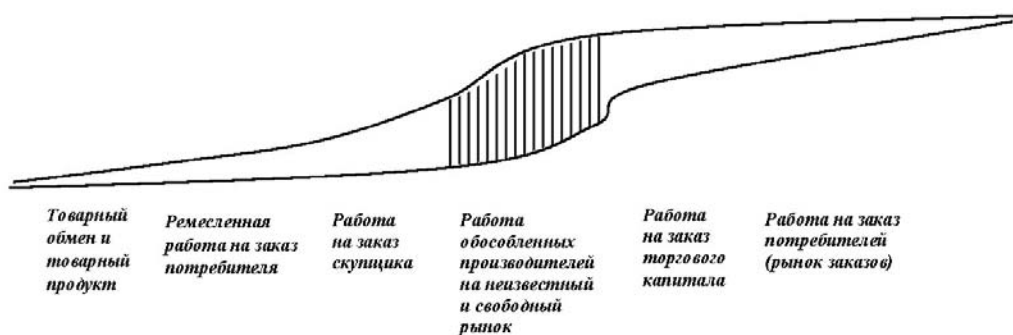

Рис. 1. Динамика развития товарной организации хозяйства

Точно так же понятия рабочее и свободное время имеют разное содержание на ранних этапах товарного обращения, в рамках классического капиталистического производства, и тем более в условиях постиндустриальной экономики.

По мере становления и развития простейшего товарного отношения (товарного обращения) мир товаров распадается на две подсистемы: мир собственно товаров и мир денег. Появление и упрочение денежного обращения является важнейшим этапом в развитии товарной организации хозяйства.

По мере превращения рабочей силы в товар товарное производство переходит на следующую ступень своего развития, которая сменяется монополистическими формами хозяйствования, где господствует рынок заказов.

Традиционные фабрики и офисы Второй волны промышленной революции в индустриальную эпоху «с тысячами людей под одной крышей, будут очень редкими в высокотехнологичных странах будущего» [7]. «Когда начнётся игра по правилам Третьей волны, структура корпораций, как и большинства других организаций, значительно изменится. ... Вместо принципа «чем больше, тем лучше» в обществе Третьей волны возобладает принцип «адекватных масштабов» [7], характерных постиндустриальной или информационной экономике.

По-иному Элвин Тоффлер подходит и к двойственности рынков. «Экономика состоит не только из рабочих мест или оплачиваемой работы. Ранее я предложил рассматривать экономику как состоящую из *двух секторов*, в одном мы производим товары *для обмена*, в другом мы делаем вещи *для себя*. Один – это рыночный, или производственный сектор, другой – сектор производителя-потребителя. ... В период Второй волны широкое распространение получает рыночный. ... Продвижение Третьей волны, однако, сопровождается, как мы видели, феноменальным ростом деятельности по принципу «помоги себе сам» и «сделай сам» или «производством для себя». Выходя за рамки обычного хобби, такое производство приобретает всё большее экономическое значение. ... По мере того, как Третья волна приводит производство для обмена и «производство для себя» в большее равновесие, возрастают требования «сбалансированного» образа жизни» [7].

Итак, здесь и далее будем исходить из того, что понятия рабочее и свободное время появляются не в общинном натуральном хозяйствовании, где все затраты усилий общинников определяются необходимым временем, позволяющим выживать общине, а с возникновением первых неразвитых слабых сигналов в виде форм дарения, которые вызревают в натуральном хозяйствовании и содержат в себе зарождение *революционного момента* или предвестника противоречия конкретного и абстрактного труда, свойственного товарно-денежному бытию. Иначе говоря, зарождающееся товарное бытие постепенно формирует у общинников представление о *рабочем и свободном времени отдельного человека*.

Поскольку общины вели хозяйствование *изолированно*, постольку и контакты между общинами отсутствовали. Только во время военных столкновений, сопровождающихся переселением общин, или под воздействием стихийных бедствий возникают невольные, недоброжелательные контакты с иноплеменниками. Подрыв

изолированности общины происходит спонтанно. Миролюбивые контакты между общинами порой завершались актами *дарения*.

Таким образом, акты *дарения* неких благ одной общиной представителям другой и являются *прообразом случайного товарного обмена* в рамках подрывающегося натурального хозяйствования. Этот процесс можно изобразить в виде точек внутри натурального хозяйства, которые дают толчок к появлению и развитию актов товарного обмена, т.е. *революционного момента* в переходе к товарной организации производства.

По мере подрыва *изолированности* общины и увеличения числа актов *дарения* в *недрах подрывающегося* натурального хозяйствования, по имманентным ему законам, формируется неустойчивый товарный обмен (переходная форма), который впоследствии даёт толчок развитию вначале товарному обращению, а затем и системе товарно-денежных отношений. Именно такие зародыши следует искать в качестве «слабого сигнала» или некоего *революционного момента*, прорастающего сквозь *перезрелое* товарное содержание в постиндустриальной экономике.

По мере развития товарного обращения формируются эпизодические институты мелкотоварного производства или, как сейчас принято называть, семейный бизнес. Постепенно избавляясь от феодальных форм зависимости (например, замена барщины оброком), мелкотоварное производство (семейный бизнес) начинает работать преимущественно на местный рынок. В результате формируется классический строй обособленных производителей, связанных рынком.

Так незамысловато в рамках подрывающегося натурального хозяйствования воспроизводится переходная форма натурального хозяйствования, в которой содержатся элементы нового, *революционного момента* зарождающейся *товарной организации производства*.

Известно, что рынок рабочей силы отсутствует и в условиях товарного обращения, и при совершенной конкуренции, и при простом товарном производстве. Но когда рабочая сила становится товаром, товарное производство выходит на наивысшую стадию своего развития. Именно в этот момент зарождается капитал и формируется рынок рабочей силы. Именно в этих условиях формируется подчинение труда капиталом и, по словам Е. Прескотт и М. Висшер, упрочивается *организационный капитал* [13], когда наёмные работники *добровольно* признают за менеджером *права на получение согласия* работников в определённой мере *подчиняться координатору производства*. Здесь речь идёт об экономическом подчинении труда капиталом. Но мы знаем эпохи и внеэкономического подчинения труда (рабская или феодальная организация).

Рабочая сила расходуется во времени и под контролем координатора производства. Измеритель – использованное *рабочее время*. Следует обратить внимание на то, что рабочее время может рассматриваться как *физическое, или*

неисторическое явление, а может быть связанным с определённой формой организации производства, т.е. с неким *исторически конкретным* феноменом. Физическим временем измеряются затраты *конкретного труда*. Например, физическим временем может измеряться продолжительность рабочего дня. В цене товара «сидит» *исторически конкретное рабочее время* в виде стоимости или времени осуществления общественно необходимых затрат труда. Достаточно вспомнить хрестоматийный пример из опыта Э. Мэйо (позже названного эффектом Хоторна), проведённого на одной из фабрик в начале 20-х гг. прошлого столетия. Для работников вводились четыре перерыва по 10 минут и выяснилось, что производительность труда повышалась, несмотря на формальные потери 40 минут [14]. По мере развития капитала расширяется и интернационализируется рынок труда. Набирает влияние исторически конкретное *рабочее время*.

Исторически конкретным рабочее время ощущается через стоимость продукта, в основе которой лежит абстрактный труд. Эволюция товарного производства сопровождается развитием содержания абстрактного труда с учётом смены технологических укладов.

Замещение человеческого труда машинами на новом технологическом уровне товарного производства К. Маркс заметил ещё в «Экономических рукописях 1857–1859 годов». «Труд перестал охватывать процесс производства в качестве господствующего над ним единого начала [15, с. 204]. На смену живому труду приходит овеществлённый труд, осуществляемый системами машин, которые организованы как абстрактная, неживая рабочая сила с помощью науки (или знаний) [15, с. 205]. «Сбережение рабочего времени равносильно увеличению свободного времени, т. е. времени для того полного развития индивида, которое само, в свою очередь, как величайшая производительная сила обратно воздействует на *производительную силу труда*». [15, с. 206]. Это самая общая характеристика исторически конкретного анализа природы свободного времени при условии, что в общественном хозяйствовании нет переходных моментов товарной организации производства. В этой трактовке именно *свободное время* является истинной формой измерения *богатства общества* будущего, вырастающего из информационной или постиндустриальной организации общественного производства пространством для свободной *творческой деятельности* человека без обязательств и принуждения. Именно об этом пытались писать исследователи, анализирующие процессы превращения науки в непосредственную производительную силу в виде креативной деятельности свободных от принуждения людей к тому же без расчёта на вознаграждение.

Некие видимые на сегодня черты *исторически конкретного* свободного времени, при условии наличия моментов умирающего господства товарной организации производства, не могут не сохранять в себе «родимых пятен» последнего. Отсюда

появляются предположения о наличии *рынка свободного времени* [16] в информационной организации производства, о досуге как форме использования свободного времени, о капитализации свободного времени. И Д. Белл, и К. Маркс обращают внимание на то, что мерилom в современной экономике всё более становится не столько рабочее время, сколько свободное время индивида и общества. В постиндустриальном обществе наблюдается переход от принудительного учёта *рабочего времени* работника к креативной свободе, основанной на использовании *свободно времени* индивида и общества. На наших глазах намечается процесс смены форм учёта затрат человеческого труда через рабочее время, на использование свободного времени в качестве оценочного измерителя.

Представляется, что *подрыв* товарного производства и формирование постиндустриальной или информационной экономики (экономики знаний) влечёт констатацию гибели индустриальной эпохи. Намечился переход к оценкам *свободным временем* креативного, добровольного труда людей, труда без принуждения и *без расчёта на вознаграждение*. В период господства информационной экономики происходит процесс *раздвоения рынка труда* и трансформации реальной стоимости наёмной рабочей силы. Положено начало возникновению форм, в которых мерой креативного труда работников становится свободное время.

Свободное время, так же как и рабочее, в товарной организации производства бывает физическим или неисторическим явлением. Свободное время как неисторическое явление может характеризоваться как нерабочее время, или время, отличное от рабочего. Но одновременно в постиндустриальную эпоху свободное время всё больше используется для творчества, для развития индивидов. В период досуга деятельность человека осуществляется с целью получения *удовлетворения*, носит характер деятельности, которая развивает набор потребительских предпочтений и формирует новый спектр навыков, способных *развивать* человека как личность. При этом такая деятельность осуществляется не под давлением извне (без страха перед грядущим наказанием или без ожидания голодной перспективы), не исходя из расчёта на вознаграждение, а добровольно и без принуждения. Побудительным мотивом такой деятельности является самоудовлетворение от творчества за пределами матрицы, обязывающей подчиняться властным отношениям организатора трудовой деятельности. На это обращают внимание и Э. Тофлер, и Д. Белл, и К. Маркс, и Н. Хессин.

Форм креативной деятельности граждан, в которые включены некие *революционные моменты*, содержащие элементы исторического понимания свободного времени, и которые прорастают сквозь товарное содержание постиндустриальной экономики, немного. Но кое-что можно рассматривать в качестве прообраза или слабого сигнала формирующейся и в перспективе грядущей организации общественного бытия.

Например, информационная или постиндустриальная экономика изобилует созданием всевозможных *социальных сетей*, которые стали неотъемлемой частью жизни общества. Многие считают, что значительная часть общения переместилась в интернет-пространство. Социальная сеть – это IT-платформа, которая обеспечивает поддержание связи между людьми, даже когда они находятся далеко друг от друга. Участники сети, с одной стороны, осуществляют свою деятельность добровольно, во внеурочное время и в силу своего таланта. В этой части – это зародыш революционного момента нового, не товарно-денежного бытия человека. Но, с другой стороны, некоторые блогеры зарабатывают немалые средства на рекламе. И стремление к вознаграждению уродует «свободное время» как революционный зародыш новой формы организации хозяйствования. Количество «лайков» блогер может ощущать через доходы от размещаемой рекламы, а с другой стороны, их число может показывать, насколько сэкономлено время участников сети от использования предложения одного из её членов.

Во втором случае мы имеем дело с формированием *революционного момента* в понятии «свободное время», который прорастает сквозь товарное содержание в постиндустриальной экономике. Предположим, количество временных лайков позволит гражданину обеспечить беспрепятственный или более льготный доступ к ограниченным ресурсам сообщества для проверки и реализации его креативных устремлений. Для этого должны получить широкое развитие *технопарки, дома творчества*, которые могут рассматриваться в качестве условия для креативной деятельности изобретателей. Кроме того, индивидуальные или коллективные формы проведения досуга (библиотеки, собирательство антиквариата, музеи, гражданские институты, например, общество филателистов, общества охоты и рыболовства и т.д.) должны получить новое звучание и стать востребованными для креативной деятельности. Именно здесь должен быть обеспечен приоритетный доступ желающих в свободное время пользоваться высокотехнологичным оборудованием. И эта деятельность должна диктоваться не вынужденностью работника создавать необходимый продукт, не желанием получить вознаграждение, не стремлением избавиться от голода или увильнуть от внеэкономического принуждения. Побудительным мотивом этой деятельности является самоудовлетворение от творчества за пределами матрицы, обязывающей подчиняться властным отношениям организатора трудовой деятельности, стремление развить свой творческий потенциал, расширить спектр притязаний, которые дадут большее самоудовлетворение в творчестве. Эта деятельность и будет измеряться свободным временем.

Любопытной формой, воспроизводящей элементы нового качества содержания свободного времени, является волонтерство. Добровольцы, или волонтеры, осуществляют добровольно, без принуждения безвозмездную деятельность на благо общества и отдельных граждан. Французское слово *volontaire* («волонтер»)

произошло от латинского *voluntarius* («добровольный»). Так что галлицизм «волонтер» – это полный синоним русского «доброволец». Это зафиксировано в пятой статье ФЗ № 135 «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)», одобренного Советом Федерации 31 января 2018 г.

Деятельность добровольцев очень близка к новой исторической сущности категории «свободное время». Вместе с тем, волонтеры нуждаются в обеспечении корпоративной одеждой (жилетки, футболки, кепки, рюкзаки с логотипом мероприятия или добровольческого движения), печатными материалами. В такой форме поддержка волонтерского движения применялась в 2018 г. в Республиках Алтай, Тыва, Камчатском крае, Астраханской области и др. Иногда волонтерам вручают «*Личные книжки волонтера*», фиксирующие их достижения, полученный опыт и время, затраченное в рамках добровольческой (волонтерской) деятельности, эта информация может быть использована в качестве бонуса при поступлении в высшие учебные заведения. Личные книжки добровольцев в 2018 г. вручались в Республиках Коми, Марий-Эл, Удмуртской Республике, Красноярском крае, Астраханской, Тюменской областях, г. Севастополе и др. [11].

Таким образом, современные волонтерские усилия в условиях господства товарно-денежного бытия предполагают некую организационную структуру, координирующую их деятельность, ожидания поощрения при поступлении в высшие учебные заведения, желания получить «*Личную книжку волонтера*», где фиксируются его достижения, полученный опыт и время, затраченное в рамках добровольческой (волонтерской) деятельности. Это и есть родимые пятна товарно-денежного бытия. Креативная деятельность свободных индивидов грядущей общественной организации предполагает действия гражданина без любой формы принуждения и по велению собственного желания.

Интересной формой, воспроизводящей элементы нового качества содержания свободного времени, является безусловный основной доход (БОД), в его трактовке как способа воздействия на социальное и физиологическое *благополучие населения* через достойное питание, *свободное время* и так далее» [12, с. 53]. Нам представляется, что в такой зародышевой форме как безусловный основной доход (БОД) усматривается *способ увеличения свободы членов общества*, предоставляющий возможность *посвящать себя творческой деятельности*, которая оценивается не *рабочим временем* общества, а с помощью оценки *свободным временем* затрат их творческих усилий. Дисциплина принуждения к трудовой деятельности с помощью БОД постепенно устраняется, уходит в прошлое, и матрица управления несвободного труда ослабевает.

Представляется, что у этого инструмента (БОД) нет потенциала *преодоления бедности*. С его помощью бедность не изжить по многим причинам, в том числе и потому, что бедность – явление историческое, присущее товарной организации

производства, и потому, что бедность – явление относительное. В рамках товарной организации производства бедность непреодолима. Её можно лишь кое-как и кое-где сгладить.

Безусловный основной доход (БОД) также не способен обеспечить *полной занятости*, пока не рухнет рынок труда. А последний предполагает наличие резервной армии труда.

В явлении безусловного основного дохода (БОД) нет также потенциала обеспечения доступности *социальной защиты*. При применении такого инструмента имеет место видимость повышения социальной защиты граждан, поскольку люди получают средства, и в каждом конкретном случае им оказывается социальная поддержка. Однако собственно формой социальной защиты БОД можно считать только в обществе, базирующемся на товарной организации производства, при условии использования наёмного труда, черпаемого с рынка труда. Осуществляемая деятельность в этих условиях измеряется рабочим временем работников. Нам же представляется, что в этой форме (БОД) усматривается проявление *способа увеличения свободы членов общества* и предоставляется возможность *посвящать себя творческой деятельности*, которая оценивается не *рабочим временем* общества, а с помощью оценки *свободным временем* затрат творческих усилий.

При наличии развитой системы, базирующейся на принципах БОД, в прошлое будет мучительно уходить понятие рабочего времени и проявится революционный момент свободного времени в деятельности свободных индивидов грядущей общественной организации.

Формирование постиндустриальной или информационной экономики влечёт гибель индустриальной эпохи, а вместе с тем и угасание роли рабочего времени. На базе зарождающихся форм волонтерской деятельности, функционирования *социальных сетей*, обеспечения свободного доступа желающих в свободное время пользоваться высокотехнологическим оборудованием, инструментами доступа к культурным ценностям, формирования безусловного основного дохода, проведения конкурсов и выделения грантов, вручения ежегодных премий за интеллектуальные результаты, награждения за многолетнюю творческую деятельность, стимулирования движения рационализаторов и изобретателей, с помощью руководства кружками творчества, проведения мастер классов и т.п. будет обеспечиваться переход к оценке креативной деятельности человека свободным временем. Анализ перспективности перечисленных форм только обогатится, если по ним будут периодически проводиться Форсайт проекты [10], в ходе реализации которых всё конкретнее смогут проявиться революционные черты нового понимания свободного времени.

Список литературы

1. Мор, Т. Утопия / Т. Мор. – Москва : Изд-во Академии наук СССР, 1953. – 302 с.
2. Свободное время // Библиотекарь.Ру. – URL: <http://www.bibliotekar.ru/enc-Semya/145.htm> (дата обращения: 03.05.2021).
3. Свободное время как экономический ресурс. – URL: https://ozlib.com/807802/zhurnalistika/svobodnoe_vremya_ekonomicheskiiy_resurs (дата обращения: 03.05.2021).
4. Свободное время. – URL: https://science.wikia.Org/ru/wiki/%D0%A1%D0%B2%D0%BE%D0%B1%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D0%BE%D0%B5_%D0%B2%D1%80%D0%B5%D0%BC%D1%8F?action=edit&section=8#cite_note-glossary.ru-0 (дата обращения: 03.05.2021).
5. Ельмеев, В. Я. Социальная экономия труда: общие основы политической экономии / В. Я. Ельмеев. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. – 576 с.
6. Хессин, Н. В. В. И. Ленин о сущности и основных признаках товарного производства / Н. В. Хессин. – Москва : МГУ, 1968. – 166 с.
7. Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер. – Москва : АСТ, 2010. – 784 с.
8. Гэлбрейт, Дж. К. Экономические теории и цели общества / Дж. К. Гэлбрейт. – Москва : Прогресс, 1976. – 408 с.
9. Bell, D. The coming of post-industrial society: A venture of social forecasting / D. Bell. – New York : Basic Books, 1973. – 616 p.
10. Третьяк, В. П. Форсайт подрыва товарного производства / В. П. Третьяк. – Москва : Русайнс, 2021. – 188 с.
11. Мониторинг реализации мер поддержки добровольчества (волонтерства) в субъектах Российской Федерации : доклад. – URL: <https://ac.gov.ru/archive/files/publication/a/21345.pdf> (дата обращения: 16.08.2021).
12. Трубин, В. // Базовый доход: пролог к социальной политике XXI века? : международная научно-практическая конференция. [14 11 2018] : [стенограмма Пленарной сессии «Базовый доход: постановка проблемы»]. – Москва : ВШЭ, 2018. – С. 35–38. – URL: https://isp.hse.ru/data/2019/01/09/1143757431/Конференция%20БД_14-11-2018_стенограмма.pdf (дата обращения: 17.08.2021).
13. Prescott, E. Organization capital / E. Prescott, M. Vissher // Journal of Political Economy. – 1980. – № 88. – P. 446–461.
14. Рабочее и свободное время как категории экономической теории. – URL: <http://moyniver.net/rabochee-i-svobodnoe-vremya-kak-kategorii-ekonomicheskoy-teorii/> (дата обращения: 03.05.2021).
15. Маркс, К. Собрание сочинений / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Москва : Политиздат, 1969. – Т. 46, ч. 2. – 618 с.
16. Балацкий, Е. Свободное время как фактор экономического равновесия // Вестник Российской Академии наук. – 1999. – Т. 69, № 11. – С. 1018–1025.

17. Пруденский, Г. А. Проблемы рабочего и вне рабочего времени / Г. А. Пруденский. – Москва : Наука, 1972. – 335 с.

References

1. Mor T. [Utopia]. Moscow: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1953. 302 p.

2. Free time. *Librarian.Ru*. Available at: <http://www.bibliotekar.ru/enc-Semya/145.htm> (accessed 05 March 2021). (In Russian).

3. *Free time as an economic resource*. Available at: https://ozlib.com/807802/zhurnalistsika/svobodnoe_vremya_ekonomicheskij_resurs (accessed 05 March 2021). (In Russian).

4. *Free time*. Available at: https://science.wikia.Org/ru/wiki/%D0%A1%D0%B2%D0%BE%D0%B1%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D0%BE%D0%B5_%D0%B2%D1%80%D0%B5%D0%BC%D1%8F?action=edit&section=8#cite_note-glossary.ru-0 (accessed 05 March 2021). (In Russian).

5. Elmeev V. Ya. *Sotsial'naya ekonomiya truda: obshchie osnovy politicheskoi ekonomii* [Social economy of labor: general foundations of political economy]. St. Petersburg: Publishing house of St. Petersburg. Univ., 2007. 576 p.

6. Hessin N. V. V. I. *Lenin o sushchnosti i osnovnykh priznakakh tovarnogo proizvodstva* [V. I. Lenin on the essence and main features of commodity production]. Moscow: Moscow State Univ. Publ., 1968. 166 p.

7. Toffler E. *Tret'ya volna* [The Third Wave]. Moscow: AST Publ., 2010. 784 p.

8. Galbraith J. K. *Ekonomicheskie teorii i tseli obshchestva* [Economic theories and goals of society]. Moscow: Progress Publ., 1976. 408 p.

9. Bell D. *The coming of post-industrial society: A venture of social forecasting*. New York: Basic Books, 1973. 616 p.

10. Tretyak V. P. *Forsait podryva tovarnogo proizvodstva* [Foresight undermining commodity production]. Moscow: Rusains Publ., 2021. 188 p.

11. *Monitoring the implementation of measures to support volunteering in the constituent entities of the Russian Federation: report*. Available at: <https://ac.gov.ru/archive/files/publication/a/21345.pdf> (accessed 16 August 2021). (In Russian).

12. Trubin V. In: *Basic income: a prologue to social policy of the XXI century?: international scientific and practical conference. 2018, November 14. Transcript of the Plenary Basic Income: Problem Statement*. Moscow: Higher School of Economics, 2018, pp. 35–38. Available at: https://isp.hse.ru/data/2019/01/09/1143757431/Conference%20BD_14-11-2018_stenogram.pdf (accessed 17 August 2021). (In Russian).

13. Prescott E., Visscher M. Organization capital. *Journal of Political Economy*, 1980, no. 88, pp. 446–461.

14. Work and free time as a category of economic theory. Available at: <http://moyuniver.net/rabochee-i-svobodnoe-vremya-kak-kategorii-ekonomicheskoy-teorii/> (accessed 05 March 2021). (In Russian).

15. Marx K., Engels F. *Sobranie sochineniĭ* [Collected works]. Moscow: Politizdat Publ., 1969. Vol. 46, part 2. 618 p.

16. Balatsky E. Svobodnoe vremya kak faktor ekonomicheskogo ravnovesiya [Free time as a factor of economic equilibrium. *Vestnik Rossiiskoi Akademii nauk*, 1999, vol. 69, no. 11, pp. 1018–1025.

17. Prudensky G. A. *Problemy rabochego i vnerabocheho vremeni* [Problems of working and non-working time]. Moscow: Nauka Publ., 1972. 335 p.

Научная статья

УДК 338.23:620.92(510+540)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-3/50-62>

ФИНАНСИРОВАНИЕ ПРОЕКТОВ ПО ВНЕДРЕНИЮ ВОЗОБНОВЛЯЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ ЭНЕРГИИ В КИТАЕ И ИНДИИ

Т. Р. Магомедов¹, Российский государственный университет нефти и газа имени И. М. Губкина, г. Москва, Россия
E-mail: MagomedovT17@mail.ru

В. В. Морозов², Российский государственный университет нефти и газа имени И. М. Губкина, г. Москва, Россия
E-mail: praktikargung@yandex.ru

Аннотация. В условиях нестабильной геополитической ситуации и высокой волатильности на рынках углеводородов развивающиеся страны ещё больше ощущают зависимость от стран-экспортёров энергоресурсов. Парижское соглашение, пришедшее на смену киотскому, обязывает все государства принимать меры по сокращению выбросов парниковых газов в атмосферу и разрабатывать программы перехода на безуглеродную экономику. В этой ситуации развивающиеся страны АТР оказались в сложном положении: промышленность в данном регионе использует только традиционные виды топлива, и, как следствие, процесс перехода на возобновляемые источники энергии (ВИЭ) для таких стран будет ознаменован ситуацией, когда нужно сохранить темпы экономического роста, занятость и уровень благосостояния граждан, но при этом осуществлять «энергетическое перевооружение» реального сектора промышленности.

Ключевые слова: энергоресурсы, возобновляемые источники энергии (ВИЭ), энергетическое перевооружение, финансирование, Китай, Индия, инвестиции, декарбонизация, развитие инфраструктуры, экономический рост, экономика, социально-экономические проблемы, проект Frontrunner, правительственные стимулы, труднодоступные регионы, стоимость электроэнергии, Азиатско-Тихоокеанский регион, «зелёная» энергия, торговая война, установленная мощность ВИЭ.

¹ Темирлан Русланович Магомедов, студент 3 курса факультета международного энергетического бизнеса, Российский государственный университет нефти и газа (Национальный исследовательский университет) имени И. М. Губкина, г. Москва, Россия.

² Виталий Владимирович Морозов, кандидат экономических наук, доцент, Российский государственный университет нефти и газа (Национальный исследовательский университет) имени И. М. Губкина, г. Москва, Россия.

Для цитирования: Магомедов Т. Р., Морозов В. В. Финансирование проектов по внедрению возобновляемых источников энергии в Китае и Индии // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2021. № 3. С. 50–62. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-3/50-62>.

Original article

FINANCING RENEWABLE ENERGY PROJECTS IN CHINA AND INDIA

T. R. Magomedov¹, Russian National University of Oil and Gas (Gubkin University), Moscow, Russia
E-mail: MagomedovT17@mail.ru

V. V. Morozov², Russian National University of Oil and Gas (Gubkin University), Moscow, Russia
E-mail: praktikargung@yandex.ru

Abstract. Under the conditions of unstable geopolitical situation and high volatility in hydrocarbon markets developing countries feel even more dependent on hydrocarbon exporting countries. The Paris Agreement, which replaced the Kyoto Agreement, obliges all states to take measures to reduce greenhouse gas emissions into the atmosphere and develop programs of transition to a carbon-free economy. In this situation, developing countries in the Asia-Pacific region have found themselves in a difficult situation: the industry in this region uses only traditional fuels, and as a result, the transition process to renewable energy for such countries will be marked by a situation where it is necessary to maintain economic growth rates, employment and welfare of citizens, but at the same time to carry out "energy re-equipment" of the real sector of industry.

Key words: energy resources, RES, energy re-equipment, financing, China, India, investments, decarbonization, infrastructure development, economic growth, economy, socio-economic problems, Frontrunner project, government incentives, hard-to-reach regions, cost of electricity, Asia-Pacific, green energy, trade war, installed RES capacity.

For citing: Magomedov T. R., Morozov V. V. Financing renewable energy projects in China and India // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2021. No. 3. P. 50–62. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-3/50-62>.

---

¹ *Temirlan R. Magomedov*, 3rd year student, Faculty of international energy business, Russian National University of Oil and Gas (Gubkin University), Moscow, Russia.

² *Vitaliy V. Morozov*, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Russian National University of Oil and Gas (Gubkin University), Moscow, Russia.

Эпидемия Covid-19 заставила страны задуматься об энергетической автономности и, как следствие, искать новые подходы по удовлетворению восстанавливающегося спроса на энергоносители. И в этом случае инвестиции в ВИЭ проекты выглядят привлекательно, поскольку они способны решить широкий спектр задач: повысить занятость населения, положить начало декарбонизации экономики стран, урегулировать вопросы вредных выбросов, снизить расходы на здравоохранение вследствие снижения загрязнения воздуха, а также решить проблему энергозависимости от других стран или добывающих регионов.

Наибольший спрос на энергоносители приходится на АТР, в частности на такие страны, как Китай и Индия, которые в сумме в 2019 г. потребили 30% всех произведённых энергоносителей. Стоит также отметить, что две вышперечисленные страны входят в тройку лидеров стран по показателю ВВП по ППС, что свидетельствует о высоком уровне развития промышленности, а как следствие – и экономики в целом [6].

Электроэнергия из ВИЭ поможет сократить счета за электричество как домохозяйствам, так и производственным предприятиям. Это хорошо, поскольку в наши дни наблюдается рост численности безработного населения, а перед предприятиями стоит задача сокращения производственных затрат. Создание ВИЭ инфраструктуры в сёлах поможет привлечь необходимый капитал в регион, построить там инфраструктуру, повысить занятость населения (местные работники будут обеспечивать, по крайней мере, часть рабочей силы, необходимой для разработки, строительства или поддержания ветряных и солнечных проектов), и как следствие – снизить бедность и отсталость сёл. Внедрение ВИЭ, вопреки мнению о том, что это отбирает часть плодородных земель, позволит задействовать непригодные к с/х и скотоводству земли или территории бывших нефтяных, газовых, угольных месторождений.

Развитие сёл и инфраструктуры в них важно для Китая и Индии, поскольку там проживает 47,5% и 65% населения стран соответственно. Это позволит занять местное население, нарастить темпы экономического роста, повысить уровень и качество жизни и решить социальные проблемы (например, уменьшить расслоение в обществе).

ВИЭ в Китае

Правительство Китая уделяет первоочередное внимание инвестициям в возобновляемые источники энергии прежде всего потому, что это позволяет стране решать проблемы загрязнения воздуха и воды, а также снижать риски социально-экономической нестабильности. Снижение уровня загрязнения воздуха является прямой причиной, по которой китайское правительство продвигает возобновляемые источники энергии.

Китайский 13-й пятилетний план в области электроэнергетики (2016–2020 гг.) направлен на увеличение доли неископаемого топлива в общем объёме производства электроэнергии с 35% до 39% к концу 2020 г. По прогнозам, к 2030 г. одна пя-

тая часть потребляемой в стране электроэнергии будет производиться из источников альтернативной энергетики. По данным Международного энергетического агентства, 36% и 40% мирового роста выработки солнечной и ветровой энергии в ближайшие пять лет будет приходиться на Китай.

Китайское Национальное энергетическое управление (НЭА) и Национальная комиссия по развитию и реформам (НКРР) также планируют потратить более \$360 млрд на развитие возобновляемых источников энергии и создание 13 млн рабочих мест в этом секторе к 2020 г.

Есть ещё две причины, по которым международное сообщество должно позитивно отреагировать на передовое положение Китая в секторе ВИЭ. Первая – экологическая: заявленные Китаем экологические цели развития возобновляемых источников энергии широко поддерживаются за тот положительный внешний эффект, который принесут инвестиции в технологии и внедрение.

Вторая причина имеет стратегическое значение: увеличивая долю возобновляемых источников энергии в структуре энергопотребления, Китай может смягчить геополитическую напряжённость, сделав страну менее зависимой от экспортирующих сырьё регионов. Рынок углеводородов зависит от обеспечения безопасности маршрутов транспортировки нефти и газа в страны, богатые ископаемым топливом, и обратно, что, в свою очередь, требует расширенной военной защиты. Защита пунктов транзита нефти была одной из причин, по которой Китай построил в прошлом году свою первую зарубежную военно-морскую базу в Джибути.

Кроме того, китайское правительство предоставляет китайским компаниям скидки на импорт различных технологий и оборудования, связанных с ветряными турбинами, гидроэнергетикой, геотермальными и солнечными батареями. В прошлом году консультанты «Эрнст энд Янг» поставили Китай на второе место в мире по привлекательности инвестиций в возобновляемую энергетику (на первом – США).

Технологический прогресс Китая в секторе «зелёной энергетики» заставляет иностранные компании инвестировать в страну и сотрудничать с китайскими компаниями, потому что другие страны могут отстать в технологическом плане, если не будут сотрудничать с Китаем в разработке технологий. Возьмём в качестве примера солнечную энергию: в последние годы Китай вместе с западными странами наращивает темпы разработок ключевых компонентов для солнечных батарей.

Достижения Китая в области возобновляемых источников энергии меняют характер иностранных инвестиций, поступающих в этот сектор. В настоящее время страна в основном полагается на банковские кредиты и корпоративные облигации для финансирования проектов в области ВИЭ, что не всегда приводит к высококачественным результатам. Это объясняется тем, что эти традиционные методы финансирования более доступны для государственных предприятий и ставит частные компании (обычно более эффективные, чем их государственные коллеги) в невыгодное

положение. Таким образом, частные китайские компании не только нуждаются в большем капитале, но и в доступе к большему количеству каналов финансирования.

Инновационные модели финансирования, такие как привлечение пенсионных фондов, крауд-фандинг и прямой лизинг, уже успешно внедряются компаниями и финансовыми учреждениями, занимающимися возобновляемыми источниками энергии в Соединенных Штатах. Китай нуждается в таких источниках финансирования, и поэтому китайское правительство пытается привлечь иностранных финансистов для использования этих методов с помощью таких двусторонних программ, как американо-китайское партнёрство по возобновляемым источникам энергии [8].

Примеры успешного внедрения ВИЭ в труднодоступных регионах

Новая солнечная ферма площадью 1900 акров и мощностью 500 мегаватт (МВт), известная как фотоэлектрический проект Fronrunner, была совместно разработана двумя китайскими энергетическими компаниями – Sungrow Power Supply Co. и China Three Gorges New Energy. Благодаря электричеству, вырабатываемому установкой, этим летом работала только одна из 10 угольных электростанций провинции. А в течение 15 дней в июне сельская провинция с населением 6 млн человек получала 100% электроэнергии из возобновляемых источников энергии. Половина энергии была получена от гидроэнергетики, остальная часть приходилась на ветровые и солнечные проекты, которые расширялись в провинции Цинхай в последние годы (рис. 1). К концу прошлого года провинция производила более трёх четвертей электроэнергии из возобновляемых источников.

Когда проект Fronrunner был утверждён, у него была самая низкая рассчитанная цена за киловатт-час для солнечного фотоэлектрического проекта в истории Китая в области возобновляемых источников энергии (ниже, чем цена за электроэнергию, получаемую на угольных ТЭЦ в Цинхае). Fronrunner также стал первым крупномасштабным солнечным проектом Китая, разработанным без государственных субсидий.

И в качестве яркого примера того, как китайское сочетание командной и капиталистической экономики часто может работать с поразительной скоростью и эффективностью, проект Fronrunner был реализован всего за три месяца – его утверждение пришло в сентябре 2018 г., а выработка энергии началась 29 декабря того же года.

Хотя крупные солнечные и ветряные электростанции в более отдалённых провинциях Китая могут производить большое количество возобновляемой энергии, отсутствие высоковольтных линий электропередач означает, что значительная часть этой «зелёной» энергии всё ещё остаётся неиспользованной ввиду невозможности её транспортировки в более энергопотребляемые районы (например, прибрежная линия Китая).

Кроме того, правительство Китая всё больше обеспокоено влиянием американо-китайской торговой войны на экономику, поэтому субсидии на возобновляемые источники энергии постепенно прекращаются [1].

Рис. 1. Расположение провинции Цинхай на карте Китая
Источник: [1]

Проблемы развития ВИЭ в Китае

Для сокращения выбросов CO₂ в стране, по мнению экспертов, крайне важно, чтобы энергия, производимая в таких провинциях, как Цинхай, беспрепятственно передавалась в промышленные и населённые пункты, расположенные вдоль побережья Китая.

Некоторые исследователи говорят, что Китай мог бы получать до 100 гигаватт (ГВт) солнечной энергии в год, если бы возобновляемым источникам энергии уделялось больше внимания.

Процесс внедрения ВИЭ начал замедлять добавочную мощность новых ветряных турбин и солнечных панелей. В то время как новые солнечные фотоэлектрические установки в Китае достигли в 2017 г. рекордного уровня в 53 ГВт, в 2018 г. мощность новых установленных PV панелей сократилась до 41 ГВт. Согласно прогнозам, в этом году и в последующие годы до 2025 г. будут введены в эксплуатацию солнечные панели совокупной мощностью около 25 ГВт, что не приведёт к резкому сокращению использования ископаемого топлива.

Другая проблема заключается в том, что проекты по использованию возобновляемых источников энергии сталкиваются с ограничениями на использование земли, которые защищают сельскохозяйственные, промышленные и городские земли в

таких провинциях, как Гуандун в Южном Китае. Например, в 2019 г. в Гуандуне планировалось начать несколько проектов по использованию возобновляемых источников энергии, не субсидируемых государством, но по причине неразрешённых юридических споров с местными органами власти проекты было решено отложить. Ввиду последних событий, а именно Covid-19, эти проекты могут решить проблему снабжения предприятий и домохозяйств дешёвой электроэнергией и занять определённую часть безработного населения.

Размер рынка

По состоянию на декабрь 2020 г. установленная мощность возобновляемых источников энергии в Китае составляла 136 ГВт, из которых солнечная и ветровая составляли 49 ГВт и 72 ГВт соответственно. За 2020 г. в мире были введены в эксплуатацию турбины совокупной мощностью 111 ГВт, из них 72 ГВт – проекты, реализованные в Китае. В том же году в АТР было установлено солнечных панелей совокупной мощностью 78 ГВт, 49 из которых пришлись на Китай [9].

Вызовы развития ВИЭ в Китае

Надо сказать, что у Китая есть ряд задач, которые необходимо решить для дальнейшего успешного внедрения ВИЭ. Хотя крупные солнечные и ветряные электростанции в более отдалённых провинциях Китая могут производить большое количество возобновляемой энергии, отсутствие высоковольтных линий электропередач означает, что значительная часть этой «зелёной» энергии всё ещё остается неиспользованной ввиду невозможности её транспортировки в более энергопотребляемые районы (например, прибрежная линия Китая). Не стоит забывать и про торговую войну США и Китая, которая имеет важное значение для экономик обоих государств и может послужить приостановлением государственной поддержки ВИЭ проектов. Более того, одна из основных проблем, перед которой стоит не только Китай, но и весь мир, – где утилизировать отработавшие солнечные батареи, ветряные турбины, аккумуляторы.

Как помогает государство

Китайское правительство уже начало решать проблему инфраструктур и инвестировать миллиарды долларов в высоковольтные линии электропередач, необходимые для транспортировки энергии, вырабатываемой в солнечных, ветреных регионах на просторах Китая. Инвестиции составили 22,6 миллиарда юаней (3,2 миллиарда долларов США), которые были привлечены для строительства 1600-километровой ЛЭП от Цинхя на западе Китая – до провинции Хэнань в центре страны [7].

Влияние ВИЭ на социально-экономические показатели страны

Проекты в области ВИЭ способны поднять занятость в регионах путём создания дополнительных рабочих мест на заводах, в обслуживающих бригадах. Увеличив занятость в регионах, можно будет надеяться на повышение уровня жизни и

благополучия коренных жителей районов. Низкая стоимость электроэнергии, получаемой из ВИЭ, может также снизить себестоимость продукции и сделать её более конкурентоспособной при реализации на внешних рынках. Реализация проектов по установке солнечных панелей и ветровых турбин поможет уменьшить количество людей, не обеспеченных электроэнергией в труднодоступных местах и регионах, привлечь туда капитал и развить инфраструктуру. Реализация проектов по установке новых мощностей ВИЭ сможет также стимулировать повышение квалификации национальных кадров и сделать их конкурентоспособными на мировом рынке. Несмотря на то, что установленные мощности ВИЭ растут от года к году, главная проблема Китая заключается в транспортировке энергии. Наименее развитая и заселённая западная часть Китая генерирует избыточное количество электроэнергии, в то время как на восточном побережье Китая, где сконцентрированы крупные города, наблюдается нехватка «чистой» энергии [4].

Расходование денег на реализацию ВИЭ проектов и обустройство инфраструктуры сможет решить проблему загазованности воздуха, и, как следствие, можно ожидать, что снизится число людей с респираторными заболеваниями. Это, в свою очередь, положительно скажется на увеличении продолжительности жизни людей.

Улучшение условий жизни, повышение продолжительности жизни и повышение благосостояния населения – те социально-экономические последствия, которые неизбежны при реализации проектов ВИЭ внутри страны.

Индия

Индийский сектор возобновляемой энергетики является четвёртым по привлекательности рынком возобновляемой энергетики в мире. Индия занимает четвёртое место по ветроэнергетике, пятое – по использованию солнечной энергии и пятое – по установленной мощности ВИЭ.

Размер рынка

По состоянию на 31 августа 2020 г. установленная мощность возобновляемых источников энергии в Индии составляла 88,79 ГВт, из которых солнечная и ветровая составляли 35,73 ГВт и 37,99 ГВт, соответственно. К декабрю 2019 г. было подготовлено ветровых проектов на суммарную мощность 15 100 МВт ветроэнергетических проектов, из которых проекты мощностью 12 162,50 МВт уже были реализованы [2].

Правительственные стимулы

Ниже перечислены некоторые инициативы правительства Индии, направленные на развитие сектора возобновляемых источников энергии в стране:

1. В августе 2020 г. правительство объявило о планах предоставить компаниям земли рядом с портами для строительства заводов по производству солнечного оборудования.

2. Индия планирует добавить 30 ГВт возобновляемых источников энергии вдоль пустыни на своей западной границе, такой как Гуджарат и Раджастан.

3. Правительство Дели решило остановить тепловую электростанцию в Раджарате и превратить её в солнечный парк мощностью 5 000 кВт.

4. Правительство Раджастана в своём бюджете на 2019–2020 гг. освободило солнечную энергию от уплаты пошлин за электричество и сосредоточило внимание на использовании солнечной энергии в сельском хозяйстве.

5. В целях содействия международному развитию ВИЭ, для ветровых и солнечных проектов, которые должны быть введены в эксплуатацию к марту 2022 г., были отменены сборы и налоговые пошлины.

6. Информирование общественности о простоте установки солнечных батарей на крышах домов, приобретение земли под крупные проекты, увеличение внутреннего производства солнечных батарей и ветряных турбин и т.д. является ключевым моментом, который может способствовать более активному росту этого сектора [5].

Инвестиции/разработки

Согласно данным, опубликованным Департаментом содействия промышленности и внутренней торговли (ДПИИТ), приток частных инвестиций в нетрадиционный энергетический сектор Индии в период с 2014 г. составил 42 млрд долл. США. В 2018 г. объём инвестиций в «зелёную энергетику» в стране достиг 11,1 млрд долл.

Ниже перечислены некоторые крупные инвестиции и разработки в индийском секторе возобновляемой энергетики.

Индийская корпорация солнечной энергетики (SECI) провела аукционы по строительству солнечных парков и в результате заключила контракты на общую мощность более 25 ГВт.

ReNew Power и Sharoogji Pallonji инвестировали 0,11 млрд долл. США в проект использования плавучей платформы по выработке солнечной энергии в Уттар-Прадеш мощностью в 150 МВт. На рис. 2 показан один из видов плавучих платформ, используемых для выработки солнечной энергии.

В 2019 г. Индия одобрила проект по открытию солнечной электростанции (парк Bhadla Solar в Раджастане), которая будет крупнейшей солнечной электростанцией в мире с планируемой мощностью 2 255 МВт.

Анализ опубликованных данных показывает, что основные инвестиционные сделки в индийскую возобновляемую энергетику в 2019/20 гг. составили 8,4 млрд долл (рис. 4).

Более 63% из них составили капитальные инвестиции пяти компаний, занимающихся возобновляемыми источниками энергии: Greenko Energy Holdings, ReNew Power, Adani Green Energy, Infrastructure Leasing & Financial Services (IL&FS), Sterling & Wilson (рис. 3).

Рис. 2. Плавающая платформа по выработке солнечной энергии
Источник: [10]

Company name	Deal type	Acquirer/Investor	Deal Value (US\$m)
Greenko Energy Holdings	Equity + Green Bonds	GIC and ADIA	2124
Renew Power	Offshore Bonds + Dollar Bonds + Equity	HSBC, JP Morgan and Barclays, Goldman Sachs, ADIA and CPPIB	1050
Adani Green Energy IL&FS	Green Bonds + Equity M&A	Total Orix	837.99 669
Sterling & Wilson	IPO + Equity	27 anchor investors. Leading investors - Nomura, Schroder, ADIA.	608
O2 Power	Equity	Temasek, EQT	500
Azure Power	Green Bonds + Equity	CDPQ	436.1
Acme Clean Tech Solution	M&A	Actis	390
Amplus Energy Solutions	Equity	Petronas	390
Hero Future Energies	Equity + Debt	Masdar, AIB	215

Source: IMK Research

Рис. 3. Размер и формы инвестиций компаний в сектор ВИЭ в Индии
Источник: [3]

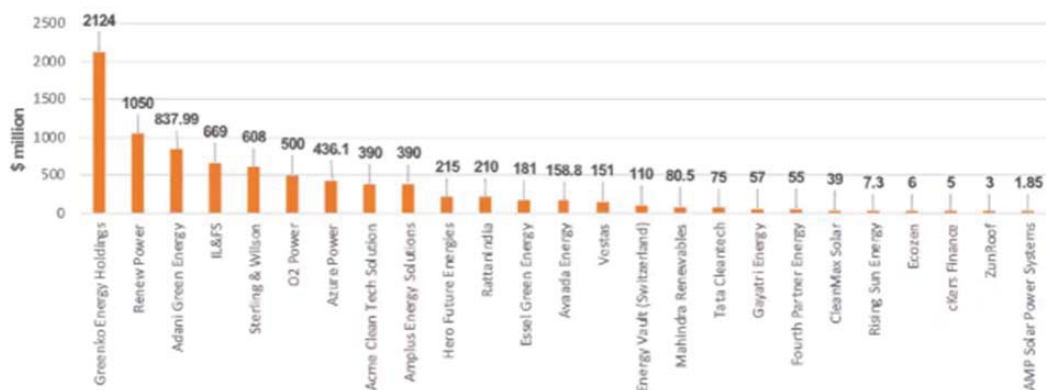

Рис. 4. Инвестиции компаний в ВИЭ Индии за 2019/2020 гг.

Источник: [3]

Стоимость электроэнергии, полученной из ВИЭ, в Индии в настоящее время на 20-30% ниже стоимости электроэнергии, получаемой за счёт работы ТЭЦ, и на 50% ниже таковой, получаемой на электростанциях при сжигании угля.

Наконец, чтобы привлечь больше инвестиций, правительству необходимо обеспечить политическую определённость и изучить инновационные финансовые решения для привлечения большего объёма средств [3].

Влияние ВИЭ на социально-экономические показатели страны

В Индии ВИЭ может стать основным энергоресурсом и решить как экономические, так и социальные проблемы. Проекты, реализованные внутри страны, повышают занятость, поскольку требуются ресурсы для производства и установки панелей или турбин. С другой стороны, в Индии не так много квалифицированных кадров, которые способны хорошо выполнять работы по производству и обслуживанию ВИЭ оборудования. Решить эту проблему можно так же, как Китай в период «открытости»: привлечь иностранные компании на свой рынок при условии, что рабочие места будут занимать местные жители, на полученные деньги обустривать инфраструктуру и заниматься повышением грамотности людей. Развитие проектов ВИЭ невозможно без создания инфраструктуры, поэтому большое количество проектов смогут стимулировать электрификацию территории Индии и повысить уровень жизни граждан. Реализация проектов альтернативной энергетики способна снизить зависимость страны от внешних поставщиков энергоносителей и сократить внешний государственный долг, который растёт в Индии от года к году. Проблемы уровня жизни, качества образования и продолжительности жизни могут быть решены путём внедрения новых ВИЭ мощностей, однако экономические изменения напрямую зависят от социального уровня развития общества.

К сожалению, многие проекты так и не доходят до стадии реализации, поскольку сталкиваются с бюрократизмом и взяточничеством. Поэтому для изменения экономики страны важно, чтобы изменился и менталитет людей, другими словами, не получится добиться сколь-либо значимых изменений в экономической сфере без значительных изменений в социальной.

Список литературы

1. Standaert, M. Why China's renewable energy transition is losing momentum // *YaleEnvironment360*. – URL: <https://e360.yale.edu/features/why-chinas-renewable-energy-transition-is-losing-momentum> (дата обращения: 13.03.2021).
2. Renewable energy in India. Indian power industry investment // Invest India. – URL: <https://www.investindia.gov.in/sector/renewable-energy> (дата обращения; 12.03.2021).
3. Opinion: Is India's renewable energy investment on track? // *Energyworld*. – URL: <https://energy.economictimes.indiatimes.com/news/renewable/opinion-is-indias-renewable-energy-investment-on-track/76229607> (дата обращения: 13.03.2021).
4. Golden, S. 4 reasons clean energy jobs are key to economic recovery // *GreenBiz*. – URL: <https://www.greenbiz.com/article/4-reasons-clean-energy-jobs-are-key-economic-recovery> (дата обращения: 13.03.2021).
5. Investment in India // IBEF. – URL: <https://www.ibef.org/economy/investments> (дата обращения 14.03.2021).
6. Renewables 2020. Analysis and forecast to 2025 // International Energy Agency. – URL: <https://www.iea.org/reports/renewables-2020> (дата обращения: 14.03.2021).
7. O'Meara, S. China's plan to cut coal and boost green growth // *Nature*. – URL: <https://www.nature.com/articles/d41586-020-02464-5> (дата обращения 15.03.2021).
8. Chiu, D. The East is Green: China's global leadership in renewable energy // Center for Strategic&International studies. – URL: <https://www.csis.org/east-green-chinas-global-leadership-renewable-energy> (дата обращения: 19.03.2021).
9. World adds record new renewable energy capacity in 2020 // IRENA. – URL: <https://www.irena.org/newsroom/pressreleases/2021/Apr/World-Adds-Record-New-Renewable-Energy-Capacity-in-2020> (дата обращения: 04.08.2021).
10. Самая большая в мире плавучая СЭС будет введена в эксплуатацию в Индии к 2023 году // *RusCable*. – URL: https://www.ruscable.ru/news/2021/02/15/Samaya_bolyshaya_v_mire_plavuchaya_SES_budet_vvede/ (дата обращения: 06.08.2021).

References

1. Standaert M. Why China's renewable energy transition is losing momentum. *YaleEnvironment360*. Available at: <https://e360.yale.edu/features/why-chinas-renewable-energy-transition-is-losing-momentum> (accessed 13.03.2021).

2. Renewable energy in India. Indian power industry investment. *Invest India*. Available at: <https://www.investindia.gov.in/sector/renewable-energy> (accessed 12.03.2021).
3. Opinion: Is India's renewable energy investment on track? *Energyworld*. Available at: <https://energy.economictimes.indiatimes.com/news/renewable/opinion-is-indias-renewable-energy-investment-on-track/76229607> (accessed 13.03.2021).
4. Golden S. 4 reasons clean energy jobs are key to economic recovery. *GreenBiz*. Available at: <https://www.greenbiz.com/article/4-reasons-clean-energy-jobs-are-key-economic-recovery> (accessed 13 March 2021).
5. Investment in India. *IBEF*. Available at: <https://www.ibef.org/economy/investments> (accessed 14 March 2021).
6. Renewables 2020. Analysis and forecast to 2025. *International Energy Agency*. Available at: <https://www.iea.org/reports/renewables-2020> (accessed 14 March 2021).
7. O'Meara S. China's plan to cut coal and boost green growth. *Nature*. Available at: <https://www.nature.com/articles/d41586-020-02464-5> (accessed 15 March 2021).
8. Chiu D. The East is Green: China's global leadership in renewable energy. *Center for Strategic & International Studies*. Available at: <https://www.csis.org/east-green-chinas-global-leadership-renewable-energy> (accessed 19 March 2021).
9. World adds record new renewable energy capacity in 2020. *IRENA*. Available at: <https://www.irena.org/newsroom/pressreleases/2021/Apr/World-Adds-Record-New-Renewable-Energy-Capacity-in-2020> (accessed 04 August 2021).
10. The world's largest floating solar power plant will be commissioned in India by 2023. *RusCable*. Available at: https://www.ruscable.ru/news/2021/02/15/Samaya_bol_yshaya_v_mire_plavuchaya_SES_budet_vvede/ (accessed 05 August 2021) (In Russian).

Научная статья

УДК 327.5:91(985-11)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-3/63-79>

**РОЛЬ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ В ОСВОЕНИИ
ВОСТОЧНОЙ АРКТИКИ РОССИИ И АДАПТАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ***

П. Я. Бакланов¹, Тихоокеанский институт географии Дальневосточного
отделения Российской Академии Наук, г. Владивосток, Россия

E-mail: pbaklanov@tigdvo.ru

ORCID: 0000-0001-7742-7246

В. Г. Шведов², Тихоокеанский институт географии Дальневосточного
отделения Российской Академии Наук, г. Владивосток, Россия

E-mail: i-svg@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-5075-9985

Аннотация. Обострение современной международной обстановки обуславливает актуальность проведения геополитических исследований различного плана и направленности. В этой связи для крупных стран особое значение имеет тематическое изучение состояния своих регионов, а из них в первую очередь – отдалённых приграничных, геополитическая проблематика которых, как правило, имеет ряд специфических характеристик. В России одним из таких регионов является Восточная Арктика – обширное аква-территориальное пространство, которое максимально удалено от центра страны и имеет высокую степень транспортной изоляции от остальной части страны. Восточная Арктика обладает богатым и разнообразным потенциалом стратегического минерального сырья. В её пределах расположено

---

¹ Пётр Яковлевич Бакланов, академик РАН, доктор географических наук, научный руководитель Тихоокеанского института географии ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

² Вячеслав Геннадьевич Шведов, доктор географических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Тихоокеанского института географии ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-05-60103.

ключевое звено Северного морского пути – Берингов пролив, соединяющий Северный Ледовитый и Тихий океаны. Всё это создаёт благоприятные предпосылки для международного сотрудничества в регионе. Но его развитию препятствует современное обострение российско-американских отношений и ряд нерешённых вопросов по разграничению океанических акваторий. В настоящее время сложилась группа стран АТР, которые проявляют повышенный интерес к данной проблематике. Ряд государств, следуя своим интересам, поддерживают идею США об интернационализации Арктики. Канада, будучи членом НАТО, разделяет позицию России по межгосударственному разделу этого региона. Китай занимает позицию российского стратегического партнёра. В статье проведено исследование по идентификации тех геополитических факторов, которые имеют определяющее значение для Восточной Арктики. Целью данного исследования стало определение воздействия данных факторов на состояние и развитие хозяйственной сферы Восточной Арктики, а также – на адаптацию населения к проживанию и работе в её экстремальных условиях. В результате составлены рекомендации по комплексному военно-гражданскому освоению этого стратегически важного для России региона и по ряду мер, направленных на разрешение его демографических проблем с позиции обеспечения национальной безопасности страны. В работе использованы методы: пространственный анализ, анализ материалов по теме публикации, выборочно-статистический, оценочно-прогнозный.

Ключевые слова: Восточная Арктика, геополитические факторы, минерально-сырьевой потенциал, судоходные трассы, наземные транспортные пути, хозяйственное освоение, межгосударственные отношения, оборонный потенциал, акваториальное разграничение, стратегическое партнёрство, адаптация населения.

Для цитирования: Бакланов П. Я., Шведов В. Г. Роль геополитических факторов в освоении Восточной Арктики России и адаптации населения // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2021. № 3. С. 63–79. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-3/63-79>.

Original article

THE ROLE OF GEOPOLITICAL FACTORS IN THE DEVELOPMENT OF THE EASTERN ARCTIC OF RUSSIA AND ADAPTATION OF THE POPULATION

Pyotr Ia. Baklanov¹, Pacific Geographical Institute of Far Eastern Branch
of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia

E-mail: i-svg@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-7742-7246

Vyacheslav G. Shvedov², Pacific Geographical Institute of Far Eastern Branch
of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia

E-mail: i-svg@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-5075-9985

Abstract. The aggravation of modern international situation determines the relevance of conducting geopolitical research of various types and directions. In this regard, a thematic study of the state of their regions is of particular importance for large countries, and primarily of their remote border regions, the geopolitical problems of which, as a rule, have a number of specific characteristics. In Russia, The Eastern Arctic is one of such regions – a vast aqua-territorial space, which is situated far from the center of the country and has a high degree of transport isolation from the main national territory of Russia. The Eastern Arctic has a rich and varied potential in terms of strategic mineral resources. The region contains is a key link of the Northern Sea Route – the Bering Strait connecting the Arctic and Pacific oceans. All of that creates favorable conditions for international cooperation in the region. But development of the region is impeded by the current aggravation of Russian-American relations and a number of unresolved issues on the delimitation of oceanic waters. At present, a group of APR countries has emerged that show an increased interest in this issue. A number of states, following their interests, support the US idea of internationalization of the Arctic. Canada, although a NATO member, shares Russia's position on the interstate division of the region. China takes the position of a Russian strategic partner. The article is devoted to the study that identifies those geopolitical factors that are of decisive importance for the Eastern Arctic. The purpose of this study was to determine the impact of these factors on the state and development of the economic sphere of the Eastern Arctic, as well as on the adaptation of the population to living and working in its extreme conditions. As a result, recommendations were drawn up on the comprehensive

---

¹ *Pyotr Ya. Baklanov*, Academician of the RAS, Doctor of Geographical Sciences, Research Advisor of the Pacific Institute of Geography, Far East Branch, Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia.

² *Vyacheslav G. Shvedov*, Doctor of Geographical Sciences, Assistant Professor, leading researcher of the Pacific Institute of Geography, Far East Branch, Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia.

civil-military development of this strategically important region for Russia and on a number of measures aimed at resolving its demographic problems in the context of ensuring the country's national security. The following methods were used in the work: spatial analysis, analysis of materials on the topic of publication, selective-statistical, estimated-predictive.

Keywords: Eastern Arctic, geopolitical factors, mineral and raw material potential, shipping routes, land transport routes, mastering, interstate relations, defense potential, water area delimitation, strategic partnership, adaptation of the population.

For citing: Baklanov P. Ya., Shvedov V.G. The role of geopolitical factors in the development of the Eastern Arctic of Russia and adaptation of the population // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2021. No. 3. P. 66–79. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-3/63-79>.

Введение. На социально-экономическое развитие многих приграничных регионов существенное влияние оказывают геополитические факторы. В качестве таких выступают отдельные географические факторы, которые влияют или могут влиять на внешнюю политику страны и её международные отношения, что тем или иным образом отражается на состоянии и развитии входящих в её состав регионов. В их числе следует назвать географическое положение, выходы к морским акваториям, наличие в регионе стратегических природных ресурсов, особенности сочетания и прохождения в его пределах различных географических (в том числе – государственных) границ, наличие и пересечение геополитических интересов ряда государств. В настоящее время действие этих факторов в большей степени изучено на уровне стран в целом [13]. Гораздо меньше внимания уделено изучению их проявления на региональном уровне. В статье этот вопрос рассматривается на примере такого специфического региона, как Восточная Арктика России.

Постановка задачи. Выделить геополитические факторы, оказывающие влияние на развитие Восточной Арктики России. Рассмотреть его основные возможные следствия на развитие хозяйства региона. Оценить возможное влияние геополитических факторов на стабилизацию проживающего здесь населения, его адаптации к арктическим условиям.

Обсуждение. Основные результаты. В качестве основных геополитических факторов, влияние которых наиболее значимо проявляется на региональном уровне, следует рассматривать [3]:

- геополитическое положение региона, учитывающее наличие географических границ всех типов, их протяжённость, конфигурацию, число зарубежных стран – внешних соседей и характер отношений с ними, размещение относительно различных имеющих геополитическое значение географических структур (природно-ресурсные объекты, транспортные магистрали, центры сосредоточения социально-экономического потенциала);

- внутренние и внешние, как сложившиеся, так и потенциальные интересы геополитического плана к природным ресурсам, рынкам сбыта, инвестиций и трудовых ресурсов, транзитно-транспортным коммуникациям;

- нахождение региона в зоне напряжённых межгосударственных отношений.

Действие этих геополитических факторов рассматривается на примере Восточной Арктики России (ВАР) – одного из наиболее проблемных регионов страны, значение которого в последние годы, тем не менее, заметно возрастает, а в перспективе будет лишь увеличиваться.

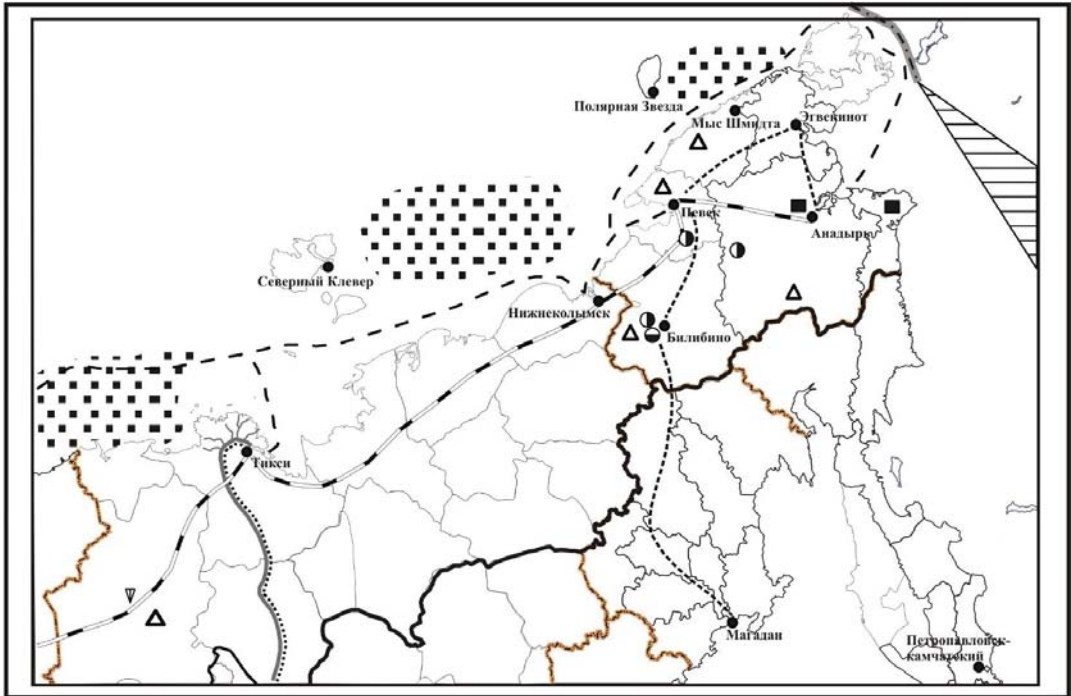
На суше в ВАР входят: Чукотский автономный округ и Арктическая зона Республики Саха (Якутия) в составе 13 приполярных районов (улусов) общей площадью более 2,3 млн км². Она омывается Беринговым, Чукотским, Восточносибирским морями и восточной частью моря Лаптевых. ВАР – предельно удалённая северо-восточная окраина страны, которую от основного массива её территории на суше отделяет широкий пояс труднодоступной местности – сильно расчленённых горных образований (Анабарское плато, хребты Верхоянский и Черского, Колымское и Корякское нагорья). Это обусловило высокий уровень пространственной изоляции Восточной Арктики: её транспортная связь с территорией страны крайне ограничена и представлена лишь судоходной рекой Леной и Северным морским путём.

По Чукотскому и Берингову морям Восточная Арктика соседствует с полуэксклавом США – штатом Аляска. Через Берингов пролив ВАР имеет выход в Тихий океан, где расположены её соседи второго порядка – столь значимые страны АТР, как Китай, Южная Корея и Япония. В высоких широтах соседом второго порядка Восточной Арктики России является Канада.

Интересы России в Восточной Арктике очерчены чётко. С одной стороны, они обусловлены необходимостью дальнейшего освоения здешнего богатого и разнообразного природно-ресурсного потенциала и новыми перспективами развития транзитно-транспортных возможностей региона; с другой – необходимостью обеспечения надёжного контроля над крайним северо-восточным флангом суверенного пространства страны. Обе эти задачи тесно взаимосвязаны и нацелены на долгосрочное и устойчивое развитие региона (рис. 1).

На шельфе восточной части моря Лаптевых имеется 4–5 млрд т углеводородов в нефтяном эквиваленте. Суммарный объём залежей каменного угля в регионе составляет 9,5–10 млрд т. В ВАР находятся мирового значения месторождения алмазов, золота, платиноидов и редкоземельных металлов [19].

То есть минерально-сырьевой потенциал Восточной Арктики представлен полезными ископаемыми, которые имеют стратегическое значение и востребованы в высоких технологиях. В то же время он необходим для развития экспортных отраслей и оборонного комплекса России.

Стратегические минеральные ресурсы

- Разведанные и перспективные нефтегазоносные участки шельфа
- Каменный уголь
- Золото
- Платиноиды
- Редкие и редкоземельные металлы
- Алмазы
- Основные центры освоения региона
- Северный морской путь
- Фрагмент мультимодальной трассы “Амур-Лена”
- Проектируемая трасса Арктической железной дороги
- Проектируемая автодорога
- Спорная акватория между Россией и США

Рис. 1. Восточная часть Арктической зоны РФ.

Источник: составлено авторами

Что касается сохранения и укрепления контроля над региональным пространством, то основными средствами реализации этого интереса в ВАР представляются развитие транспортной и оборонной инфраструктур.

Геополитическая роль развития транспортной сети Восточной Арктики состоит в повышении уровня связанности и доступности регионального пространства и его более тесная привязка к основной территории страны, создании надёжного транспортного обеспечения эффективного освоения природных ресурсов ВАР, интеграция региона в мировую систему трансконтинентальных и трансокеанических грузоперевозок. Основная роль в этом отведена Северному морскому пути. Глобальное потепление постепенно делает его доступным для круглогодичной навигации. В связи с этой перспективой он становится круглогодичной кратчайшей линией морских грузоперевозок между Европой и Восточной Азией. В 2018 г. по Северном морскому пути было перевезено 20 млн т грузов, что превысило рекордный показатель Советского периода. Тогда же состоялся первый проход грузового судна из Владивостока в Санкт-Петербург без ледокольного сопровождения.

Согласно планам, к 2025 г. объём перевозок по этой трассе составит до 80 млн т. Ускорению данного процесса способствует наличие у России самого крупного в мире ледокольного флота, в том числе – судов класса ЛК-60Я, способных ломать лёд толщиной до 3 м. Ожидается запуск в эксплуатацию ледоколов ЛК-120Я, способных преодолевать ледовое покрытие до 4 м.

В пределах ВАР находится соединяющий Северный Ледовитый и Тихий океаны Берингов пролив – ключевое звено Северного морского пути. Соответственно, здесь необходимо проведение следующих мероприятий:

- модернизация портов Тикси, Певек, Анадырь, Беринговский с целью их преобразования в современные многофункциональные (ремонтные, складские и погрузочно-разгрузочные) узлы;
- создание инфраструктуры для технического и технологического обслуживания круглогодичной навигации по морям ВАР и Берингову проливу;
- создание региональной системы обеспечения безопасности мореплавания от природных и антропогенных (в том числе – потенциальных военных) угроз.

Комплексное осуществление этих мер позволит России не только укрепить и усилить внутренние связи, но и стать обладательницей одной из самых перспективных трасс международной торговли.

В этой связи актуален вопрос о расширении функциональности Северного морского пути созданием его «дочерних» ответвлений. Одно из них уже фактически имеется в виде мультимодальной трассы «Амур – Лена», которая после сооружения Амуро-Якутской железной дороги соединила в пункте Нижний Бестях (близ Якутска) водный путь по Лене от порта Тикси и далее по БАМу, Транссибу и Амуре с портами юга Дальнего Востока. Данный транспортный коридор может принять

на себя часть грузопотока Северного морского пути, ускорив его продвижение на 3–4 суток [12].

Не менее перспективен проект строительства Арктической железной дороги от Тюмени через Новый Уренгой с выходом на арктическое побережье по маршруту Тикси – Нижнеколымск – Анадырь, которая сможет эффективно взаимодействовать с Северным морским путём и, при неблагоприятной навигационной обстановке, подстраховывать движение по нему. С другой стороны, она свяжет воедино большинство арктических районов Якутии и Чукотку, обеспечив надёжную транспортную доступность основных центров разработки месторождений полезных ископаемых.

Наличие интереса к ВАР со стороны ряда зарубежных государств связывает решение задачи по её освоению с обеспечением региональной обороноспособности. Имевшаяся в Советский период в ВАР военная инфраструктура была в конце XX в. большей частью демонтирована. Но в последнее десятилетие она восстанавливается на качественно новом уровне.

Российские военные базы в настоящее время размещаются на острове Большой Котельный, в Тикси, на острове Врангеля, мысе Шмидта и в Анадыре. Там дислоцированы многоцелевые ракетные и авиационные части, объединённые системами РЛС и гидроакустической разведки. На Большом Котельном оборудован плацдарм Арктической мотострелковой бригады. В Анадыре восстановлен аэродром стратегических бомбардировщиков.

Важным элементом оборонной инфраструктуры является Северный морской путь. Крейсирующие по нему российские ледоколы по зарубежной военной классификации отнесены к типу «корвет-ледокол», поскольку приспособлены для установки и пуска ракетного вооружения. С 2018 г. Северный морской путь освоен для прохода боевых кораблей из Североморска до Анадыря за одну навигацию без ледокольного сопровождения.

По оценкам военных экспертов США, российская оборонная группировка в Восточной Арктике по ряду параметров превосходит американскую на Аляске [22]. Этот факт нельзя недооценивать, так как Восточная Арктика – место сосредоточения напряжённых межгосударственных отношений, что обусловлено отсутствием здесь общепринятой системы межгосударственного разграничения, вопросами глобальной безопасности, принадлежности арктических природных ресурсов и проблемами международного судоходства.

Наиболее активные геополитические интересы здесь проявляют США, поскольку они являются единственным непосредственным соседом России в Восточной Арктике и её основным внешнеполитическим оппонентом. Последнее из этих обстоятельств является главной причиной сосредоточения в зоне соприкосновения ВАР и Аляски средств взаимного сдерживания. Но следует отметить, что между Россией и США здесь имеются и проблемы неурегулированных региональных отношений.

Российско-американское разграничение в Северной Пацифике определено Вашингтонским договором от 1867 г., по которому есть разногласия в части акваториального размежевания. От установленной точки разграничения на 65° 30' СШ, расположенной в Беринговом проливе на равном удалении от берегов обоих государств, морская граница прямыми линиями расходится в стороны Северного полюса и международных вод Тихого океана. В XIX в. не была учтена разница в использовании картографических проекций: локсодромической в России и ортодромической в США. Поэтому впоследствии выяснилось, что в Беринговом море имеется наложение территориальных вод двух стран. В 1976 г. Советский Союз предложил равный раздел спорной акватории. Отклонив его, США в 1990 г., пользуясь ослаблением СССР, осуществили «делку Бейкер – Шеварднадзе», аннексировав 77,3 тыс. км² акватории Берингова моря. Ни советское, ни современное российское руководство не признали законность этой акции. Таким образом, её результат остаётся источником акваториального спора между двумя странами.

Другой предмет российско-американских геополитических разногласий – межгосударственный статус арктического шельфа. С начала XX вв. почти все приполярные страны (исключая США) полагали, что обладают секторами в Северном Ледовитом океане от крайних точек своих побережий до Северного полюса. Но признание большинством стран утверждённой в 1982 г. Конвенции ООН по международному морскому праву (которую США проигнорировали) аннулировало эту систему, поставив вопрос о легитимном разделе арктического океанического пространства. В частности, таковой допускает суверенизацию обширных шельфовых участков. Согласно этому положению, Россия претендует в Восточной Арктике на обладание шельфом вдоль хребта Менделеева на протяжении 860 км к северу от острова Врангеля. Это составляет около $\frac{1}{3}$ площади её заявки на обладание 1,2 млн км² арктического шельфового пространства.

США выступают против расширения суверенных прав России в акватории Северного Ледовитого океана, настаивая на нейтрализации Арктики в целом как «общечеловеческого достояния». Но очевидно, что такой статус обеспечит американским сырьевым компаниям свободу доступа к арктическим минеральным ресурсам, а военно-морской флот США получит возможность рейдировать российское арктическое побережье на всём его протяжении.

Ещё один предмет российско-американских акваториальных разногласий в Восточной Арктике сосредоточен на Северном морском пути. США настаивают на его десоверенизации как объекта трансокеанического судоходства. Но эта транспортная линия является исторически сложившейся национальной трассой России, формирование и освоение которой берёт начало в XI в. И создавалась она без помощи извне. Это позволяет сослаться на принятую в 1853 г. в США Доктрину первооткрывательства. Согласно ей, пространство, на котором отсутствует государ-

ственность, принадлежит открывшей его стране. Кроме того, Северный морской путь проходит непосредственно близ побережья России и кроме международных перевозок осуществляет жизненно важный для страны каботаж. То есть, его трасса не может рассматриваться как «чисто» международная ни по географическому положению, ни по выполняемым функциям.

Значение российско-американских геополитических противоречий в ВАР в большинстве своём выходит за рамки двусторонних отношений. Особое отношение к ним сложилось у Канады [10]. Она является членом НАТО и ближайшим союзником США. Но эта страна имеет свою точку зрения на межгосударственные разграничения в Арктике и на принадлежность проходящих здесь морских трасс. Канада отстаивает право обладания собственным сектором шельфа в Северном Ледовитом океане и проходящим в его пределах отрезком Северо-Западного морского прохода.

Что касается большинства других стран АТР, то их геополитические интересы состоят в получении максимально облегченного доступа к сырьевому потенциалу Арктики и свободе судоходства по Северному морскому пути. Поэтому они, в целом, разделяют идею США по десуверенизации высоких широт. Наиболее заметны в этом отношении Япония, Южная Корея, Сингапур, Малайзия, Индия. Но позицию этих государств нельзя назвать полностью проамериканской. Они исходят из своих интересов, которым соответствует создание для управления Арктикой международной структуры. Деятельность таковой, по их замыслу, должна строиться на учёте экономических и экологических нужд и потребностей всех заинтересованных государств независимо от их географического положения.

Вместе с тем, эти государства понимают, что большинство арктических стран (включая Россию) не поступятся возможностью расширения своего суверенного пространства в высоких широтах [9]. Кроме того, им понятно, что результатом десуверенизации Северного морского пути может стать отказ России выполнять работы по проведению, ремонту и обеспечению безопасности движения судов на отрезке от Мурманска до Петропавловска-Камчатского, что более чем существенно скажется на надёжности и пропускной способности этой трассы.

Особое положение в формате арктической проблематики занял Китай. Он также заинтересован в свободе доступа к ресурсам Арктики и судоходства по её акваториям, но предпочитает действовать в рамках стратегического партнёрства с Россией [6]. Соответственно, Китай демонстрирует в отношении российских арктических инициатив либо нейтралитет, либо поддержку. Благодаря этому, он стал крупнейшим внешним инвестором в экономику российского Заполярья и обладателем режима льготного судоходства в его водах, планируя к 2025 г. довести долю Северного морского пути до 20 % от всего объёма своих внешних морских перевозок [6]. В Восточной Арктике Китай стал основным экспортёром добываемого здесь каменного угля, имеет преференции на инвестирование в разработку

иных минеральных ресурсов [18], обозначил интерес к участию в реконструкции порта Тикси [16].

В целом, это партнёрство шире двусторонних экономических отношений. Из-за обострения обстановки в Южно-Китайском море Пекин рассматривает Северный морской путь как новую важную линию, страхующую интенсивность его внешних связей [8]. И для него принципиально важно, чтобы она «единолично» контролировалась дружественным государством.

Военный аспект российско-китайского взаимодействия в Арктике отсутствует. Но некоторые его элементы всё же обозначены. В 2019 г. Россия анонсировала начало оказания помощи Китаю в создании системы противоракетной обороны раннего оповещения с размещением элементов взаимодействия в ВАР [21]. Американские аналитики полагают, что усиление конфронтации США с Россией и Китаем может стать причиной заключения ими военного союза и создания совместных военно-морских и военно-воздушных группировок передового сдерживания в Восточной Арктике [20], которая наиболее приближена к территории США.

Проведение Россией независимой внешней политики вызывает негативную реакцию коллективного Запада. Одним из её проявлений стало усиление милитаризации Арктики странами НАТО. В ответ Россией в 2008 г. принята Стратегия государственной политики по социально-экономическому развитию Арктической зоны Российской Федерации и укреплению её обороноспособности [14]. В ней и её последующих редакциях, помимо прочего, затронуты вопросы адаптации населения к проживанию и условиям работы в данном макрорегионе, в том числе – в ВАР.

В качестве основных причин оттока населения из Восточной Арктики в конце XX вв. обычно называются обвал производства в условиях становления рыночных отношений и коллапс системы социальной поддержки местного населения [7]. По нашему мнению, важное значение имело и неконтролируемое, стремительное забрасывание заполярных военных баз. Это порождало у местного населения неуверенность в сохранении интереса России к своей части Арктики при том, что США тогда же расширили свой сектор в Беринговом море, а сенат штата Аляска принял резолюцию HJR-27 о территориальных претензиях к России (1999 г.). В этой связи следует отметить, что в реализации Программы по экономическому освоению Восточной Арктики необходимо полнее учитывать геополитические факторы, в том числе – новые аспекты в геополитическом положении региона, интерес к нему со стороны зарубежных государств, неурегулированность ряда участков акваториального разграничения в бассейне Северного Ледовитого океана и Берингова моря. Отсюда следует, что реализация программы по освоению Восточной Арктики неразрывно связана с укреплением её обороноспособности. Этот процесс демонстрирует местному населению готовность к его защите от потенциальной внешней угрозы и является гарантом спокойных условий жизни и работы в регионе. Кроме того, специфика условий ВАР

во всей их совокупности такова, что процесс освоения наиболее эффективно протекает здесь в двойственной, военно-гражданской форме [15].

В соответствии с программными целями, объёмы добычи стратегического минерального сырья в ВАР будут наращиваться, требуя увеличения инженерно-технического и рабочего контингента. Дополнительных трудовых ресурсов потребует также ведущееся и планируемое строительство военно-гражданских объектов. Их первая очередь представлена реконструкцией портов Тикси и Певек, аэропорта Анадыря, завершением инфраструктурного оснащения военных баз на островах Котельном, Врангеля и мысе Шмидта, строительством автодороги от Магадана до Анадыря с ответвлениями на Билибино, Певек, Эгвекинот; вторая очередь предусматривает возведение комплекса пограничного контроля в Анадыре, реконструкцию порта Беринговский, сооружение и последующее обслуживание восточного отрезка Арктической железнодорожной магистрали от Тикси до Анадыря [2; 11].

Эти перспективы существенно расширяют возможности по обеспечению занятости местного населения, в том числе – его привлечение к возведению дорожной и портовой инфраструктуры, систем электро-, водо- и теплоснабжения, строительству складских, ремонтных и прочих хозяйственных помещений, их последующего обслуживания. Немаловажно и то, что военные базы в ВАР закладываются как объекты автономного жизнеобеспечения. Это предусматривает включение в их внутренний функционал энергетического, бытового и вспомогательного обслуживания, снабжение продуктами питания местного (в том числе тепличного) производства.

Следует подчеркнуть, что в освоении ВАР, как в ресурсном секторе, так и инфраструктурном, чрезвычайно важно полнее использовать достижения науки и техники. С одной стороны, это может существенно повысить эколого-экономическую эффективность процесса освоения в целом, а с другой – сократить трудозатраты и численность необходимых трудовых ресурсов. Наличие в Восточной Арктике огромных запасов энергоносителей позволяет создать здесь в будущем компактные поселения с искусственным климатом, в которых можно обеспечить весь цикл жизнедеятельности населения и его продовольственного обеспечения местной продукцией растениеводства и животноводства. Это позволит привлечь в ВАР гражданский контингент обслуживания военных баз и сформировать постоянно проживающее население с полноценной половозрастной структурой.

Таким образом, геополитические факторы создают дополнительные (и во многом – уникальные) предпосылки для повышения уровня адаптации населения к условиям проживания и трудовой деятельности в ВАР. Но этот процесс требует времени. Постоянное население Восточной Арктики насчитывает чуть более 110 тыс. человек, из которых лишь около 40 тыс. находятся в трудоспособном возрасте [17]. И не все из них обладают должными профессиональными навыками и возможностями. Между тем, текущие задачи экономического освоения и укрепле-

ния обороноспособности региона требуют оперативности. Наиболее реалистичным вариантом разрешения этого противоречия на первых этапах представляется привлечение вахтового и контрактного персонала.

Для ВАР данная практика апробирована в горнодобывающей отрасли. Только на предприятиях АЛРОСА здесь ежегодно трудится до 13 тыс. человек с «Большой земли» [1]. Исходя из этого опыта, Минвостокразвития и Министерство обороны РФ планируют привлечь к возведению и обслуживанию своих объектов в Восточной Арктике около 20 тыс. человек [4].

Безусловно, этот метод не решает всех долгосрочных проблем региона, в том числе и демографическую, из-за специфики гендерного состава вахтовых смен. Но в определённых условиях он оказывается эффективным. Так, в Восточной Арктике временное население региона в основном представлено людьми, которые, не будучи местными жителями, тем не менее, в силу личных физических и моральных качеств достаточно быстро приспосабливаются к непростым условиям жизни и работы в этом регионе. Они представляют собой сплочённые совместной трудовой деятельностью коллективы. То есть, речь идёт о сосредоточении в ВАР нескольких тысяч мужчин призывного возраста, большинство из которых имеет военную подготовку. Это обстоятельство существенно повышает оборонные возможности Восточной Арктики и является одним из дополнительных гарантий обеспечения безопасности мероприятий, направленных на её социально-экономическое развитие. В целом, можно выделить следующие, связанные с геополитическими факторами, аспекты, которые способствуют росту адаптации населения в Восточной Арктике:

- освоение крупных месторождений природных ресурсов с сохранением национальных российских приоритетов;
- развитие современного инфраструктурного обустройства региона в гражданском секторе;
- усиление обороноспособности, наращивание соответствующего потенциала и контингента военнослужащих;
- привлечение для работы в регионе вахтового и контрактного контингента населения;
- обеспечение дополнительной, эффективной взаимной дополняемости и сбалансированности в развитии (в том числе – пространственном) и функционировании гражданского и оборонного секторов;
- создание комплексных поселений с искусственными климатом за счёт местных энергоносителей;
- разрешение сложившихся вокруг региона межгосударственных геополитических проблем.

Заключение. Таким образом, роль геополитических факторов в долгосрочном развитии региона Восточная Арктика весьма значительна. Учёт таких специфиче-

ских составляющих в геополитическом положении региона, как наличие в его пределах богатейшего минерально-сырьевого потенциала, транзитные перспективы Северного морского пути, непосредственное соседство с крупнейшей военной и экономической державой – США, рост интереса к нему со стороны «третьих» стран, а также наличие вокруг него некоторых разногласий по межгосударственному разграничению, требуют от России принятия особых мер и направлений по развитию ВАР. Сбалансированное сочетание в развитии гражданского и оборонного секторов может обеспечить не только привлечение дополнительного гражданского и военного населения, но и усилит механизмы и результативность его адаптационных процессов в регионе. Всё это, в свою очередь, создаст благоприятные предпосылки для устойчивого социально-экономического развития Восточной Арктики России в новых геополитических и технологических условиях.

Список литературы

1. Алмазы Анабара и люди, которые их добывают. Как живет вахтовый посёлок на севере Якутии. – URL: <https://tass.ru/arktika-segodnya/6656394> (дата обращения: 14.08.2020).
2. Арктические транспортные магистрали на суше, акваториях и в воздушном пространстве / В. М. Грузинов, Ю. В. Заворыкина, Г. В. Иванов, Ю. Ф. Сычёв, О. В. Тарасова, Б. Н. Филин // Арктика: экология и экономика. – 2019. – № 1 (33). – С. 6–20.
3. Бакланов, П. Я. Геополитические факторы в региональном развитии // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. – 2020. – № 4 (93). – С. 75–83.
4. В Арктике создадут более 180 тысяч рабочих мест за 15 лет. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/10203915> (дата обращения: 16.03.2021).
5. Ван, Шучунь. Новая китайская концепция и российско-китайское сотрудничество по Северному морскому пути / Шучунь Ван, В. П. Ерёмин // Свободная мысль. – 2017. – № 6. – С. 109–120.
6. Грейть, В. В. Северный морской путь – территориальные воды России или международный транзитный путь? // Молодой учёный. – 2017. – № 13 (147). – С. 430–433.
7. Дальний Восток России: экономической обзорение / под ред. П. А. Минакера. – Хабаровск : Риотип, 1995. – 477 с.
8. Журавель, В. П. Китай, Республика Корея, Япония в Арктике: политика, экономика, безопасность // Арктика и Север. – 2016. – № 24. – С. 112–144.
9. Коллинз, Дж. Арктика в период геополитических перемен: оценка и рекомендации. – URL: <https://globalaffairs.ru/valday/Arktika-v-period-geopoliticheskikh-peremen-otcenka-i-rekomendacii-19044> (дата обращения: 26.07.2019).
10. Конышев, В. Н. Военная стратегия Канады в Арктике / В. Н. Конышев, А. А. Сергунин, С. В. Субботин // Политэкс. – 2015. – Т. 11, № 2. – С. 27–40.

11. Котов, А. Вопросы инфраструктуры и жизнеобеспечения российских военных баз в Арктике / А. Котов, М. Старчак // Новый оборонный заказ. – 2019. – № 4 (57). – С. 38–42.
12. Пространственная организация Лено-Амурского транспортного маршрута / В. Г. Шведов, М. Т. Романов, Е. А. Ушаков, А. А. Чурзина // Естественные и технические науки. – 2018. – № 12. – С. 154–160.
13. Россия в формирующейся Большой Евразии / под ред. В. М. Котлякова, В. А. Шупера. – Москва : Кодекс, 2019. – 376 с.
14. Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года. – Москва : Изд. Правительства Российской Федерации, 2010. – 241 с.
15. Фролов, И. Э. Освоение российской зоны Арктики: проблемы воссоздания транспортной и военной инфраструктур. – URL: <https://institutiones.com/general/2792-osvoenie-rossiiskoi-zony-arktiki.html> (дата обращения: 05.01.2021).
16. Чукотка и Юго-Восточная Азия заинтересованы в модернизации порта Тикси. – URL: <https://ria.ru/20180821/1526946683.html> (дата обращения: 04.03.2021).
17. Шведов, В. Г. Демографические проблемы Тихоокеанской России и Восточной Арктики / В. Г. Шведов, Е. А. Ушаков, А. А. Чурзина // Международный демографический форум. – Воронеж : Цифровая полиграфия, 2020. – С. 536–540.
18. Якутия привлечёт инвестиции Китая в разработку природных ресурсов. – URL: <https://www.ecoindustry.ru/NEWS/view/11119.html> (дата обращения: 04.03.2021).
19. From mantle to critical zone: A review of large and giant-sized deposits of the rare earth elements / M. Smith, K. Moore, D. Kavecsanszhi, A. Finch, J. Kynicky, F. Wall // *Geoscience Frontiers*. – 2016. – Vol. 7, no. 3. – P. 315–334.
20. Goldsten, L. Chinese nuclear submarines could soon be visiting Russian Arctic ports. – URL: <https://nationalinterest.org/blog/reboot/chinese-nuclear-submarines-could-soon-be-visiting-russian-arctic-ports-172607> (дата обращения: 02.01.2020).
21. Russia to help China develop an early warning system. – URL: <https://thediplomat.com/2019/10/russia-to-help-china-develop-an-early-warning-system/> (дата обращения: 04.03.2021).
22. US Coast Guard chief: We are not even in the same league as Russia in the Arctic. – URL: <https://www.businessinsider.com/us-not-even-in-the-same-league-as-russia-in-arctic-2015-7> (дата обращения: 17.12.2020).

References

1. *Diamonds of Anabar and the people who mine. How the rotational village lives in the north of Yakutia*. Available at: <https://tass.ru/arktika-segodnya/6656394> (accessed 14 August 2021). (In Russian).

2. Gruzinov V. M., Zavorykina Yu. V., Ivanov G. V., Sychev Yu. F., Tarasova O. V., Filin B.N. Arkticheskie transportnye magistrali na sushe, akvatoriyakh i v vozdushnom prostranstve [Arctic transport highways on land, waters and airspace]. *Arktika: ekologiya i ekonomika*, 2019, no. 1 (33), pp. 6–20.

3. Baklanov P. Ya. Geopoliticheskie faktory v regional'nom razvitii [Geopolitical factors in regional development]. *Tamozhennaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke*, 2020, no. 4 (93), pp. 75–83.

4. *More than 180 thousand jobs will be created in the Arctic in 15 years*. Available at: <https://tass.ru/ekonomika/10203915> (accessed 16 March 2021). (In Russian).

5. Wang Shuchun, Eremin V.P. Novaya kitaiskaya kontseptsiya i rossiisko-kitaiskoe sotrudnichestvo po Severnomu morskomu puti [New Chinese Concept and Russian-Chinese Cooperation on the Northern Sea Route]. *Svobodnaya mysl'*, 2017, no. 6, pp. 109–120.

6. Greit V. V. Severnyi morskoi put' – territorial'nye vody Rossii ili mezhdunarodnyi tranzitnyi put'? [Northern Sea Route - Russian territorial waters or international transit route?]. *Molodoi uchenyi*, 2017, no. 13 (147), pp. 430–433.

7. Minaker P. A. (ed.). *Dal'nii Vostok Rossii: ekonomicheskoi obozrenie* [The Far East of Russia: an economic review]. Khabarovsk: Rioutyp Publ., 1995. 477 p.

8. Zhuravel V. P. Kitai, Respublika Koreya, Yaponiya v Arktike: politika, ekonomika, bezopasnost' [China, Republic of Korea, Japan in the Arctic: politics, economics, security]. *Arktika i Sever*, 2016, no. 24, pp. 112–144.

9. Collins J. Arktika v period geopoliticheskikh peremen: otsenka i rekomendatsii [The Arctic in the Period of Geopolitical Change: Assessment and Recommendations]. Available at: <https://globalaffairs.ru/valday/Arktika-v-period-geopoliticheskikh-peremen-otsenka-i-rekomendatsii-19044> (accessed 26 July 2019).

10. Konyshov V. N., Sergunin A. A., Subbotin S. V. Voennaya strategiya Kanady v Arktike [Canada's military strategy in the Arctic]. *Politeks*, 2015, vol. 11, no. 2, pp. 27–40.

11. Kotov A., Starchak M. Voprosy infrastruktury i zhizneobespecheniya rossiiskikh voennykh baz v Arktike [Issues of infrastructure and life support of Russian military bases in the Arctic]. *Novyi oboronnyi zakaz*, 2019, no. 4 (57), pp. 38–42.

12. Shvedov V. G., Romanov M. T., Ushakov E. A., Churzina A. A. Prostranstvennaya organizatsiya Leno-Amurskogo transportnogo marshruta [Spatial organization of the Leno-Amur transport route]. *Estestvennye i tekhnicheskie nauki*, 2018, no. 12, pp. 154–160.

13. Kotlyakov V. M., Shuper V. A. (eds.). *Rossiia v formiruyushcheysya Bol'shoi Evrazii* [Russia in the emerging Greater Eurasia]. Moscow: Kodeks Publ., 2019. 376 p.

14. *Strategy for the development of the Arctic zone of the Russian Federation and ensuring national security for the period up to 2020*. Moscow: Publishing house Government of the Russian Federation, 2010. 241 p. (In Russian).

15. Frolov I. E. *Osvoenie rossiiskoi zony Arktiki: problemy vossozdaniya transportnoi i voennoi infrastruktury* [Development of the Russian Arctic Zone: problems of reconstruction of transport and military infrastructures]. Available at: <https://institutiones.com/general/2792-osvoenie-rossiiskoi-zony-arktiki.html> (accessed 01 May 2021).

16. Chukotka and Southeast Asia are interested in modernizing the port of Tiksi. Available at: <https://ria.ru/20180821/1526946683.html> (accessed 03 April 2021). (In Russian).

17. Shvedov V. G., Ushakov E. A., Churzina A. A. Demograficheskie problemy Tikhookeanskoj Rossii i Vostochnoj Arktiki [Demographic problems of Pacific Russia and the Eastern Arctic]. *Mezhdunarodnyi demograficheskii forum* [International demographic forum]. Voronezh: Tsifrovaya poligrafiya Publ., 2020, pp. 536–540.

18. Yakutia will attract Chinese investment in the development of natural resources. Available at: <https://www.ecoindustry.ru/NEWS/view/11119.html> (accessed 03 April 2021). (In Russian).

19. Smith M., Moore K., Kavecsanszhi D., Finch A., Kynicky J., Wall F. From mantle to critical zone: A review of large and giant-sized deposits of the rare earth elements. *Geoscience Frontiers*, 2016, vol. 7, no. 3, pp. 315–334.

20. Goldsten L. *Chinese nuclear submarines could soon be visiting Russian Arctic ports*. Available at: <https://nationalinterest.org/blog/reboot/chinese-nuclear-submarines-could-soon-be-visiting-russian-arctic-ports-172607> (accessed 02 January 2021).

21. *Russia to help China develop an early warning system*. Available at: <https://thediplomat.com/2019/10/russia-to-help-china-develop-an-early-warning-system/> (accessed 03 April 2021).

22. *US Coast Guard chief: We are not even in the same league as Russia in the Arctic*. Available at: <https://www.businessinsider.com/us-not-even-in-the-same-league-as-russia-in-arctic-2015-7> (accessed 17 December 2021).

Научная статья

УДК 339.97(510+7:5-191.2)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-3/80-96>

ИНИЦИАТИВА «ПОЯС И ПУТЬ» В КОНТЕКСТЕ АМЕРИКАНО-КИТАЙСКОГО ВЛИЯНИЯ НА ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В. А. Цибилов¹, Уральский государственный экономический университет,
г. Екатеринбург, Россия
E-mail: rleah@yandex.ru

Аннотация. Глобальная инициатива КНР «Один пояс и один путь», далее – «Пояс и путь» рассматривается не только как совокупность инфраструктурных проектов в сферах социально-экономического развития и безопасности, но и как концепция, фактически обновившая содержание государственной идеологии. Она дополняет национальную доктрину социализма и активно используется для оказания влияния на состояние человеческого капитала стран-участниц. Этому способствуют китайские образовательные и культурные проекты, цифровизация «Пояса и пути», информирование мировой общественности о достигнутых результатах и международная издательская деятельность. Согласно мнению политического руководства США, китайская инициатива реализуется с использованием недобросовестных методов, что, в ряде случаев, сопровождается деятельностью, нарушающей нормы международного права и национальное законодательство стран. Это выражается в условиях труда работников, задействованных в проектах, дезинформации общественности, склонении национальных властей стран-участниц к коррупционным проявлениям и к заключению с китайскими партнёрами «хищнических» (обусловленных) контрактов. В контексте противодействия инициативе «Пояс и путь» осуществляемая Соединёнными Штатами деятельность носит декларативный и, отчасти, запоздалый характер, на сегодняшний момент практически не подкрепляется конкретными действиями и сводится к дискредитации китайских проектов. Реализация же инициативы «Пояс и путь», предложенной Китаем в 2013 г., основана на системе межгосударственного стратегического планирования, осуществляемого через сопряжение национальных стратегий развития и государственных программ.

---

¹ *Виктор Александрович Цибилов*, кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления, Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург, Россия.

Ключевые слова: идеология Китая, доктрина социализма, человеческий капитал, человеческий потенциал, Центральная Азия, инициатива КНР «Один пояс – один путь», «Пояс и путь», образовательный проект, культурный проект, экономическая безопасность, средства массовой информации, стратегическое планирование, государственная программа, внешняя политика, внутренняя политика, экономика, стратегия, Китай, США, Казахстан, Туркменистан, Киргизия, Узбекистан, Таджикистан.

Для цитирования: Цибиков В. А. Инициатива «Пояс и путь» в контексте американско-китайского влияния на человеческий капитал Центральной Азии // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2021. № 3. С. 80–96. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-3/80-96>.

Original article

THE BELT AND ROAD INITIATIVE IN THE CONTEXT OF THE AMERICAN-CHINESE INFLUENCE ON THE HUMAN CAPITAL OF CENTRAL ASIA

Viktor A. Tsibikov¹, Urals State University of Economics, Yekaterinburg, Russia
E-mail: rleah@yandex.ru

Abstract. China's global "One Belt and One Road" Initiative, hereinafter – "Belt and Road" is seen not only as a set of infrastructure projects in the areas of socio-economic development and security, but also as a concept that has actually updated the content of the state ideology. It complements the national doctrine of socialism and is actively used to influence the human capital of participating countries. Chinese educational and cultural projects, the digitalisation of the Belt and Road, global awareness of the results achieved and international publishing contribute to this. According to the US political leadership, the Chinese initiative is being implemented using unfair methods, which, in some cases, are accompanied by activities that violate international law and the countries' national legislation. This is manifested in the labour conditions of workers involved in the projects, misinformation of the public, inducing national authorities of the participating countries to engage in corrupt practices and entering into 'predatory' (conditional) contracts with Chinese partners. In the context of countering the Belt and Road, the US' activities are declarative and partly belated, unsupported by concrete actions at the moment and are reduced to discrediting Chinese projects. The implementation of the Belt and Road Initiative by China is based on the system of interstate strategic planning implemented through the conjunction of national development strategies and state programs.

---

¹ *Viktor A. Tsibikov*, Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Lecturer of the Department of State and Municipal Governance, Urals State University of Economics, Yekaterinburg, Russia.

Keywords: Chinese ideology, socialist doctrine, human capital, human potential, Central Asia, Chinese initiative, One Belt – One Road, Belt and Road, educational project, cultural project, economic security, mass media, strategic planning, state program, foreign policy, domestic policy, economy, strategy, China, USA, Kazakhstan, Turkmenistan, Kyrgyzstan, Uzbekistan, Tajikistan.

For citing: Tsibikov V. A. The Belt and Road Initiative in the context of the American-Chinese influence on the human capital of Central Asia // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2021. No. 3. P. 80–96. DOI <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-3/80-96>.

По взглядам политического руководства США, изложенным в документе «Новая стратегия США для Индо-Тихоокеанского региона» (официально опубликована в июне 2020 г.), Китай останется доминирующей экономикой региона [22]. Хотя темпы роста Китая замедляются, к 2030 г. прогнозируется увеличение значений показателей его экономического роста более чем на 50%. Для сохранения стабильности и наращивания потенциала в социально-экономической и иных сферах, усиления позиций в мире Китае реализуется инициатива «Пояс и путь» (Belt and Road Initiative – BRI). По данным из иных источников, только в 2020 г. китайские компании вложили 110,68 млрд юаней (\$15,96 млрд) в виде нефинансовых прямых инвестиций в 57 стран вдоль «Пояса и пути», что на 25,7% больше, чем в 2019 г. За тот же период товарооборот Китая со странами вдоль Шёлкового пути составил 6,75 трлн юаней, увеличившись на 1,5% в сравнении с аналогичным периодом прошлого года [14].

Согласно данным, размещённым на официальном сайте «Belt and Road Initiative» [25], в составе инициативы проекты в сфере транспорта, энергетики, информационно-коммуникационных технологий, градостроения, космической деятельности, туризма, образования и создания специальных экономических зон. Всего 118 наименований. В части, касающейся стран Центральной Азии, проекты отражены в табл. 1.

Для успешной реализации предусмотренных BRI проектов происходит её сопряжение с программами развития и сотрудничества ООН, АСЕАН, АС, ЕС, ЕАЭС и других международных и региональных организаций, а также с национальными стратегиями развития стран, в частности, центральноазиатских государств [4]. В этих целях вносятся целевые мероприятия в документы стратегического планирования и принимаются совместные декларации о намерениях. В частности, в Казахстане [10] в рамках реализации государственной программы инфраструктурного развития «Нұрлы жол» (Светлый путь) на 2015–2019 гг. сформирована оптимальная логистическая цепь от Восточного побережья Китая (порт Ляньюньган), современного мультимодального хаба «Сухой порт» на границе Казахстана и Китая и далее по системе

железнодорожных и автомобильных магистралей через Каспий в Турцию и Европу. На границе с Китаем сформирован транспортно-логистический и торговый хаб – специальная экономическая зона «Хоргос – Восточные ворота». В Киргизии учитывается соседство страны с Китаем, и глобальная инициатива «Пояс и путь» рассматривается как перспектива [12]. При этом руководство Кыргызстана стремится соединить в проводимой политике две глобальные инициативы – ЕАЭС и «Пояс и путь» через продвижение инициативы «Кыргызстан как ворота интеграции ЕАЭС» и проекта «Пояс и путь». Согласно национальной стратегии развития страны планируется в ближайшие пять лет приступить к строительству железной дороги Китай – Кыргызстан – Узбекистан и торгово-логистического центра в с. Барпы Сузакского района Джалал-Абадской области Кыргызстана за счёт инвестиций КНР [8]. Стратегией развития Таджикистана до 2030 г. предусматривается развитие потенциала экономических коридоров, соединяющих регионы страны со странами Центральной Азии, Китаем, Афганистаном, Пакистаном, Индией, Юго-Восточной Азией, Россией, Ближним Востоком и другими регионами. В Узбекистане находится в стадии проработки проект по строительству железной дороги Китай – Кыргызстан – Узбекистан [7]. Президент Узбекистана Ш. Мирзиёев акцентировал внимание на необходимости наполнения концепции «Пояс и путь» конкретными программами и проектами регионального развития, а также на разработке комплексной программы действий по сотрудничеству в создании транспортно-логистических маршрутов, связывающих Центральную Азию через Китай и Россию с рынками Южной, Юго-Восточной Азии и европейских стран [17]. В телефонном разговоре с лидером КНР от 29 апреля 2021 г. он подтвердил государственный курс на укрепление взаимосвязанности Центральной и Южной Азии [5], что соответствует стратегии развития страны. При этом в государственные программы Узбекистана мероприятия, позволяющие приступить к реализации проектов «Пояса и Пути», до настоящего момента не включались [11]. Туркменистан является ключевым экономическим партнёром Пекина в Каспийском регионе. Приоритетной сферой сотрудничества сторон является нефтегазовая. Китай является главным покупателем туркменского газа, а также участвует в разработке ряда крупных месторождений природного газа на территории прикаспийской республики. На начало 2021 г. с месторождений, разрабатываемых Государственным концерном «Туркменгаз» и китайской CNPC International Turkmenistan, до побережья Тихого океана в общей сложности доставлено 290 миллиардов кубометров природного газа [15]. По данным Посольства Китая в Туркмении в настоящее время обе стороны обсуждают подписание специальной программы о расширении партнёрства в экономической сфере. Китай также проявляет интерес к развитию сотрудничества с Туркменией по проектам создания регионального логистического центра и инновационного города Каспия. Указанные предложения поступили от президента Туркменистана Г. Бердымухамедова в ходе первого Каспийского экономического форума (11–12 августа 2019 г.).

Состав проектов «Пояса и пути», реализуемых в Центральной Азии

Наименование проекта	Страны реализации
<i>В сфере транспорта</i>	
Внутригосударственные железнодорожные сообщения	Узбекистан
Межгосударственные железнодорожные сообщения I и II «Европа – Китай»	Казахстан, Киргизия, Узбекистан
Сухой порт (реконструкция)	Казахстан
Морской порт (строительство, реконструкция)	Казахстан
Реконструкция автодороги Душанбе – граница с Узбекистаном	Таджикистан, Узбекистан
<i>В сфере энергетики</i>	
Газопровод Центральная Азия – Китай	Туркменистан, Узбекистан, Казахстан, Китай
Реконструкция гидроэлектростанции	Таджикистан
Солнечная электростанция	Казахстан
<i>Специальные экономические зоны</i>	
«Хоргос – Восточные ворота»	Казахстан
ВСЕГО	9 из 118 (7,6%), в т.ч. на территориях: Казахстана – 6; Узбекистана – 4; Таджикистана – 2; Киргизии – 1; Туркменистана – 1.

Составлено автором. Источник: Belt and Road Initiative. Официальный сайт [25]

В поддержку глобальной инициативы «Пояс и Путь» проводятся мероприятия по формированию человеческого капитала и обмена человеческими ресурсами через совместные образовательные и культурные проекты, информирование мировой общественности о ходе реализации инициативы, издательскую деятельность. В частности, студенты из государств-участников инициативы имеют право подать заявки на получение грантов для обучения в китайских вузах [6]. Например, по численности студентов, обучающихся в вузах Китая, Казахстан находится на 9 месте после Южной Кореи, США, Японии, Тайланда, Вьетнама, России, Индии и Пакистана [2]. Правительство КНР ежегодно увеличивает число образовательных грантов для стран-участниц «Пояса и пути». После окончания вузов выпускники, имеющие инженерное (техническое) образование, получают право работать в тех китайских компаниях, которые реализуют инфраструктурно-инвестиционные проекты в Цен-

тральной Азии. В отдельных центральноазиатских государствах (Таджикистан) государственными программами предусматривается строительство общеобразовательных школ за счёт средств правительства КНР [13]. В таких школах планируется обучение китайскому языку, основам китайской культуры и истории, в том числе в контексте инициативы «Пояс и путь». В рамках взаимодействия между Китаем и странами Ассоциации государств юго-Восточной Азии (АСЕАН) ежегодно проводится Пекинский научный лагерь для молодёжи [40]. В течение 2020 г. научный лагерь модернизирован под цели и задачи инициативы «Пояс и путь», что значительно увеличило численность его участников за счёт молодёжи из других стран, в том числе не входящих в АСЕАН. Реализуются проекты по интеграции культур стран-участниц. В рамках празднования 3-й китайской международной выставки импорта в Шанхае китайская ассоциация художников представила экспозицию, демонстрирующую более 200 работ художников из Китая и стран-участниц инициативы «Пояс и путь» [9, 18]. Выставка «Пояс и путь», организованная Национальным художественным музеем Китая, объединила почти 200 классических китайских картин, работ маслом, скульптур и гравюр художников из страны и из-за рубежа, которые «признают важность традиционных обменов между цивилизациями Востока и Запада» [23]. При проведении 2-го Международного карнавала деликатесов в районе Чаоян г. Пекин продемонстрировано более 40 брендов из стран, участвующих в инициативе. Участниками карнавала стали около 20 тыс. человек [32]. При проведении 7-го Международного кинофестиваля «Шёлковый путь» организаторами подчеркнута важность совместного производства художественных, документальных и анимационных фильмов, а также обмен ими через кинопрокат в странах, участвующих в инициативе «Пояс и путь» [27]. В ходе международной недели культуры по парче и вышивке, состоявшейся на о. Хайнань [31], представлены работы из стран и регионов вдоль «Пояса и пути», каждый из которых демонстрировал свой собственный местный и национальный стиль. Подобные мероприятия проводятся и на территориях стран-участниц, например, в Узбекистане [3]. Издательская деятельность направлена на выпуск печатных и электронных книг и журналов, авторами которых зачастую являются лица не китайского происхождения. Например, в книге Ричарда Гриффитца (Нидерланды) «Морской шёлковый путь» анализируется необходимость такой инициативы и обосновывается «решающая роль, которую она должна сыграть в глобальном восстановлении после новой пандемии коронавируса» [24]. В целом, как свидетельствуют данные финансового планирования КНР, расходы на образование и культуру (включая туризм, спорт и СМИ) за последние три отчётных года повышаются (см. табл. 2).

Для информирования общественности о ходе и результатах реализации инициативы «Пояс и путь» в КНР создана и успешно функционирует сеть новостей «The Belt and Road News Network» (BRNN) [35]. Сеть использует любые значимые информационные поводы для продвижения «Пояса и пути» в мировом информацион-

ном пространстве. Так, BRNN опубликовала открытое письмо членам своего альянса из 205 средств массовой информации из 98 стран мира, призывая их донести до общественности послание единства и поддержки, публиковать истории о том, как страны-участницы инициативы борются вместе против пандемии коронавирусной инфекции [36]. Несмотря на распространение COVID-19, препятствующее личным международным обменам, 15 декабря 2020 г. в Пекине состоялась встреча в онлайн и оффлайн формате представителей более 70 крупных телевизионных медиа-организаций из более чем 40 стран. На повестке значилось обсуждение вопросов будущего глобального сотрудничества в рамках BRI [38].

Таблица 2

Расходы КНР в сфере образования и культуры в 2018–2020 гг. (в млн юаней)

Вид расходов	2018	2019	2020*
Образование	1731,83	1835,88	1699,09
Культура, туризм, спорт, СМИ	279,38	308,85	268,93

Составлено автором. Источник: Ministry of Finance the People's Republic of China [33]

Со слов официальных представителей органов власти КНР, расширение и углубление культурных, в т.ч. туристических обменов со странами, участвующими в инициативе, будет продолжено. При этом планируется на регулярной основе проводить рекламные мероприятия, использовать культурные ресурсы для развития туризма, использовать возможности и платформу, предоставляемые туризмом, для продвижения в мировое пространство культуры китайских регионов [34]. Над продвижением инициативы работают сотрудники китайских дипмиссий в странах пребывания. В интервью посла Китая в США приведены примеры успешной реализации инициативы в конкретных странах, в частности, в Казахстане. Являясь крупнейшей в мире страной, не имеющей выхода к морю, Казахстан – в результате BRI – получил доступ к Тихому океану через порт Ляньюньган в Китае. В 2014 г. в порту Ляньюньган (Китай) был создан совместный с казахскими партнёрами логистический терминал, который на сегодняшний день является основным пунктом консолидации грузопотоков в/из Казахстана [21]. К обеспечению инициативы привлекаются представители науки. В работе Международного форума «Пояс и путь» по творчеству и устойчивому развитию в постпандемическую эпоху 31 июля 2020 г. приняли участие эксперты и учёные международного состава [29]. Подобные форумы проводятся как на многосторонней, так и на двухсторонней основе с государствами-партнёрами, в частности с Таджикистаном [1].

* Снижение показателей за 2020 г. по всей видимости связано с пандемией COVID-19 (прим. автора).

В целом, культурно-образовательные и информационные проекты, реализуемые КНР, представляют инструменты «мягкой силы», позволяющие избирательно формировать человеческий капитал в духе лояльности и поддержки реализуемых проектов. Учитывая сильное расслоение населения центральноазиатских государств по таким показателям, как уровень дохода, образования и доступа к информационным ресурсам, в т.ч. к ресурсам сети Интернет, следует предположить, что первоочередными объектами влияния являются представители социально-экономических элит и талантливая молодёжь государств.

В противовес развитию инициативы «Пояс и путь» Президент США Д. Байден в конце марта 2021 г. предложил создать в союзе с «демократическими странами» аналог китайского инфраструктурного проекта. Об этом он заявил во время телефонного разговора с британским премьер-министром Б. Джонсоном. Ранее глава Белого дома также подчёркивал, что не позволит Китаю обогнать США по степени влияния и благосостояния [16]. В дополнение к политическому курсу правительственная структура, именуемая Global Engagement Center [30] (GEC), значительно активизировала свою работу по «китайскому вызову» внешней политике США [19]. Имеющие главную цель своей деятельности координировать усилия федерального правительства по выявлению и противодействию иностранным пропагандистским и дезинформационным действиям, направленным на подрыв или влияние на политику, безопасность или стабильность Соединённых Штатов, их союзников и стран-партнёров, усилия GEC по противодействию пропаганде Коммунистической партии Китая включают в себя, в том числе, повышение осведомлённости общественности о проблемных аспектах инициативы «Пояс и путь»*.

Американским политическим руководством принимаются всевозможные меры для побуждения политических партий, общественных институтов и правительств государств по всему миру оценить риск и пересмотреть деловые сделки с китайскими государственными предприятиями, именуемые «хищническими». Так, китайскую коммуникационную строительную компанию (China Communication Construction Company – CCCC) и её дочерние компании обвиняют в такого рода сделках и представляют одним из ведущих подрядчиков, используемых Пекином в глобальной стратегии «Пояс и путь» [26]. По мнению руководства Соединённых Штатов, секретные контракты – это основной способ, которым китайские государственные предприятия работают в своём бизнесе по всему «Поясу и пути». Очевидно, существует процесс, в котором участвуют правительства, гражданское общество и журналисты, которые лучше разбираются в этой деятельности, включая условия контрактов, качество продукции, качество этих крупных инфраструктурных инвестиций, которые ищут страны, вопросы мошенничества, коррупции и взя-

---

* В 2020 г. GEC опубликован специальный доклад «Основы дезинформации и пропаганды, осуществляемые Россией» (прим. автора).

точничества, хищнических контрактов, злоупотреблений рабочей силой, военных связей подобных китайских государственных предприятий. Имеет место также фундаментальная проблема непрозрачности, которая проявляется в китайской деятельности в целом и в китайских контрактах в частности [26]. В стратегии США для Индо-Тихоокеанского региона упоминается, что китайские государственные предприятия часто заставляют граждан работать в ужасающих условиях на проектах «Пояса и пути» [20]. Кроме того, обеспечивая реализацию проектов в рамках инициативы, Китай вводит санкции в отношении граждан и целых стран, которые своими действиями могут затруднить продвижение проектов [39].

США со своей стороны предлагают мировому сообществу использовать «надёжных» поставщиков в качестве альтернативы китайской системе, в которой китайские компании обязаны, согласно законодательству КНР, либо раскрывать, либо не раскрывать информацию, передаваемую через их системы. Сеть надёжных поставщиков является частью американского противодействия инициативе «Пояс и путь» и, в целом, китайскому государству. Оно отражает трансатлантические ценности и предоставляет необходимую альтернативу странам, которые стремятся вести бизнес на коммерчески равных условиях, не предполагающих отказ от своего суверенитета [37].

В общем, следует отметить реакцию Соединённых Штатов в ответ на активные китайские действия, которая носит декларативный, отчасти запоздалый характер. При этом основные усилия в практическом планировании деятельности в Центральной Азии сведены к насаждению института демократии, основывающейся на американской системе ценностей, предполагающей трансформацию социально-экономической сферы, сферы безопасности и системы органов публичной власти республик под западные стандарты и бизнес-процессы. Данный вывод следует из содержания видов расходов США, предусмотренных документами бюджетного планирования на 2021 финансовый год (см. табл. 3). Каких бы то ни было практических мер по противодействию реализации проектов «Пояса и пути» пока не принимается. Американским руководством констатируются отдельные факты противоправных действий, допускаемых при реализации китайских проектов.

Таким образом, глобальная инициатива «Пояс и путь» представляет собой не только комплекс инфраструктурных и иных проектов в сфере социально-экономического развития и безопасности. С определённой осторожностью можно утверждать, что инициатива приняла форму государственной идеологии, дополняющей конкретным содержанием закреплённую китайской конституцией доктрину социализма с учётом национальной специфики. Об этом свидетельствует масштабность проводимых мероприятий, организационно-техническая и информационно-коммуникационная база которых позволяет проводить мероприятия в онлайн и оффлайн формате с привлечением экономически активных категорий населения стран-парт-

нёров. При этом деятельность КНР и США в регионе на текущий момент не носит явный конфронтационный характер и выражается в предоставлении центрально-азиатским государствам альтернатив развития по двум вариантам, предложенным Западом и Востоком. По всей видимости, отдельные проекты, реализуемые КНР в Центральной Азии, которые с геополитической точки зрения в течение всего срока реализации были выгодны Соединённым Штатам, и успешное использование Китаем в интересах BRI ситуации с пандемией 2020 г. (в частности, в сферах здравоохранения и железнодорожных перевозок) послужили стимулом для уточнения документов целеполагания и политических заявлений США в 2020–2021 гг.

Таблица 3

Виды расходов США в государствах Центральной Азии

Страна	Вид расходов
Казахстан	Наращивание потенциала в сфере безопасности, создание условий по нераспространению оружия массового уничтожения.
Киргизия	Наращивание потенциала в сфере безопасности, создание благоприятных условий для американского бизнеса, реформирование государственного аппарата, насаждение демократических институтов по западным стандартам, укрепление финансово-технической основы деятельности ключевых организаций гражданского общества.
Таджикистан	Наращивание потенциала в сфере безопасности, создание благоприятных условий для американского бизнеса, реформирование государственного аппарата, насаждение демократических институтов по западным стандартам, повышение конкурентоспособности таджикских товаров, повышение качества и доступности услуг гражданам в социально-экономической сфере.
Узбекистан	Наращивание потенциала в сфере безопасности, контроль за осуществляемыми реформами в различных сферах государственного управления, повышение качества и доступности услуг гражданам в социально-экономической сфере, улучшение инвестиционного климата, трансформация государственного управления в различных сферах по созданию привлекательных условий для американского бизнеса, противодействие негативной пропаганде о США, создание условий по переходу системы образования на западные стандарты.
Туркменистан	Наращивание потенциала в сфере безопасности.

Составлено автором. Источник: U.S. Department of State [28]

Список литературы

1. Лекаркин, И. Академики Китая и Таджикистана обсудили сотрудничество в рамках «Пояса и пути». – URL: <https://tj.sputniknews.ru/20201122/china-Tajikistan-sotrudnichestvo-Poyas-put-1032319461.html> (дата обращения: 04.05.2021).
2. В Поднебесной учатся более 14 тысяч казахстанских студентов. – URL: <https://24.kz/ru/news/obrazovanie-i-nauka/item/288845-v-podnebesnoj-uchatsya-bolee-14-000-kazakhstanskikh-studentov> (дата обращения: 04.05.2021).
3. В Ташкенте открылась выставка «Узбекистан и "Пояс и путь"» // Синьхуа новости : офиц. сайт. – URL: http://russian.news.cn/2019-09/19/c_138402606.htm?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.com%2Fnews%2Fstory%2FV_Tashkente_otkrylas_vystavka_Uzbekistan_i_Poyas_i_put--a5b665ab71639700b7cc3ca7202fd6f7 (дата обращения: 04.05.2021).
4. Генеральный консул КНР в Алматы г-н Чжан Вэй рассказывает казахстанским СМИ об итогах Второго форума высокого уровня по международному сотрудничеству «Один пояс и один путь» // Kazakhstan Today : офиц. сайт. – URL: https://www.kt.kz/rus/interview/generalnyu_konsul_knr_v_almaty_g-n_chzhan_vey_rasskazyvaet_1377883891.html (дата обращения: 28.03.2021).
5. Главы Узбекистана и Китая обсудили инициативу «Один пояс, один путь». – URL: https://eadaaily.com/ru/news/2021/04/29/glavy-uzbekistana-i-kitaya-obsudili-iniciativu-odin-poyas-odin-put?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 01.05.2021).
6. Гранты на обучение в Китае One Belt – One Road, Jasmine и другие // StudyInChina.com : офиц. сайт. – URL: <https://btfr.cc/ffh> (дата обращения: 28.03.2021).
7. Итоги международного форума «Пояс и путь» // Центр «Стратегия развития» : офиц. сайт. – URL: <https://strategy.uz/index.php?news=701&lang=ru> (дата обращения: 25.04.2021).
8. Национальная стратегия развития Кыргызской Республики на 2018–2040 годы. Подтвержденное финансирование инвестпроектов // Правительство Киргизской Республики : офиц. сайт. – URL: <https://www.gov.kg/ru/programs/8> (дата обращения: 11.04.2021).
9. Таджикистан представил свою продукцию на международной выставке в Китае. – URL: <https://tj.sputniknews.ru/20201106/Tajikistan-vystavka-china-1032220133.html> (дата обращения: 04.05.2021).
10. Об утверждении Государственной программы инфраструктурного развития «Нурлы жол» на 2020–2025 годы. – URL: <https://www.baiterek.gov.kz/sites/default/files/2020-02/4.pdf> (дата обращения: 28.03.2021).
11. Президент Узбекистана утвердил Госпрограмму на 2021 год. Главное. – URL: <https://review.uz/post/prezident-uzbekistana-utverdil-gosprogrammu-na-2021-god-glavnoe> (дата обращения: 01.05.2021).

12. Программа «Реальные цели, новые перспективы» // Правительство Киргизской Республики : офиц. сайт. – URL: <https://www.gov.kg/ru/programs/6> (дата обращения: 28.03.2021).
13. Программа среднесрочного развития Республики Таджикистан на 2016–2020 гг. – URL: <https://www.maorif.tj/asosi/strategiya> (дата обращения: 28.03.2021).
14. Лай, И. Проверка потенциала пройдена успешно. – URL: <https://iz.ru/1134281/lai-i/proverka-potenciala-proidena-uspeshno> (дата обращения: 01.05.2021).
15. Си Цзиньпин готов обсудить с Гурбангулы Бердымухамедовым продвижение сотрудничества. – URL: <http://casp-geo.ru/si-tszinpin-gotov-obsudit-s-gurban-guly-berdymuhamedovym-prodvizhenie-sotrudnichestva/> (дата обращения: 01.05.2021).
16. Алексеева, Н. «У нас должна быть аналогичная инициатива»: зачем Байден предложил скопировать китайский проект «Один пояс — один путь» / Н. Алексеева, А. Медведева // Russia Today : офиц. сайт. – URL: <https://russian.rt.com/world/article/846738-odin-poyas-odin-put-dzho-baiden> (дата обращения: 28.03.2021).
17. Шавкат Мирзиёев дал предложения по развитию концепции «Один пояс, один путь». – URL: <https://uznews.uz/ru/article/4875/> (дата обращения: 25.04.2021).
18. Shanghai exhibition hails peace, cooperation and mutual learning // ChinaCulture.org : official site. – URL: http://en.chinaculture.org/2020-11/05/content_1486009.htm (дата обращения: 28.02.2021).
19. Advancing U.S. Engagement and Countering China in the Indo-Pacific and Beyond // U.S. Embassy and Consulate in China : official site. – URL: <https://china.usembassy-china.org.cn/advancing-u-s-engagement-and-countering-china-in-the-indo-pacific-and-beyond/> (дата обращения: 22.02.2021).
20. At the 2020 Trafficking in Persons Report Launch Ceremony // U.S. Embassy and Consulate in China : official site. – URL: <https://china.usembassy-china.org.cn/at-the-2020-trafficking-in-persons-report-launch-ceremony/> (дата обращения: 22.02.2021).
21. Ambassador Cui Tiankai's Op-ed on Belt and Road Initiative on Fortune Magazine // Embassy of the People's Republic of China in the United States of America : official site. – URL: <http://www.china-embassy.org/eng/zmgxs/zxxx/t1657153.htm> (дата обращения: 23.02.2021).
22. A new U.S. strategy for the Indo-Pacific // The National Bureau of Asian Research : official site. – URL: https://www.nbr.org/wp-content/uploads/pdfs/publications/sr86_cliff_June2020.pdf (дата обращения: 25.04.2021).
23. Art exhibition marks natural and cultural heritage along the Silk Road // ChinaCulture.org : official site. – URL: http://en.chinaculture.org/2020-07/31/content_1482747.htm (дата обращения: 28.02.2021).
24. Book helps to navigate the Maritime Silk Road initiative // ChinaCulture.org : official site. – URL: http://en.chinaculture.org/2020-08/21/content_1483542.htm (дата обращения: 28.02.2021).

25. BRI Projects // Belt and Road Initiative : official site. – URL: <https://www.beltroad-initiative.com/projects/> (дата обращения: 25.04.2021).
26. Briefing With Senior State Department and Commerce Officials // U.S. Embassy and Consulate in China : official site. – URL: <https://china.usembassy-china.org.cn/briefing-with-senior-state-department-and-commerce-officials-on-state-department-visa-restrictions-placed-on-individuals-from-the-peoples-republic-of-china-and-commerce-department-restriction/> (дата обращения: 22.02.2021).
27. Collaboration drives Silk Road film festival // ChinaCulture.org : official site. – URL: http://en.chinaculture.org/2020-10/19/content_1485398.htm (дата обращения: 28.02.2021).
28. Congressional Budget Justification // U.S. Department of State : official site. – URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/04/FY21-Supplementary-Tables-FINAL.pdf> (дата обращения: 04.05.2021).
29. Experts discuss creativity and sustainable development // ChinaCulture.org : official site. – URL: http://en.chinaculture.org/2020-08/07/content_1483048.htm (дата обращения: 28.02.2021).
30. Global Engagement Center // U.S. Department of State : official site. – URL: <https://www.state.gov/bureaus-offices/under-secretary-for-public-diplomacy-and-public-affairs/global-engagement-center/> (дата обращения: 22.02.2021).
31. Hainan to hold int'l culture week on brocade, embroidery // ChinaCulture.org : official site. – URL: http://en.chinaculture.org/2020-08/19/content_1483456.htm (дата обращения: 28.02.2021).
32. Intl Delicacy Carnival boosts cultural consumption in Beijing // ChinaCulture.org : official site. – URL: http://en.chinaculture.org/2020-10/20/content_1485495.htm (дата обращения: 28.02.2021).
33. Ministry of Finance the People's Republic of China : official site. – URL: <http://www.mof.gov.cn/en/data/> (дата обращения: 05.05.2021).
34. Shandong building culture and tourism industries at rapid pace // ChinaCulture.org : official site. – URL: http://en.chinaculture.org/2020-09/22/content_1484550.htm (дата обращения: 28.02.2021).
35. The Belt and Road News Network : official site. – URL: <http://en.brnn.com> (дата обращения: 23.02.2021).
36. He, Yin. To defeat COVID-19 pandemic calls for joint efforts from global media // People's Daily : official site. – URL: <http://en.people.cn/n3/2020/0511/c90000-9689118.html> (дата обращения: 23.02.2021).
37. Transatlantic Dialogue on China: Managing the escalating stakes // U.S. Embassy and Consulate in China : official site. – URL: <https://china.usembassy-china.org.cn/transatlantic-dialogue-on-china-managing-the-escalating-stakes/> (дата обращения: 22.02.2021).

38. TV media 'gathers' to explore international cooperation // ChinaCulture.org : official site. – URL: http://en.chinaculture.org/2020-12/16/content_1487547.htm (дата обращения: 28.02.2021).

39. United States Strategic Approach to the People's Republic of China // U.S. Embassy and Consulate in China : official site. – URL: <https://china.usembassy-china.org.cn/wp-content/uploads/sites/252/U.S.-Strategic-Approach-to-The-Peoples-Republic-of-China-Report-5.24v1.pdf> (дата обращения: 22.02.2021).

40. Webinar marks one-year anniversary of Beijing Science Camp for ASEAN Youth // ChinaCulture.org : official site. – URL: http://en.chinaculture.org/wacce/2020-08/17/content_1483667.htm (дата обращения: 28.02.2021).

References

1. Lekarkin I. *Akademiki Kitaya i Tadzhikistana obsudili sotrudnichestvo v ramkakh «Poyasa i puti»* [Academicians of China and Tajikistan discussed cooperation within the framework of the «Belt and Road»]. Available at: <https://tj.sputniknews.ru/20201122/china-Tajikistan-sotrudnichestvo-Poyas-put-1032319461.html> (accessed 18 August 2021).

2. *More than 14 thousand Kazakhstani students study in the Celestial Empire*. Available at: <https://24.kz/ru/news/obrazovanie-i-nauka/item/288845-v-podnebesnoj-uchatsya-bole-14-000-kazakhstanskikh-studentov> (accessed 18 August 2021). (In Russian).

3. The exhibition «Uzbekistan and the Belt and Road» was opened in Tashkent. *Xinhua news: official site*. Available at: http://russian.news.cn/2019-09/19/c_138402606.htm?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.com%2Fnews%2Fstory%2FV_Tashkent_bot6 (accessed 18 August 2021). (In Russian).

4. Consul General of the People's Republic of China in Almaty, Mr. Zhang Wei, tells the Kazakh media about the results of the Second High-Level Forum on International Cooperation «One Belt and One Road». *Kazakhstan Today: official site*. Available at: https://www.kt.kz/rus/interview/generalnyy_konsul_knr_v_almaty_g-n_chzhan_vey_rasskazyvaet_1377883891.html (accessed 18 August 2021). (In Russian).

5. *The heads of Uzbekistan and China discussed the Belt and Road Initiative*. Available at: https://eadaily.com/ru/news/2021/04/29/glavy-uzbekistana-i-kitaya-obsudili-iniciativu-odin-poyas-odin-put?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (accessed 18 August 2021). (In Russian).

6. Grants for studying in China One Belt – One Road, Jasmine and others. *StudyIn-China.com: official site*. Available at: <https://btfr.cc/ffh> (accessed 18 August 2021). (In Russian).

7. Results of the international forum «Belt and Road». *Center for Development Strategy: official site*. Available at: <https://strategy.uz/index.php?news=701&lang=ru> (accessed 18 August 2021). (In Russian).

8. National Development Strategy of the Kyrgyz Republic for 2018–2040. Confirmed financing of investment projects. *Government of the Kyrgyz Republic: official site*. Available at: <https://www.gov.kg/ru/programs/8> (accessed 18 August 2021). (In Russian).
9. *Tajikistan presented its products at an international exhibition in China*. Available at: <https://tj.sputniknews.ru/20201106/Tajikistan-vystavka-china-1032220133.html> (accessed 18 August 2021). (In Russian).
10. *On approval of the State Program for Infrastructure Development «Nurly Zhol» for 2020–2025*. Available at: <https://www.baiterek.gov.kz/sites/default/files/2020-02/4.pdf> (accessed 18 August 2021). (In Russian).
11. *The President of Uzbekistan approved the State Program for 2021. The main thing*. Available at: <https://review.uz/post/prezident-uzbekistana-utverdil-gosprogrammuna-2021-god-glavnoe> (accessed 18 August 2021). (In Russian).
12. The program «Real goals, new perspectives». *Government of the Kyrgyz Republic: official site*. Available at: <https://www.gov.kg/ru/programs/6> (accessed 18 August 2021). (In Russian).
13. *Program of medium-term development of the Republic of Tajikistan for 2016–2020*. Available at: <https://www.maorif.tj/asosi/strategiya> (accessed 18 August 2021). (In Russian).
14. Lai I. *Proverka potentsiala proidena uspeshno* [Potential test passed successfully]. Available at: <https://iz.ru/1134281/lai-i/proverka-potenciala-proidena-uspeshno> (accessed 18 August 2021).
15. *Xi Jinping is ready to discuss the promotion of cooperation with Gurbanguly Berdimuhamedov*. Available at: <http://casp-geo.ru/si-tszinpin-gotov-obsudit-s-gurbanguly-berdimuhamedovym-prodvizhenie-sotrudnichestva/> (accessed 18 August 2021). (In Russian).
16. Alekseeva N., Medvedeva A. «U nas dolzhna byt' analogichnaya initsiativa»: zachem Baiden predlozhit skopirovat' kitaiskii proekt «Odin poyas — odin put'» [«We should have a similar initiative»: why Biden suggested copying the Chinese project «One Belt – One Road»]. *Russia Today: official site*. Available at: <https://russian.rt.com/world/article/846738-odin-poyas-odin-put-dzho-baiden> (accessed 18 August 2021).
17. Shavkat Mirziyoyev made suggestions for the development of the «One Belt, One Road» concept. Available at: <https://uznews.uz/ru/article/4875/> (date of access: 25.04.2021).
18. Shanghai exhibition hails peace, cooperation and mutual learning. *ChinaCulture.org: official site*. Available at: http://en.chinaculture.org/2020-11/05/content_1486009.htm (accessed 18 August 2021). (In Russian).
19. Advancing U.S. Engagement and Countering China in the Indo-Pacific and Beyond. *U.S. Embassy and Consulate in China: official site*. Available at: <https://china.usembassy-china.org.cn/advancing-u-s-engagement-and-countering-china-in-the-indo-pacific-and-beyond/> (accessed 18 August 2021).

20. At the 2020 Trafficking in Persons Report Launch Ceremony. *U.S. Embassy and Consulate in China: official site*. Available at: <https://china.usembassy-china.org.cn/at-the-2020-trafficking-in-persons-report-launch-ceremony/> (accessed 18 August 2021).

21. Ambassador Cui Tiankai's Op-ed on Belt and Road Initiative on Fortune Magazine. *Embassy of the People's Republic of China in the United States of America: official site*. Available at: <http://www.china-embassy.org/eng/zmgxs/zxxx/t1657153.htm> (accessed 18 August 2021).

22. A new U.S. strategy for the Indo-Pacific. *The National Bureau of Asian Research: official site*. Available at: https://www.nbr.org/wp-content/uploads/pdfs/publications/sr86_cliff_June2020.pdf (accessed 18 August 2021).

23. Art exhibition marks natural and cultural heritage along the Silk Road. *ChinaCulture.org: official site*. Available at: http://en.chinaculture.org/2020-07/31/content_1482747.htm (accessed 18 August 2021).

24. Book helps to navigate the Maritime Silk Road initiative. *ChinaCulture.org: official site*. Available at: http://en.chinaculture.org/2020-08/21/content_1483542.htm (accessed 18 August 2021).

25. *BRI Projects. Belt and Road Initiative: official site*. Available at: <https://www.beltroad-initiative.com/projects/> (accessed 18 August 2021).

26. Briefing With Senior State Department and Commerce Officials. *U.S. Embassy and Consulate in China: official site*. Available at: <https://china.usembassy-china.org.cn/briefing-with-senior-state-department-and-commerce-officials-on-state-department-visa-restrictions-placed-on-individuals-from-the-peoples-republic-of-china-and-commerce-department-restriction/> (accessed 18 August 2021).

27. Collaboration drives Silk Road film festival. *ChinaCulture.org: official site*. Available at: http://en.chinaculture.org/2020-10/19/content_1485398.htm (accessed 18 August 2021).

28. Congressional Budget Justification. *U.S. Department of State: official site*. Available at: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/04/FY21-Supplementary-Tables-FINAL.pdf> (accessed 18 August 2021).

29. Experts discuss creativity and sustainable development. *ChinaCulture.org: official site*. Available at: http://en.chinaculture.org/2020-08/07/content_1483048.htm (accessed 18 August 2021).

30. Global Engagement Center. *U.S. Department of State: official site*. Available at: <https://www.state.gov/bureaus-offices/under-secretary-for-public-diplomacy-and-public-affairs/global-engagement-center/> (accessed 18 August 2021).

31. Hainan to hold int'l culture week on brocade, embroidery. *ChinaCulture.org: official site*. Available at: http://en.chinaculture.org/2020-08/19/content_1483456.htm (accessed 18 August 2021).

32. Intl Delicacy Carnival boosts cultural consumption in Beijing. *ChinaCulture.org: official site*. Available at: http://en.chinaculture.org/2020-10/20/content_1485495.htm (accessed 18 August 2021).

33. *Ministry of Finance the People's Republic of China: official site*. Available at: <http://www.mof.gov.cn/en/data/> (accessed 18 August 2021).

34. Shandong building culture and tourism industries at rapid pace. *ChinaCulture.org: official site*. Available at: http://en.chinaculture.org/2020-09/22/content_1484550.htm (accessed 18 August 2021).

35. *The Belt and Road News Network: official site*. Available at: <http://en.brnn.com> (accessed 18 August 2021).

36. He Yin. To defeat COVID-19 pandemic calls for joint efforts from global media. *People's Daily: official site*. Available at: <http://en.people.cn/n3/2020/0511/c90000-9689118.html> (accessed 18 August 2021).

37. Transatlantic Dialogue on China: Managing the escalating stakes. U.S. *Embassy and Consulate in China: official site*. Available at: <https://china.usembassy-china.org.cn/transatlantic-dialogue-on-china-managing-the-escalating-stakes/> (accessed 18 August 2021).

38. TV media 'gathers' to explore international cooperation. *ChinaCulture.org: official site*. Available at: http://en.chinaculture.org/2020-12/16/content_1487547.htm (accessed 18 August 2021).

39. United States Strategic Approach to the People's Republic of China. U.S. *Embassy and Consulate in China: official site*. Available at: <https://china.usembassy-china.org.cn/wp-content/uploads/sites/252/U.S.-Strategic-Approach-to-The-Peoples-Republic-of-China-Report-5.24v1.pdf> (accessed 18 August 2021).

40. Webinar marks one-year anniversary of Beijing Science Camp for ASEAN Youth. *ChinaCulture.org: official site*. Available at: http://en.chinaculture.org/wacce/2020-08/17/content_1483667.htm (accessed 18 August 2021).

Научная статья

УДК 343.35:37.017.4(470)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-3/97-110>

ГОСУДАРСТВЕННАЯ АНТИКОРРУПЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В СИСТЕМЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОРРУПЦИИ И КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В РОССИИ

А. Е. Комиссаров¹, Казанский (Приволжский) федеральный университет,
г. Казань, Россия
E-mail: komissarov.ae@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается государственная антикоррупционная политика и её роль в системе отечественного воспитательно-образовательного процесса, актуальность создания и внедрения предлагаемой автором единой государственной антикоррупционной воспитательно-образовательной программы (ЕГАВП) по предупреждению коррупции и коррупционных преступлений в России, которую необходимо проводить через отечественную образовательную систему. Здесь же обосновывается целесообразность внедрения такой программы в российский образовательный процесс и исследуются основные проблемы, стоящие на пути снижения уровня коррупции в данной социальной сфере.

Ключевые слова: антикоррупционная политика, антикоррупционная программа, система образования, высшее образование, коррупционная преступность, коррупция, противодействие коррупции, предупреждение коррупции, взяточничество, получение взятки, дача взятки, посредничество во взяточничестве, единый процесс образования и воспитания, уголовная ответственность за коррупционные преступления и др.

Для цитирования: Комиссаров А. Е. Государственная антикоррупционная политика в системе отечественного образования как социально-психологическая основа предупреждения коррупции и коррупционных преступлений в России // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2021. № 3. С. 97–110. DOI <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-3/97-110>.

---

¹ Артём Евгеньевич Комиссаров, аспирант кафедры уголовного права юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, Россия.

Original article

**STATE ANTI-CORRUPTION POLICY
IN THE SYSTEM OF DOMESTIC EDUCATION
AS A SOCIO-PSYCHOLOGICAL BASIS FOR THE PREVENTION
OF CORRUPTION AND CORRUPTION CRIMES IN RUSSIA**

Artem E. Komissarov¹, Kazan (Volga Region) Federal University

Abstract. The article examines the state anti-corruption policy and its role in the system of domestic educational processes, the relevance of the creation and implementation of a unified state anti-corruption educational program, proposed by the author (abbreviated name: "EGAVP"), to prevent corruption and corruption crimes in Russia, which must be carried out through the domestic educational system. It also substantiates the feasibility of introducing such a program into the Russian educational process, and examines the main problems standing in the way of reducing the level of corruption in this social sphere.

Keywords: anti-corruption policy, anti-corruption program, education system, higher education, corruption crime, corruption, anti-corruption, prevention of corruption, bribery, bribery, bribery, mediation in bribery, a unified process of education and upbringing, criminal liability for corruption crimes.

For citing: Komissarov A. E. State Anti-Corruption Policy in the System of Domestic Education as a Socio-Psychological Basis for the Prevention of Corruption and Corruption Crimes in Russia // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2021. No 3. P. 97–110. DOI <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-3/97-110>.

И воспитание, и образование нераздельны.
Нельзя воспитывать, не передавая знания,
всякое же знание действует воспитательно.

Л. Н. Толстой

По сообщению Председателя Следственного комитета Российской Федерации А. И. Бастрыкина, с начала 2020 г. было возбуждено 15 217 уголовных дел по коррупционным преступлениям, что на 4 % больше, чем в 2019 г. [1].

17 июня 2020 г. Генеральный прокурор РФ И. В. Краснов на заседании Совета Федерации РФ сообщил о том, что в России второй год подряд растёт число выяв-

---

¹ *Artem E. Komissarov*, Post-graduate Student of the Department of Criminal Law, Faculty of Law, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia.

ленных коррупционных преступлений и преступлений коррупционной направленности [2].

Указанные выше сведения нельзя считать точными, так как они не учитывают латентную коррупцию и являются статистическими данными, не отражающими реальное состояние коррупции в России.

Отдельного внимания заслуживают сведения международного антикоррупционного движения «Transparency International». Согласно таковым, Российская Федерация за 2020 г. набрала 30 баллов из 100 возможных и заняла 129-е место из 180 возможных. Такое же количество баллов, к примеру, набрали Габон, Азербайджан, Мали и Малави.

По мнению «Transparency International», Россия много лет занимает далеко не самые высокие места в Индексе восприятия коррупции, что отражает отсутствие в ней системного противодействия коррупции [3].

Нелегко бороться с коррупцией и коррупционными преступлениями, когда коррупция носит системный характер и ею буквально пронизаны все сферы деятельности в России. Не исключением является и сфера образования, в частности образовательные организации высшего образования России.

Рост коррупции происходит уже на уровне генетики: вырастает всё новое и новое поколение людей, подверженное этому «недугу», что придаёт этой «социальной болезни» особую устойчивость и развитие, как своего рода «наследственному заболеванию», плохо поддающемуся «лечению», перерастающему в скрытую форму «масштабной социальной эпидемии». Особое опасение вызывает то, что в среде этих поколений людей сложились свои устоявшиеся «коррупционные обычаи, традиции» «делового оборота».

Как сказано в п.п. 1, 2, 3 ст. 2 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»: «1) образование – единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определённых объёма и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов»;

2) воспитание – деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации, обучающихся на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в российском обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства, формирование у обучающихся чувства патриотизма, гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам Героев Отечества, закону и правопорядку».

ку, человеку труда и старшему поколению, взаимного уважения, бережного отношения к культурному наследию и традициям многонационального народа Российской Федерации, природе и окружающей среде;

3) обучение – целенаправленный процесс организации деятельности обучающихся по овладению знаниями, умениями, навыками и компетенцией, приобретению опыта деятельности, развитию способностей, приобретению опыта применения знаний в повседневной жизни и формированию у обучающихся мотивации получения образования в течение всей жизни» [4].

Законодатель признаёт, что по сути образование включает в себя, наряду с обучением, и воспитание. Эти элементы неразделимы и направлены к единой цели: становлению полноценной духовно-нравственной личности, обладающей современным уровнем знаний. Образование осуществляется не только в интересах отдельной личности, но и в интересах общества, государства, человеческой цивилизации, устойчивого прогресса в развитии человечества в целом.

Формирование личности человека начинается с самых малых лет его жизни. На формирование целостной и полноценной личности человека существенное влияние оказывает воспитание, наряду с обучением и образованием, которое человек получает от родителей, лиц, выполняющих их функции, а также от педагогических работников образовательных организаций на всех уровнях образования и воспитания. Немаловажную роль в формировании личности человека также играет то, в какой среде он рос, воспитывался, какую модель поведения при этом перенимал как пример для подражания, и то, в какую среду попадёт в дальнейшем. Только нравственно «здоровая», то есть устойчивая к различным негативным, в том числе коррупционным проявлениям, «образовательная среда», созданная на базе образовательных организаций всех уровней образования, начиная с дошкольного, способна внести свой существенный вклад в формирование духовно-нравственной личности обучающегося и воспитания в нём нетерпимости к коррупционным проявлениям. Чем больше будет людей, обладающих нетерпимостью к коррупционным проявлениям, тем меньше будет людей, подверженных коррупции.

Несмотря на то, что коррупция является «системным социальным заболеванием», которое поразило в нашей стране все сферы деятельности, в том числе образовательную, тем не менее, существенный вклад и соответствующие позитивные плоды может принести планомерная системная работа по предупреждению коррупции и коррупционных преступлений, которая должна проводиться в первую очередь именно через образовательную систему, на всех уровнях образования и на всех этапах воспитания подрастающей молодёжи.

Само наличие коррупционных проявлений в образовании, как и в других общественных сферах, затрудняет работу, направленную на предупреждение корруп-

ции и коррупционных преступлений. Наличие коррупции в образовательной сфере причиняет существенный вред развитию и формированию личности человека. Попадая в такую «коррупционную среду», обучающийся подвергается высокому риску «заражения» этой «системной болезнью».

Наличие коррупции в образовании оказывает негативное влияние на формирование ложных ценностей, принципов и убеждений. У обучающегося, сталкивающегося с коррупционными проявлениями в стенах образовательной организации, создаются условия, необходимые для применения полученных «коррупционных знаний» на практике.

За исторический период борьбы с коррупцией в России было принято множество различных нормативно-правовых актов и поправок к ним, направленных на противодействие этому социально-негативному явлению, в частности, Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 26.05.2021 г.); Указ Президента РФ от 16.08.2021 № 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы» и т.д.

Исследованию коррупции как одной из угроз национальной безопасности Российской Федерации было посвящено немало трудов [5; 6 и др.].

Особое отношение государства к такому антисоциальному явлению, как коррупция, отражено в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, принятой в 2021 г., где коррупция, по сути, признаётся государством одной из системных угроз для безопасности Российской Федерации.

Кроме того, полагаем необходимым отметить и особо значимые политические аспекты, затрагивающие тематику нашего исследования, которые, в частности, находят своё отражение в документе «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (утв. Указом Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400) (далее – Стратегия), а именно:

- в подп. 3 пункта 25 отмечено, что национальными интересами России на современном этапе, наряду с поддержанием гражданского мира и согласия в стране, укрепления законности, являются, в частности, и такие, как искоренение коррупции;

- в пункте 45 указывается, что на фоне сохраняющихся социально-экономических проблем необходимо усилить борьбу с коррупцией;

- в пункте 46 указывается, что одной из целей обеспечения государственной и общественной безопасности является искоренение коррупции;

- пункт 47 гласит, что достижение целей обеспечения государственной и общественной безопасности осуществляется путём реализации государственной политики, направленной на решение таких задач, как, в частности (подп. 13), предупреждение и пресечение преступлений коррупционной направленности;

- в пункте 67 указано, что достижение целей обеспечения экономической безопасности России осуществляется путём решения целого ряда задач, и в частности

(подп. 30), снижения доли теневого и криминального секторов экономики, а также уровня коррупции в предпринимательской среде;

- в подп. 25 пункта 101 сказано, что для достижения целей внешней политики России необходимо решение таких задач, как развитие международного сотрудничества в области противодействия терроризму, экстремизму, коррупции, незаконному производству и обороту наркотических средств и психотропных веществ, нелегальной миграции, трансграничной преступности.

Коррупция является одной из основных угроз для национальной безопасности России.

Само наличие коррупции в образовании, особенно в образовательных организациях высшего образования нашей страны, является одним из основных источников зарождения и развития коррупции в целом, так как обучение в образовательных организациях, наряду с воспитанием подрастающего поколения, оказывает непосредственное влияние на формирование основных устойчивых качеств личности человека.

Что отрадно, в Стратегии особое внимание уделяется и образовательной системе:

- в пункте 14 Стратегии указывается, что для перехода России на новый уровень экономического развития и повышения качества жизни граждан необходимо, в частности, развивать научный потенциал, повышать качество и доступность образования;

- в пункте 22 указывается, что состояние науки и образования является своеобразным индикатором конкурентоспособности России на международной арене, а выход на передовые позиции в этих областях будет способствовать достижению национальных целей развития и созданию условий для повышения международного авторитета России.

- согласно пункту 32 целями государственной политики в сфере сбережения народа России и развития человеческого потенциала являются устойчивый естественный рост численности и повышение качества жизни населения, укрепление здоровья граждан, сокращение бедности, снижение уровня социального и имущественного неравенства, повышение уровня образования населения, воспитание гармонично развитого и социально ответственного гражданина.

- в подп. 12–13 пункта 33 указано, что достижение целей государственной политики в сфере сбережения народа России и развития человеческого потенциала обеспечивается путём решения такой задачи, как повышение качества общего образования; предоставление гражданам широких возможностей для получения среднего и высшего профессионального образования, профессиональной подготовки и переподготовки на протяжении всей жизни в соответствии с потребностями рынка труда;

- в пункте 71 указывается, что новых условиях появляются и становятся востребованными новые профессии, растут требования к уровню образования и ква-

лификации работников. Межгосударственная конкуренция за привлечение учёных и высококвалифицированных специалистов усиливается;

- в подп. 8 пункта 76 сказано, что для достижения цели научно-технологического развития России необходимо решение таких задач, как, в частности, обновление материально-технической базы научных организаций и образовательных организаций высшего образования, в том числе приборной и экспериментально-испытательной; а в подп. 24 пункта 76 отмечается необходимость развития системы среднего профессионального образования в целях подготовки квалифицированных рабочих и специалистов среднего звена в соответствии с современными мировыми стандартами.

- в пункте 86 параграфа «Защита российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти» указывается, что насаждение чуждых идеалов и ценностей, осуществление без учёта исторических традиций и опыта предшествующих поколений реформ в области образования, науки, культуры, религии, языка и информационной деятельности приводят к усилению разобщённости и поляризации национальных обществ, разрушают фундамент культурного суверенитета, подрывают основы политической стабильности и государственности. Пересмотр базовых норм морали, психологическое манипулирование наносят непоправимый ущерб нравственному здоровью человека, поощряют деструктивное поведение, формируют условия для саморазрушения общества. Увеличивается разрыв между поколениями. Одновременно нарастают проявления агрессивного национализма, ксенофобии, религиозного экстремизма и терроризма.

- согласно подп. 5 пункта 93 защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти обеспечивается путем решения, в частности, таких задач, как развитие системы образования, обучения и воспитания как основы формирования развитой и социально ответственной личности, стремящейся к духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому совершенству [7].

Исходя из анализа положений, отражённых в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400); Федеральном законе «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ; Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ и ряда других нормативных правовых актов следует вывод, что государство, по сути, придаёт образовательной системе стратегическое значение для национальной безопасности Российской Федерации.

Конечно же, принятие различных нормативно-правовых актов и поправок к ним, направленных на противодействие этому социально-негативному явлению приносит определённые позитивные плоды. Так, в СМИ не перестаёт поступать информация о задержаниях и «посадках» высокопоставленных представителей

властных структур и иных руководителей различных учреждений и организаций России в центре и на местах за опасные виды коррупционных преступлений.

Сколько ни вводи различных запретов и ограничений, они, если и будут соблюдаться, то формально, либо их и вовсе будут обходить в связи с отсутствием у субъекта, вступающего в коррупционные отношения, личностной нетерпимости к коррупции и решимости противостоять ей. Эти личные качества неразрывно связаны с духовно-нравственными особенностями личности человека, подвергающегося коррупционному воздействию.

Коррупция – это аморальное, особо опасное социальное явление (качество) в каждом обществе и в международном сообществе, свидетельствующее о моральном разложении должностных лиц, иностранных должностных лиц, должностных лиц публичных международных организаций, подрывающее их авторитет в массах, искажающее их этические ценности, отношения справедливости, наносящее ущерб устойчивому прогрессивному развитию и общественному порядку, тесно связанное с организованной и экономической преступностью, проявляющееся в системном использовании ими своего служебного положения и связанных с ним возможностей в целях извлечения материальной (имущественной) выгоды для себя, другого физического или юридического лица либо группы лиц [8, с. 114].

Назрела острая необходимость в создании и внедрении единой государственной антикоррупционной воспитательно-образовательной программы, сокращённо ЕГАВП на базе единого отечественного образования и воспитания, направленной на противодействие и предупреждение этого «системного опасного социального заболевания», на нравственное «оздоровление» уже «заразившихся» членов общества.

Единая государственная антикоррупционная воспитательно-образовательная программа должна быть не факультативным, а обязательным и непрерывным курсом (предметом) обучения и воспитания для освоения обучающимися на всех уровнях предметного образования, начиная с дошкольного.

ЕГАВП, помимо самостоятельного курса (предмета) обучения, должна быть интегрирована в уже существующие предметы (дисциплины), к примеру, такие, как история, обществознание, психология, экономика, юриспруденция, философия и др.

Внутренние документы, принятые различными образовательными организациями, учреждениями, направленные на противодействие и предупреждение коррупции, не должны подменять единую государственную антикоррупционную воспитательно-образовательную программу. С внедрением ЕГАВП на базе образовательных организаций и учреждений должны быть приняты и иные необходимые внутренние локальные акты, соответствующие её требованиям. При этом все ранее принятые внутренние юридические документы должны быть приведены в соответствии с требованиями, предъявляемыми ЕГАВП.

Откладывать внедрение ЕГАВП недопустимо по той причине, что ощутимые результаты от её применения, которые должны выражаться в фактическом, а не статистическом снижении уровня коррупции, могут появиться не сразу. Для этого необходимы основные и наиболее эффективные меры противодействия, направленные на основные объективные причины негативного развития общественных отношений собственности, её происхождения в условиях господства частной собственности и частнособственнических отношений капитализма с его криминальной природой и происхождением.

Основная цель ЕГАВП – усиленное воспитание духовно-нравственной личности и формирование антикоррупционного мировоззрения и соответствующего поведения со своей чёткой гражданской позицией в условиях неблагоприятной для этого действительности. Стремление к её достижению может дать положительные результаты, которые должны привести к снижению коррупционной зависимости российского общества и развитию тенденции уменьшения коррупции и её проявлений в стране.

Основные задачи ЕГАВП:

- донести до подавляющего числа российских граждан общее представление о сущности коррупции, её формах;
- разъяснить им особенности проявления коррупции в различных сферах общественной жизни, её причины и социально опасные последствия;
- научить как можно большее число россиян распознавать коррупцию;
- сформировать у граждан навыки адекватного анализа и личностной оценки данного социального явления и лиц, занятых в системной коррупции;
- получить комплекс необходимых знаний о типичных коррупциогенных ситуациях для формирования стандартов поведения в таких ситуациях в соответствии с правовыми и морально-этическими нормами;
- всячески мотивировать к антикоррупционному поведению;
- формировать нетерпимость к любым проявлениям коррупции;
- сформировать основы правовой грамотности, связанной с коррупционными отношениями, там, где они стали фактами социальной действительности.

Основные этапы государственной антикоррупционной воспитательно-образовательной программы делятся на:

1) **Дошкольное образование** (воспитательно-образовательный процесс): получение знаний и воспитание таких личных качеств у обучающихся, как совесть, справедливость, честность, ответственность, уважение к людям, доброта, и формирование приоритета духовно-нравственных ценностей перед материальными. Такие тематические занятия с детьми этого возраста могут проходить в виде пересказов сказок, рассказов, книг, а также путём проведения театральных и иных представлений с последующим обсуждением с ребятами их смысла. В указанных мероприяти-

ях, помимо воспитателя либо педагога-воспитателя, необходимо участие детского психолога, имеющего соответствующую аккредитацию и предметные знания в этой области;

2) Образование и продолжение воспитания на этапе школьного обучения:

- внедрение предмета «антикоррупционная этика» и предмета «правовое воспитание»;

- проведение антикоррупционных тематических театральных и иных представлений с последующим обсуждением их смысла;

- проведение антикоррупционных тематических игр. К примеру, их можно назвать «суд над коррупционером», «расследование коррупционного дела» и т.п. с последующим обсуждением их смысла;

- проведение промежуточной и итоговой оценки полученных знаний;

- доступное проведение периодического мониторинга уровня коррупции, с которым приходится сталкиваться обучающимся в процессе обучения и в повседневной жизни в виде анонимного тестирования и анкетирования обучающихся и их родителей (законных представителей).

В указанных мероприятиях (помимо педагога либо классного руководителя) необходимо участие детского психолога, имеющего соответствующую аккредитацию и предметные знания в этой области. С целью более предметного обучения практическим основам антикоррупционного поведения для участия в антикоррупционных учебных мероприятиях необходимо привлекать сотрудников правоохранительных органов, в компетенцию которых входит расследование коррупционных преступлений и преступлений коррупционной направленности;

3) Среднее профессиональное, высшее и последующее образование: преподавание курса «антикоррупционная этика» в соответствии с уровнем образования, а также проведение занятий в более традиционных формах (к примеру, проведение тематических лекций с привлечением сотрудников правоохранительных органов, в компетенцию которых входит расследование коррупционных преступлений и преступлений коррупционной направленности, семинаров, дискуссий с обязательным участием обучающихся в смоделированных коррупционных ситуативных занятиях с последующим обсуждением их смысла). При этом необходимо проводить промежуточную и итоговую оценку знаний. Также желательно проводить систематический мониторинг уровня коррупции, с которым приходится сталкиваться обучающимся в процессе обучения и в повседневной жизни в виде анонимного тестирования и анкетирования обучающихся и их родителей (законных представителей).

Для полноценного и всестороннего усвоения ЕГАВП обучающимися необходимо поэтапно, начиная со школьной скамьи, в рамках воспитательно-образовательной программы вводить правовое воспитание из таких областей права, как гражданское, административное, уголовное, трудовое, семейное.

Правовое воспитание необходимо для разъяснения обучающимся природы коррупции, её последствий, а также для обучения умению аргументированно отстаивать свои права и свою позицию законными способами, без коррупционной составляющей, умению находить пути преодоления коррупционных проявлений при решении жизненно необходимых вопросов в учёбе, работе и повседневной действительности.

Среди обучающихся следует создать «моду» на «культ личности честного человека», поступающего «по совести», привить отрицательное отношение лица, вступающего в коррупционные отношения, к явлению коррупции.

Можно установить доску почёта и доску порицания с заголовками статей из СМИ и информацией из открытых источников правоохранительных органов о подтвердившихся фактах коррупции в образовательных организациях.

Желательно создать единый реестр лиц, уволенных за коррупционные проявления из образовательных организаций России, по аналогии с созданным реестром лиц, уволенных в связи с утратой доверия, которые размещены на официальном сайте портала госслужбы [9].

Необходимо многое сделать и для развития самого антикоррупционного образования (поднять его качество, авторитет, обеспечить достойную заработную плату педагогическим работникам образовательных организаций и др.). Педагогический работник не должен постоянно думать о том, как прокормить свою семью и себя, он должен со спокойной совестью трудиться и быть уверенным в том, что его миссия имеет для государства стратегическое значение. Низкая заработная плата педагогических работников является, особенно при прочих равных условиях, провоцирующим коррупциогенным фактором. Кроме того, получая низкую заработную плату, педагогические работники вынуждены отыскивать дополнительные источники заработка, что, в свою очередь, сказывается на качестве образования и провоцирует педагога на получение незаконного дополнительного вознаграждения.

Назрела острая необходимость в воспроизводстве, обновлении и развитии отечественного образования, во внедрении на его базе ЕГАВП, которая должна способствовать постепенному снижению уровня коррупции и коррупционных проявлений, как внутри самой системы образования, так и в целом в России.

С участием учёных-правоведов началась работа по принятию программ антикоррупционного воспитания, совмещённого с предметным обучением, для выработки со школьной скамьи чувства неприязни к взяткам, а в вузах планируется внедрить курс антикоррупционной этики [10].

Экономическая целесообразность создания и внедрения ЕГАВП на базе обновленной образовательной системы выглядит намного эффективнее, чем если бы похожая программа со схожими целями и задачами была создана как самостоятель-

ный и отдельный инструмент, существующий вне системы образования. У системы образования имеется необходимый потенциал, а также площадка для внедрения этой программы. Потребуется меньше усилий и финансовых затрат для достижения необходимых целей комплексного воспитания и обучения в едином взаимосвязанном процессе.

Основные положения единого позитивного воспитательно-образовательного процесса, предлагаемого нами, уже так или иначе были опробованы в советской действительности, в педагогической деятельности наших лучших педагогов и воспитателей, успешно противодействовавших и управлявших процессом противодействия взяточничеству и другим коррупционным преступлениям в процессе учебно-воспитательной работы и формирования позитивно направленной личности в процессе обучения и воспитания дошкольников, школьников, студентов, магистрантов и аспирантов. Эту всемирно известную, лучшую в мире школу профилактики коррупционных и других корыстных преступлений заложили отечественные педагоги – воспитатели и учёные К. Д. Ушинский, А. С. Макаренко, В. А. Сухомлинский и некоторые другие. Огромную положительную роль для отечественной криминологии и педагогики сыграли работы А. С. Макаренко: «Педагогическая поэма» (1935 г.), «Книга для родителей» (1937 г.), «Флаги на башнях» (1938 г.) и др.; учёные труды К. Д. Ушинского: «Человек как предмет воспитания» (1867–1869 гг.) и др.; В. А. Сухомлинского: «Формирование коммунистических убеждений молодого поколения» (1961 г.), «Воспитание личности в советской школе» (1965 г.), «Сердце отдаю детям» (1969 г.), «Рождение гражданина» (1970 г.), «О воспитании» (1973 г.) и др.

Формирование позитивно направленной личности граждан, которых не привлекает коррупция и корыстный криминал, в советское время опиралось на объективно позитивное воспитание, где такие личные качества, как жадность, эгоизм, высокомерие и властолюбие в учебно-воспитательном процессе отмечались как отрицательные, а доброта, взаимопонимание, взаимное уважение и взаимопомощь являлись стимулами, на которых базировалось позитивное воспитание советских людей.

Объективной основой позитивного социалистического воспитания советских людей служили: социалистический социально-экономический уклад жизни и его государственная и общественная система власти, сама социалистическая система хозяйствования и коммунистическая нравственность, исходящая из служения Родине и народу, тем отношениям, которые были ведущими силами при формировании позитивной, добротворческой личности, лишённой эгоизма, злобы и корыстолюбия. И нам необходимо сейчас использовать лучшее из достигнутого ранее.

Список литературы

1. В России стали возбуждать больше дел о коррупции, рассказал глава СК. – URL: <https://ria.ru/20201208/korrupsiya-1588130508.html> (дата обращения: 07.03.2021 г.).
2. Краснов, И. Генпрокурор заявил о росте числа выявляемых случаев коррупции в России. – URL: <https://ria.ru/20200617/1573057184.html> (дата обращения: 07.03.2021).
3. Transparency International: Россия в Индексе восприятия коррупции – 2020. – URL: <https://transparency.org.ru/research/indeks-voSPIriatiya-korrupsiIi/rossiya-v-indeks-e-voSPIriatiya-korrupsiIi-2020-30-balloV-i-129-mesto.html> (дата обращения: 07.03.2021 г.).
4. Об образовании в Российской Федерации : Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 17.02.2021) // СПС Гарант.
5. Егорова, А. С. Коррупция в правоохранительных органах как угроза национальной безопасности Российской Федерации // Международный научно-исследовательский журнал. – 2016. – № 4-7 (46). – С. 147–149.
6. Дудник, И. М. Коррупция как угроза национальной безопасности Российской Федерации // Актуальные проблемы права и экономики : сборник научных трудов. – Саратов, 2016. – С. 113–115.
7. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 02 июля 2021 г. № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 27 (часть II). – Ст. 5351.
8. Сидоров, Б. В. Правильное определение моральной и социально-правовой природы коррупции, её признаков и форм отражения в действительности – основная юридическая предпосылка успешной антикоррупционной деятельности / Б. В. Сидоров, А. Е. Комиссаров // Вестник экономики, права и социологии. – 2018. – № 3. – С. 111–116.
9. Реестр лиц, уволенных в связи с утратой доверия. – URL: <https://gossluzhba.gov.ru/reestr> (дата обращения: 07.03.2021).
10. Взятка – это токсично. В школах и вузах начнут учить борьбе с коррупцией. – URL: <https://rg.ru/2019/03/20/v-shkolah-i-vuzah-nachnut-uchit-borbe-s-korrupciej.html> (дата обращения: 07.03.2021).

References

1. *In Russia began to initiate more cases of corruption, said the head of the Investigative Committee.* Available at: <https://ria.ru/20201208/korrupsiya-1588130508.html> (accessed 03 July 2021). (In Russia).
2. Krasnov I. *Genprokuror zayavil o roste chisla vyyavlyaemykh sluchaev korrupsiIi v Rossii* [Prosecutor General announced an increase in the number of detected cases of corruption in Russia]. Available at: <https://ria.ru/20200617/1573057184.html> (accessed 03 July 2021).

3. *Transparency International: Russia in the Corruption Perceptions Index – 2020*. Available at: <https://transparency.org.ru/research/indeks-voispriyatiya-korrupsii/rossiya-v-indekse-voispriyatiya-korrupsii-2020-30-ballov-i-129-mesto.html> (accessed 03 July 2021). (In Russian).

4. On education in the Russian Federation: Federal Law of December 29, 2012 No. 273-FZ (as amended on February 17, 2021). *Reference Search System Garant*. (In Russian).

5. Egorova A. S. *Korrupsiya v pravookhranitel'nykh organakh kak ugroza natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii* [Corruption in law enforcement agencies as a threat to the national security of the Russian Federation]. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal*, 2016, no. 4-7 (46), pp. 147–149.

6. Dudnik I. M. *Korrupsiya kak ugroza natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii* [Corruption as a threat to the national security of the Russian Federation]. *Aktual'nye problemy prava i ekonomiki: sbornik nauchnykh trudov* [Actual problems of law and economics: collection of scientific papers]. Saratov, 2016, pp 113–115.

7. On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of 02.07.2021 No. 400. *Collected Legislation of the Russian Federation*, 2021, no. 27 (part II), art. 5351. (In Russian).

8. Sidorov B. V., Komissarov A. E. *Pravil'noe opredelenie moral'noi i sotsial'no-pravovoi prirody korrupsii, ee priznakov i form otrazheniya v deistvitel'nosti – osnovnaya yuridicheskaya predposylka uspeshnoi antikorrupsionnoi deyatel'nosti* [Correct definition of the moral and socio-legal nature of corruption, its signs and forms of reflection in reality is the main legal prerequisite for successful anti-corruption activities]. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii. Bulletin of Economics, Law and Sociology*, 2018, no. 3, pp. 111–116.

9. *Register of persons dismissed due to loss of trust*. Available at: <https://gossluzhba.gov.ru/reestr> (accessed 03 July 2021). (In Russian).

10. *A bribe is toxic. Schools and universities will begin to teach the fight against corruption*. Available at: <https://rg.ru/2019/03/20/v-shkolah-i-vuzah-nachnut-uchit-borbe-s-korrupciej.html> (accessed 03 July 2021). (In Russian).

Научная статья

УДК 341-048.87(4/5)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-3/111-123>

**ИДЕЯ ВСЕОБЪЕМЛЮЩЕГО (БОЛЬШОГО) ЕВРАЗИЙСКОГО
ПАРТНЁРСТВА В СВЕТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА (Часть 2)**

В. М. Шумилов¹

Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации, г. Москва, Россия

E-mail: mezhddekpravo@gmail.com

М. Р. Салия²

Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации, г. Москва, Россия

E-mail: salimarianna@yandex.ru

Аннотация. Суть идеи «Всеобъемлющего евразийского партнёрства», озвученной в 2016 году, – усилить интеграционное взаимодействие между Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС) и государствами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), соответствующими международными организациями и прочими интеграционными объединениями в регионе. В итоге должна быть создана региональная зона свободной торговли и свободная инвестиционная зона с участием ЕАЭС и государств-членов ЕАЭС. Главным нормативным регулятором этого процесса выступают международные договоры и мягкое право, и сама направленность такой интеграции объясняется созревшим международным правосознанием и происходящей перестройкой современного международного правопорядка. В статье раскрывается, какими практическими действиями и с каким нормативным инструментарием ЕАЭС идёт к Большому евразийскому партнёрству (БЕП) и какие заделы междуна-

---

¹ Владимир Михайлович Шумилов, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации, Заслуженный юрист Российской Федерации, г. Москва, Россия.

² Марианна Романовна Салия, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры международного права Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации, г. Москва, Россия.

родно-правового регулирования этого движения остаются недостаточно использованными. Большое евразийское партнёрство рассматривается не только как обширная общая зона свободной торговли, где идёт либерализация (устранение) таможенных тарифов на товары взаимной торговли; это ещё и свободная инвестиционная зона, где должны устраняться барьеры на пути прямых инвестиций и инвесторов. Движение в сторону БЕП в АТР идёт пока, главным образом, на двустороннем уровне – за счёт вступления в соответствующее интеграционное объединение отдельных государств (т.е. путём расширения численного состава) и подписания с такими государствами соглашений о зонах свободной торговли. Показано, что главными международно-правовыми инструментами для сближения/сопряжения интеграционных блоков являются принцип наибольшего благоприятствования и исключения из него, а также принцип предоставления национального режима. В ходе региональной интеграции складываются новые международно-правовые договорные нормы и принципы, обычаи, целые институты международного права экономической интеграции, в частности «право ВРЭП», «право ТТП», «право АСЕАН» и т.д. Формируются будущие отрасли международного права, например, «международное социальное право», «международное цифровое право» и др. И в рамках ЕАЭС в целях сопряжения с другими интеграционными объединениями данное обстоятельство следует учитывать.

Ключевые слова: ЕАЭС, Всеобъемлющее евразийское партнёрство (ВЕП), Большое евразийское партнёрство (БЕП), Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР), Всеобъемлющее региональное экономическое партнёрство (ВРЭП), Транстихоокеанское партнёрство (ТТП), АСЕАН, АТЭС, зона свободной торговли, свободная инвестиционная зона, международное право, право международной экономической интеграции, международное правосознание, принцип наибольшего благоприятствования, принцип предоставления национального режима.

Для цитирования: Шумилов В. М., Салия М. Р. Идея всеобъемлющего (большого) евразийского партнёрства в свете международного права (Часть 2) // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2021. №. 2. С. 111–123. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-3/111-123>.

Original article

THE IDEA OF THE GREATER EURASIAN PARTNERSHIP IN THE LIGHT OF INTERNATIONAL LAW (Part 2)

V. M. Shumilov¹, All-Russian Academy of Foreign Trade of the Ministry
of Economic Development of the Russian Federation, Moscow, Russia
E-mail: mezhdekpravo@gmail.com

M. R. Saliya², All-Russian Academy of Foreign Trade of the Ministry
of Economic Development of the Russian Federation, Moscow, Russia
E-mail: salimarianna@yandex.ru

Abstract. The essence of the idea of the "Greater Eurasian Partnership", announced in 2016, is to strengthen integration cooperation between the Eurasian Economic Union (EAEU) and the states of the Asia-Pacific region (APR), relevant international organizations and other integration associations in the region. As a result, a regional free trade zone and a free investment zone with the participation of the EAEU and the EAEU member states should be created. International treaties and soft law are the main regulators of this process, and the very direction of such integration is explained by the international legal consciousness and the ongoing restructuring of the modern international legal order. The article reveals what practical actions and regulatory tools are used by the EAEU to achieve the Greater Eurasian Partnership (BEP) and what reserves of international legal regulation of this movement remain insufficiently used. The Great Eurasian Partnership is considered not only as a broad common free trade area, where customs tariffs on mutual trade goods are liberalized (eliminated); it is also a free investment zone, where barriers to direct investment and investors should be removed. The movement towards the BEP in the Asia-Pacific region is still mainly at the bilateral level – due to the entry into the corresponding integration association of individual states (i.e. by expanding the number of members) and the signing of agreements on free trade zones with these states. It is shown that the main international legal instruments for the convergence/integration of integration blocks include the principle of most-favored nation and exclusion from it, as well as the principle of granting national treatment. In the course of regional integration, new international legal treaty norms and principles, customs, and entire institutions of in-

---

¹ *Vladimir M. Shumilov*, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of International Law of the All-Russian Academy of Foreign Trade of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Moscow, Russia.

² *Marianna R. Saliya*, Candidate of Law, Senior Lecturer, Department of International Law, All-Russian Academy of Foreign Trade, Ministry of Economic Development of the Russian Federation, Moscow, Russia.

ternational law of economic integration are being formed. Future branches of international law are being formed – for example, "international social law", "international digital law", etc. And within the framework of the EAEU, in order to interface with other integration associations, this circumstance should be taken into account.

Keywords: EAEU, Comprehensive Eurasian Partnership, Greater Eurasian Partnership (GEP), Asia-Pacific Region (APR), Comprehensive Regional Economic Partnership (CREP), Trans-Pacific Partnership (TPP), ASEAN, APEC, free trade zone, free investment zone, international law, international economic integration law, international legal awareness, most-favored nation principle, national treatment principle.

For citing: Shumilov V. M., Salia M. R. The idea of the greater Eurasian partnership in the light of international law (Part 2) // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2021. No. 3. С. 111–123. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-3/111-123>.

Международно-правовой инструментарий сопряжения ЕАЭС и ТТП

Создание Транстихоокеанского партнёрства (ТТП) было инициировано США [1]; практически все участвовавшие в нём государства являются членами АТЭС. Соглашение о Всеобъемлющем и прогрессивном Тихоокеанском партнёрстве было подписано в 2018 г. и состоит из 30 глав [2, с. 8]; оно охватило широчайший круг вопросов экономических взаимоотношений и, видимо, изначально задумывалось как большой шаг вперед по сравнению с вопросами, которые не удаётся продвинуть на переговорах в рамках ВТО. По сути дела, Соглашение о ТТП – это инструмент «обхода» действующего права ВТО: то, что не удаётся отрегулировать на глобальном уровне, перенесено на региональный уровень. В частности, в увязке с торгово-экономической проблематикой продвинуты институты, касающиеся стандартов защиты экологии, трудовых прав и перемещения рабочей силы, новых аспектов интеллектуальной собственности и цифровой среды, включая электронную торговлю; защиты потребителей и конкуренции; практически создан международно-правовой режим свободного инвестиционного пространства; выработаны единые правила по доступу бизнесменов на территорию друг друга; государства-участники вплотную развернуты в сторону гармонизации и унификации внутреннего права во многих сферах по нормам ТТП. Появился блок норм об особенностях защиты патентов на медицинские, биологические препараты; блок норм о борьбе с коррупцией. В рамках создания зоны свободной торговли планируется к 2030 г. устранить все пошлины. Под каждую крупную задачу созданы комитеты. Основным органом по Соглашению является Комиссия, состоящая из министров и старших должностных лиц и собирающаяся по согласованию со сторонами Соглашения (с переходящим председательством). Решения принимаются на основе консенсуса.

В главе по экологическим вопросам содержатся статьи о борьбе с торговлей дикой фауной, незаконной вырубкой леса, незаконным рыболовством. Специальная глава отведена социально-экономической проблематике, что можно расценить как вклад в развитие «международного социального права», которое превращается в разветвлённую отрасль международного права. В неё вошли нормы о сокращении уровня бедности, развитии малого бизнеса, помощи женщинам, в том числе в доступе на рынок, развитии образования и науки, «процветания» народов.

В рамках Соглашения имеются специальные нормы, касающиеся развивающихся стран и наименее развитых стран, – таким образом дифференцируются международно-правовые режимы для разных групп стран в зависимости от уровней развития.

В Соглашении закреплён порядок урегулирования споров между странами-участницами по вопросам применения Соглашения. Если спор затрагивает нормы права ВТО, то коллегия при рассмотрении спора должна учитывать толкования и решения Апелляционного органа ОРС ВТО.

Не вошли в окончательный текст Соглашения положения, касающиеся валютных курсов: устранения манипуляций валютными курсами, отказа от девальвации в целях удешевления экспорта, а также положения о денежно-кредитной, а ещё шире – о макроэкономической политике. Переговоры по этим вопросам продолжают-ся. Впрочем, и без этого всем своим текстом Соглашение ведёт государства-члены к некоторой однородности экономик и их правового регулирования и к высокой степени вмешательства государства в экономику.

Понятно также, что для движения ЕАЭС в сторону Большого евразийского партнёрства необходимо будет учитывать международно-правовое содержание Соглашения о ТТП и «перенимать» многие институты «права ТТП», внедряя их в международно-правовой режим, существующий и развивающийся на основе Договора о ЕАЭС, а также в договорную практику ЕАЭС и государств-членов ЕАЭС с другими интеграционными образованиями и третьими странами.

Международно-правовые аспекты взаимодействия ЕАЭС с прочими образованиями интеграционного типа

Решение Высшего Евразийского экономического совета ЕАЭС (2019) об основных направлениях международной деятельности сделало акцент на выстраивании системного диалога, среди прочего, с Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС), Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), форумом «Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество». Сам этот факт говорит о готовности ЕАЭС к развитию взаимосвязей с международными организациями и прочими образованиями интеграционного типа в АТР, а также о приоритетности этого направления. ЕАЭС намерен продолжать работу по выстраиванию Большого евразийского партнёрства путём, в частности, сближения с ШОС и АСЕАН [3,

с. 105]. Ещё несколько лет назад в Стратегии развития ШОС (2015) было выражено намерение работать над проектом Соглашения между ЕАЭС и ШОС о Евразийском континентальном партнёрстве [4, с. 61].

ШОС была создана в 2001 г.; в её составе есть такие важные государства, как Россия, Китай, Индия, которые совместно составили некое политико-экономическое ядро ШОС. основополагающим документом ШОС является Хартия 2002 г., которая декларирует нацеленность на содействие построению нового международного экономического порядка (ст. 1). Программой многостороннего торгово-экономического (2003), подписанной главами правительств, предусматривается создание зоны свободной торговли в ШОС.

В Договоре о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств-членов Шанхайской организации сотрудничества (2007) подчёркивается опора на общепризнанные принципы и нормы международного права, Устав ООН и Хартию ШОС (ст. 1, 2); закреплено обязательство создавать благоприятные условия для развития торговли, стимулирования инвестиций и обмена технологиями (ст. 13); содействовать экономической деятельности на своей территории физических и юридических лиц, ведущих законную хозяйственную деятельность; обмениваться информацией о действующих и издаваемых законах; сотрудничать в разработке международно-правовых документов (ст. 16). Организовано в ШОС и взаимодействие на предпринимательском уровне: создан Деловой совет из представителей бизнеса и бизнес-ассоциаций.

Кроме того, в рамках ШОС подписано множество меморандумов, деклараций и прочих актов мягкого права, которые также создают необходимый нормативный фон для развития «права ШОС». Примерами могут служить меморандумы о взаимопонимании между ШОС и АСЕАН, СНГ, ЕвразЭС – организацией-предшественницей ЕАЭС и др. (2005–2007).

Всей указанной совокупностью документов ЕАЭС оказался наиболее связанным содержанием и заложенным в акты правосознанием с ШОС, ОПОП, АСЕАН [5, с. 51] – теми структурами и проектами, с которыми возможно создать БЕП. Взаимодействие ЕАЭС и ШОС является иллюстративным примером сосуществования цивилизаций и общих устремлений; обе эти организации вместе формируют более устойчивую связь между Азией и Европой.

Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) – межправительственная организация десяти стран региона, образованная в 1967 г. с подписанием «Бангкокской декларации». Договорное оформление АСЕАН произошло в 1976 г. с подписанием «Балийской декларации» и Договора о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии.

В последующем организация расширялась и расширяла предмет деятельности: был подписан Договор об общем преференциальном тарифе (1992), имея в виду движение в сторону зоны свободной торговли; позднее подписан Устав АСЕАН

(2007), согласно которому организация получила статус международного юридического лица.

В АСЕАН действуют: Соглашение о создании Зоны свободной торговли – АФТА, Рамочное соглашение об инвестиционной зоне АСЕАН, Всеобъемлющее соглашение об инвестициях (2009); Договоры о промышленных проектах (1980) и о промышленном интегрировании (1981); Договор о совместных промышленных предприятиях (1983); Рамочное соглашение об услугах (1995) [6, с. 10]. Идёт постепенное сближение с ВРЭП, а также работа на двустороннем уровне: подписаны соглашения АСЕАН о зонах свободной торговли с Китаем, Японией, Республикой Корея, Индией и др. Сингапур, член АСЕАН, заключил договор о зоне свободной торговли с ЕАЭС (2019).

Правовой режим комплексной инвестиционной зоны предусматривает: либерализацию условий для инвестиций в странах АСЕАН; защиту инвесторов из всех стран-участниц; введение правил и норм регулирования, обеспечивающих прозрачность и предсказуемость процесса инвестирования; открытие для прямых инвестиций новых секторов экономики; подписание новых соглашений об избежании двойного налогообложения; зафиксированы и некоторые ограничения для инвестиций в отдельные сектора (например, рыболовство, сельское хозяйство) по каждой стране, но на временной основе. Важно, чтобы ЕАЭС подключился к этой инвестиционной зоне АСЕАН, и это укрепило бы интеграцию двух блоков как будущей – инвестиционной – части БЕП.

В 2015 г. государства-члены АСЕАН подписали соглашение об Экономическом Сообществе АСЕАН, которое ведёт к глубокой интеграции и созданию Единого экономического пространства.

Россия, будучи «партнёром по диалогу» с АСЕАН, активно продвигает идею сближения ЕАЭС с АСЕАН, создания общей зоны свободной торговли. В рамках АСЕАН регулярно проводятся встречи руководителей задействованных государств-членов, согласовываются планы действий. На встрече в 2016 г. была озвучена российская инициатива о формировании Экономического партнёрства по взаимосвязанности ЕАЭС, ШОС и АСЕАН. Есть понимание, что всеобъемлющая зона свободной торговли между ЕАЭС и АСЕАН нужна; создание такой зоны становится реальной перспективой [7].

В своё время между Россией и АСЕАН были подписаны несколько деклараций и программ, в том числе декларация о «развитом и всеобъемлющем партнёрстве» (2005), а также межправительственное Соглашение о сотрудничестве России и АСЕАН в области экономики и развития (2005), подчеркнувшее, среди прочего, цель поддержки региональной интеграции и определившее области, направления и формы взаимодействия. Россия присоединилась к Договору 1976 г. Создана необходимая организационная инфраструктура. Налажены контакты по линии торгово-промышленных палат, имеется Деловой совет Россия – АСЕАН. Открыто Постоян-

ное представительство России при АСЕАН. Президент РФ также подчеркивал важность углубления сотрудничества с АСЕАН для продвижения инициативы БЭП.

Между Евразийской экономической комиссией (ЕЭК) и АСЕАН был подписан Меморандум о взаимопонимании (2018), являющийся актом мягкого права. В нём стороны наметили направления взаимодействия: таможенное регулирование и упрощение процедур торговли, санитарные и фитосанитарные меры, техническое регулирование, электронная торговля, торговля услугами и инвестиции, развитие предпринимательства и др. (ст. 2).

Вместе с тем, проблемой в отношениях между двумя интеграционными блоками остаётся сложившаяся номенклатура торговли: из России поставляются в основном сырьевые товары, а в Россию – продукция высокотехнологичного машиностроения [8, с. 67]. Мешает развитию отношений недостаток нормативной институциональной основы сотрудничества: более бюрократические процедуры принятия решения в ЕАЭС и раздробленность правовой компетенции внутри Союза, поскольку ЕЭК может вести переговоры с внешними партнёрами по вопросам торговли, но не может по вопросам торговли услугами и инвестиций. Нет эффективных связей между предприятиями двух объединений – не выстроены товаропроводящие цепочки на уровне бизнеса. ЕАЭС и АСЕАН на данном этапе ограничиваются проектами узкой группы госкорпораций и госкомпаний, работающих в основном в сфере внешней торговли, энергетики и военно-технического сотрудничества.

Ещё одним образованием интеграционного типа в АТР является Форум Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), члены которого в основном расположены у береговой линии Тихого океана. Форум, образованный в 1989 г., не является полноправной международной организацией, международным юридическим лицом, у него нет устава. Это, скорее, «мягкая организация», «параорганизация». В АТЭС используется термин «участвующие экономики», а не термин «государства-участники», «государства-члены»; в АТЭС участвуют Китай и с его одобрения Тайвань и Гонконг; всего – 21 «экономика». В 1998 г. в АТЭС была принята Россия.

В остальном АТЭС напоминает интеграционные объединения (организации): в его рамках созываются регулярные встречи (саммиты) лидеров государств/экономик, совещания на уровне министров, принимаются декларации, созданы комитеты, рабочие группы, секретариат, Деловой консультативный совет. Предметом деятельности и актов АТЭС названы: борьба с международным терроризмом, обеспечение безопасности в различных сферах, создание системы открытой и свободной торговли, либерального инвестиционного режима. Принимаются решения, касающиеся: поддержки многосторонней торговой системы и реформы ВТО; создания Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли; обеспечения устойчивого роста; раскрытия потенциала цифровой экономики; усиления гуманитарной взаимосвязанности экономик; стимулирования участия малых и средних

предприятий, женщин, молодежи в региональной и глобальной экономике; проведение структурных реформ [2, с. 8]. Отдельно выделяются такие аспекты, как применение в одностороннем и многостороннем порядке – в интересах устойчивого развития экономик – денежно-кредитных, бюджетно-финансовых инструментов, регулирование обменного курса национальных валют, воздержание от девальвации и манипулирования обменными курсами для искусственного повышения конкурентоспособности экономик.

Либерализация тарифных и нетарифных барьеров в АТЭС носит добровольный характер: каждое государство-участник самостоятельно, в одностороннем порядке и без требований о встречных возмещениях, снижает ставки таможенных пошлин на те или иные товары – в этом уникальность регулирования в зоне. Соблюдаются преференции в пользу развивающихся стран на основе права ВТО, и в целом право ВТО является основой для взаимоотношений АТЭС и государствами-членами АТЭС с другими интеграционными объединениями и государствами-членами таких объединений. А это означает, что в качестве главного принципа – механизма для функционирования всех задействованных зон выступает принцип наибольшего благоприятствования, при соблюдении *исключений* из него (в частности и прежде всего *исключения* для международно-правового режима соответствующего интеграционного объединения).

Сотрудничество стран АТЭС между собой и с третьими странами АТР строится на межгосударственных соглашениях: их подписано около 60-ти, и ещё более 100 соглашений находятся в процессе переговоров. Имеется практика использования норм и принципов обычного права и «мягкого» права. Посредством «мягкого» права, в частности, регулируется ряд вопросов, касающихся экономических взаимоотношений Китая с Гонконгом (Сянганом) и Тайванем.

Таким образом, перспективы сближения ЕАЭС и АТЭС, ни с реальной – экономической, ни с международно-правовой точки зрения, пока не просматриваются. Наиболее возможный вариант – сопряжение с АТЭС Большого евразийского партнёрства, когда и если удастся его создать.

Наряду с ШОС, АСЕАН, АТЭС, Евразийский экономический союз активно ищет пути укрепления экономических взаимосвязей с другими образованиями, интеграционными блоками, а также организациями и параорганизациями, в деятельности которых прослеживается интеграционная составляющая, – с СНГ, БРИКС, ЕС и т.д. Практически по всем направлениям взаимодействия обсуждается проблематика цифровой экономики, электронной торговли, создания цифрового пространства.

Примером может служить Меморандум об углублении взаимодействия между Евразийской экономической комиссией и Исполнительным комитетом СНГ (2018), в котором стороны определили направления сотрудничества. Среди них и вопросы, входящие в сферу регулирования посредством права ВТО (санитарные правила,

маркировка товаров, защита прав потребителей, государственные закупки и др.), и вопросы, которые идут дальше права ВТО: цифровая экономика, сотрудничество в сфере налоговой политики и администрирования, конкурентная политика, антимонопольное регулирование (п. 2).

Заключение

Таким образом, создание БЕП путём сопряжения ЕАЭС с ОПОП и ВРЭП, при усилении взаимодействия с другими образованиями интеграционного типа в АТР, – вполне реальная задача. Международно-правовой инструментарий является главным и определяющим для её выполнения. Дорогу договорным международно-правовым нормам целенаправленно прокладывают акты мягкого права, и это средство сближения можно использовать активнее по разнообразным случаям и направлениям. Путь создания БЕП потребует существенного изменения внутреннего права, его адаптации к требованиям, которые согласовываются внутри партнёрств.

БЕП видится не только как обширная общая зона свободной торговли, где идёт либерализация (устранение) таможенных тарифов на товары взаимной торговли; это ещё и свободная инвестиционная зона, где должны устраняться барьеры на пути прямых инвестиций и инвесторов. Создаётся впечатление, что нацеленность именно на общее свободное инвестиционное пространство занимает у ЕАЭС вторичное место. Если у ЕАЭС не хватает полномочий, компетенции для того, чтобы вести переговоры с третьими странами по вопросам торговли услугами и создания свободных инвестиционных зон, следует постепенно – в том числе и через мягкое право внутри самого Союза – создавать условия для получения таких полномочий от государств-членов.

Движение в сторону БЕП в АТР идёт пока, главным образом, на двустороннем уровне – за счёт вступления в соответствующее интеграционное объединение отдельных государств (т.е. путём расширения численного состава) и подписания с такими государствами соглашений о зонах свободной торговли.

Усиление взаимосвязей между самими интеграционными объединениями через отдельные соглашения и мягкое право – следующий этап и ещё одно направление интеграции в АТР.

Центральное место в управлении интеграционными процессами в АТР, с международно-правовой точки зрения, занимают два принципа: принцип наибольшего благоприятствования и принцип предоставления национального режима – как они действуют на глобальном уровне согласно праву ВТО. При этом для сопряжения одного интеграционного объединения с другим необходимо «обойти» или отказаться от *исключения*, которое заложено в ПНБ в пользу «своего» интеграционного объединения, – именно это *исключение* не дает возможности объединить зоны двух интеграционных блоков. Роль своеобразного «*исключения из исключения*» может

играть договорное обязательство между интеграционными блоками взаимно предоставить режим наибольшего благоприятствования; в таком случае государства-члены одного блока смогут получать либерализованные условия в торговой и инвестиционной сферах другого блока – так и произойдёт «слияние» соответствующих зон, расширение интеграционного пространства на основе единого международно-правового режима. Принцип предоставления национального режима придаст дополнительную необходимую устойчивость и унификацию международно-правовому режиму в общей свободной инвестиционной зоне.

Однако помимо таких форм «сопряжения», как создание зон свободной торговли и свободных инвестиционных зон, возможно «сопряжение» между блоками другим способом (и это видно по примеру «сопряжения» ЕАЭС и ОПОП): путём сближения в сотрудничестве по отдельным проектам на основе права ВТО и, как следствие, на основе ПНБ и принципа взаимного предоставления национального режима – как они понимаются и применяются в праве ВТО, при сохранении правомерных исключений из этих принципов.

В рамках региональной интеграции, создания зон свободной торговли и свободных инвестиционных зон государства АТР идут дальше норм, проистекающих из права ВТО; в предмет своих соглашений они включают новые вопросы, которые не входят в юрисдикцию ВТО, – так расширяется диапазон экономического сотрудничества и обходятся тупики, с которыми государства столкнулись на переговорах Дохийского раунда в ВТО, устанавливается новый международный экономический правопорядок.

В ходе региональной интеграции складываются новые международно-правовые договорные нормы и принципы, обычаи, целые институты международного права экономической интеграции, в частности «право ВРЭП», «право ТТП», «право АСЕАН» и т.д. Формируются будущие отрасли международного права, например, «международное социальное право», «международное цифровое право» и др. И в рамках ЕАЭС в целях сопряжения с другими интеграционными объединениями данное обстоятельство следует учитывать.

Вместе с тем, ряд перспективных вопросов, даже в уже подписанных соглашениях о партнёрстве, не предусмотрен, – в частности, вопрос о Международном инвестиционном суде. Возможно, ЕАЭС мог бы сыграть в таких вопросах некую стимулирующую, опережающую роль, инициировав создание Международного инвестиционного суда на «своём» интеграционном пространстве и продвигая его модель в БЕС.

Понятно также, что для движения ЕАЭС в сторону Большого евразийского партнёрства необходимо будет учитывать международно-правовое содержание Соглашения о ТТП и «перенимать» многие институты «права ТТП», внедряя их в международно-правовой режим, существующий и развивающийся на основе Дого-

вора о ЕАЭС, а также в договорную практику ЕАЭС и государств-членов ЕАЭС с другими интеграционными образованиями и третьими странами.

В итоге все мероприятия по созданию правового режима внутри партнёрств ведут к расширению государственного вмешательства в экономику через право, регулирование многообразных сфер отношений. А требование к государствам-участникам ТТП сокращать поддержку государственных предприятий (читай: субсидирование, гарантированные закупки, государственные инвестиции и т.п.) тоже ведёт к этому же.

Нет сомнений, что БЕП – не просто общее интеграционное пространство, созданное на основе договорного объединения автономных зон свободной торговли и свободных инвестиционных зон, с активным «вторжением» в регулирование социальной сферы. БЕП – это один из центров экономической силы в новом многополярном мироустройстве, способ мирного сосуществования разных цивилизационных пространств. Стремление к построению БЕП свидетельствует, что международное правосознание дозрело до «интеграции интеграций» – создания «суперпартнёрств» с зонами свободной торговли и свободными инвестиционными зонами, в которых стороны в большей степени опираются на равенство суверенитетов [9] и общепризнанные принципы международного права.

Список литературы

1. Агеев, А. И. Большое евразийское партнёрство: проект, встречный Транстихоокеанскому партнёрству / А. И. Агеев, С. И. Борталевич, Е. Л. Логинов // Экономические стратегии. – 2016. – № 6. – С. 20–31.
2. Томилов, М. В. Перспективы углубления торговой интеграции в рамках современных торгово-экономических объединений АТР // Власть и управление на Востоке России. – 2019. – № 2. – С. 8–21.
3. Лузянин, С. Г. Сотрудничество России и Китая в ШОС по реализации концепции Большого евразийского партнёрства / С. Г. Лузянин, А. Ф. Клименко // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2019. – Т. 24, № 24. – С. 98–113.
4. Петрова, Г. В. Стратегическое партнёрство ЕАЭС и ШОС 2016–2025 гг. // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. – 2016. – № 4. – С. 61–70.
5. Степанов, Н. С. ШОС и ЕАЭС как основа будущего Большого евразийского партнерства / Н. С. Степанов, Е. А. Соколовская // Дискуссия. – 2018. – № 4 (89). – С. 46–55.
6. Саидмухторов, А. Б. Экономическое сотрудничество государств в рамках АСЕАН: международно-правовые аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ф. Б. Саидмухторов ; РУДН. – Москва, 2021. – 26 с.

7. Хейфец, Б. А. Перспективы создания зоны свободной торговли между ЕАЭС и АСЕАН // Вестник Института экономики РАН. – 2018. – № 5. – С. 107–120.
8. Канаев, Е. ЕАЭС и АСЕАН: результаты и перспективы сотрудничества / Е. Канаев, А. Королев // Мировая экономика и международные отношения. – 2020. – Т. 64, № 1. – С. 64–72.
9. Зорькин, В. Верховенство права и императив безопасности // Российская газета. – 2012. – 16 мая.

References

1. Ageev A. I., Bortalevich S. I., Loginov E. L. Bol'shoe evraziiskoe partnerstvo: proekt, vstrechnyi Transtikhookeanskomu partnerstvu [The Great Eurasian Partnership: a project meeting the Trans-Pacific Partnership]. *Ekonomicheskie strategii*, 2016, no. 6, pp. 20–31.
2. Tomilov M. V. Perspektivy uglubleniya torgovoi integratsii v ramkakh sovremennykh torgovo-ekonomicheskikh ob"edinenii ATR [Prospects for deepening trade integration in the framework of modern trade and economic associations of the APR]. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii*, 2019, no. 2, pp. 8–21.
3. Luzyanin S. G., Klimenko A. F. Sotrudnichestvo Rossii i Kitaya v ShOS po realizatsii kontseptsii Bol'shogo evraziiskogo partnerstva [Cooperation between Russia and China in the SCO to implement the concept of the Greater Eurasian Partnership]. *Kitai v mirovoi i regional'noi politike. Istoriya i sovremennost'*, 2019, vol. 24, no. 24, pp. 98–113.
4. Petrova G. V. Strategicheskoe partnerstvo EAES i ShOS 2016–2025 gg. [Strategic partnership between the EAEU and the SCO 2016–2025]. *Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo evraziiskikh gosudarstv: politika, ekonomika, pravo*, 2016, no. 4, pp. 61–70.
5. Stepanov N. S., Sokolovskaya E. A. ShOS i EAES kak osnova budushchego Bol'shogo evraziiskogo partnerstva [SCO and EAEU as the basis of the future Greater Eurasian partnership]. *Diskussiya*, 2018, no. 4 (89), pp. 46–55.
6. Saidmukhtorov A. B. *Ekonomicheskoe sotrudnichestvo gosudarstv v ramkakh ASEAN: mezhdunarodno-pravovye aspekty* [Economic cooperation of states within ASEAN: international legal aspects]. Cand. Dis. (Legal. Sci.). Synopsis. Moscow, 2021. 26 p.
7. Kheifets B. A. Perspektivy sozdaniya zony svobodnoi torgovli mezhdru EAES i ASEAN [Prospects for the creation of a free trade zone between the EAEU and ASEAN]. *Vestnik Instituta ekonomiki RAN*, 2018, no. 5, pp. 107–120.
8. Kanaev E., Korolev A. EAES i ASEAN: rezul'taty i perspektivy sotrudnichestva [EAEU and ASEAN: results and prospects of cooperation]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2020, vol. 64, no. 1, vol. 64, no. 1, pp. 64–72.
9. Zorkin V. Verkhovenstvo prava i imperativ bezopasnosti [Rule of law and the imperative of security]. *Rossiyskaya Gazeta*, 2012, May 16.

Научная статья

УДК 343.2.01

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-3/124-139>

СТАНОВЛЕНИЕ В РОССИИ ДОКТРИНЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА, ЕГО ПРЕДМЕТА И МЕТОДА

А. И. Чучаев¹, Институт государства и права Российской академии наук,
г. Москва, Россия

E-mail: mokshal@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена хотя и взаимосвязанным, но самостоятельным проблемам, практически не подвергавшимся исследованию в советском и постсоветском уголовном праве: наименованию отрасли права, его истокам и толкованию; понятию и характеристике уголовного права как отрасли права и как отрасли науки, предмету и методу последней в творческом наследии криминалистов России XIX в. Проанализированы взгляды М. В. Духовского, В. В. Есипова, А. Ф. Кистяковского, А. А. Пионтковского (отца), П. П. Пусторослева, Н. Д. Сергеевского, Г. И. Солнцева, В. Д. Спасовича, Н. С. Таганцева, М. П. Чубинского и др. На основании проведённого исследования сделан вывод о том, что в российской доктрине уголовного права сформировались два подхода к определению науки уголовного права: широкий и узкий. Содержание науки уголовного права было подчинено её практической цели – дать руководство к правильному пониманию и применению, критике и составлению уголовного закона.

Ключевые слова: уголовное право, истоки наименования, этимология, лексическое значение, уголовное право как отрасль права, соотношение с другими отраслями права, уголовное право как отрасль науки, понятие, предмет, метод.

Для цитирования: Чучаев А. И. Становление в России доктрины уголовного права, его предмета и метода // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2021. № 3. С. 124–139. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-3/124-139>.

---

¹ Александр Иванович Чучаев, доктор юридических наук, профессор, заведующий сектором уголовного права, уголовного процесса и криминологии, Институт государства и права Российской Академии наук, г. Москва, Россия.

Original article

THE FORMATION OF DOCTRINE IN RUSSIA CRIMINAL LAW, ITS SUBJECT AND METHOD

Alexander I. Chuchaev¹, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
E-mail: mokshal@rambler.ru

Abstract. The article is devoted to independent, albeit interrelated problems that were almost never studied in the Soviet and post-Soviet criminal law: the name of the branch of rights, its origins and interpretation; the concept and characteristics of criminal law as a branch of law and as a branch of science, the subject and method of the latter in the creative heritage of Russian forensic scientists in the 19th century. The views of M. V. Dukhovskiy, V. V. Esipov, A. F. Kistyakovskiy, A. A. Piontkovskiy (father), P. P. Pustoroslev, N. D. Sergeevskiy, G. I. Solntsev, V. D. Spasovich, N. S. Tagantsev, M. P. Chubinskiy and others. This study resulted in the conclusion that two approaches to the definition of the science of criminal law were formed: broad and narrow. The content of the science of criminal law was subordinated to its practical goal – to provide guidance on the correct understanding and application, criticism and drafting of criminal law.

Keywords: criminal law, the origins of the name, etymology, lexical meaning, criminal law as a branch of law, correlation with other branches of law, criminal law as a branch of science, concept, subject, method.

For citing: Chuchaev A. I. The formation of doctrine in Russian criminal law, its subject and method // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2021. No. 3. P. 124–139. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-3/124-139>.

Название отрасли права, регулирующей отношения, связанные с совершением преступления, его происхождение и время появления относятся к числу дискуссионных проблем. В зарубежных странах с давних времен сложились два основных подхода к наименованию этой отрасли: в одних случаях во главу угла ставится преступление, и исходя из этого формулируется его название; сказанное в большей степени присуще англоязычным государствам (например, в Австралии, Великобритании, США – criminal law). В других случаях за основу берётся наказание; по такому принципу определяется наименование в других странах (например, в Германии – strafrecht, в Болгарии – наказателно право, в Македонии – казнено право и

---

¹ Alexander I. Chuchaev, Doctor of Law, Professor, Head of the Sector of Criminal Law, Criminal procedure and Criminology, The Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

др.). Есть и третий вариант, в котором рассматриваемое понятие образовано от вины – кривично право (кривица – вина, а также проступок, преступление в зависимости от контекста, но чаще всего именно вина) [3, с. 14].

Характеризуя сложившуюся ситуацию, Н. С. Таганцев отмечал: «Преступное деяние как юридическое отношение включает в себе два отдельных момента: отношение преступника к охраняемому законом юридическому интересу – преступление и отношение государства к преступнику, вызываемое учиненным им преступным деянием, – наказание, поэтому и уголовное право может быть конструировано двояко: или на первый план ставится преступное деяние, по отношению к которому кара или наказание является более или менее неизбежным последствием, или же вперёд выдвигается карательная деятельность государства и преступное деяние рассматривается только как основание для этой деятельности. Отсюда и двойственное название...» [21, с. 27].

Как указывается в литературе, название рассматриваемой отрасли права имеет опосредованное отношение как к преступлению, так и к наказанию [14, с. 9]. Прилагательное «уголовный» известно в русском и белорусском языках, образовано от головный – «убивающий», зафиксированный в древнерусских памятниках и являющийся производным от «голова» – «убитый» (древнерусский головникъ – убийца) [8, с. 460]. При этом, как отмечается в словарях, происхождение самого слова «голова» неясно [8, с. 108]. Таким образом, с одной стороны, название отрасли восходит к правовым памятникам Древней Руси. С другой стороны, оно, скорее всего, имеет корни в латыни; латинское прилагательное *capitalis* (от *caput* – голова, человек, индивидуум) в римском праве входит в название наказаний, связанных со смертной казнью, лишением свободы или римского гражданства.

В средневековой литературе (XVI в.) достаточно часто встречается слово «уголовие», употреблявшееся в значении «лишение жизни» или «лишение головы».

Скорее всего, термин «уголовное наказание» в правовую литературу впервые ввёл М. М. Сперанский. В пояснениях к проекту Уголовного уложения Российской Империи он писал, что уголовные наказания «суть те, где дело идёт о голове, то есть о жизни ... а жизнь каждого лица в обществе есть тройкая: физическая, политическая и гражданская, две последние именуются правами состояния. Всякое наказание, непосредственно удручающее или умаляющее бытие или состояние лица, есть наказание уголовное» [21, с. 57].

В настоящее время уголовное право понимается в одном из трёх значений: во-первых, как отрасль права; во-вторых, как отрасль науки; в-третьих, как учебная дисциплина. В дореволюционной литературе термин «уголовное право» использовался только в первых двух значениях.

А. Ф. Бернер писал: «На входных воротах излагаемой науки должно быть прежде всего написано её понятие» [1, с. 4]. Однако учёные прошлых веков практически не

исследовали уголовное право как отрасль права. Те же криминалисты, которые упоминали его в этом значении, ограничивались краткой дефиницией. Например, Г. И. Солнцев посчитал возможным лишь указать, что «систематическое начертание истин, из самых законов извлеченных, о неправомерных деяниях граждан, противу общей или частной безопасности устремляемых, и определяющих соразмерные за оные наказания, называется в ближайшем смысле *Уголовным правом...*» [19, с. 2].

Сам А. Ф. Бернер, исходя из сути названия отрасли права как *strafrecht*, выделял два значения уголовного права: во-первых, в субъективном смысле, понимая его как право государства на наказание (*jus puniendi*); во-вторых, в объективном смысле, понимая его как совокупность тех основных положений, которыми должно руководствоваться государство при осуществлении своего карательного права [1, с. 4].

В. Д. Спасович писал: «Совокупность законов, определяющих правила, по которым действует правительство в государстве при производстве уголовных взысканий с нарушителей общественного порядка, называется уголовным правом» [20, с. 2]. Автор отмечает, что уголовное право как законодательство положительное есть часть всего законодательства какого-либо государства, в котором определяются преступления. Оно подразделяется на материальное и формальное. «Первое из них, или уголовное право в тесном смысле, включает в себе все законы, определяющие преступления и соответствующие этим преступлениям наказания. Уголовное право формальное, или уголовное судопроизводство, есть совокупность законов, определяющих формы, обряды и приёмы, употребляемые органами уголовной власти государства при применении уголовных законов к отдельным совершённым в обществе преступлениям» [20, с. 3]. Материальное уголовное право делится на две части: Общую и Особенную. «Общая часть рассматривает закон уголовный, преступление и наказание как общие, родовые понятия. Особенная часть от этих общих понятий переходит к частностям и излагает отдельные виды преступлений и их наказуемость» [20, с. 3].

В определении места уголовного права в системе законодательства положительного В. Д. Спасович, на наш взгляд, был недостаточно последователен. С одной стороны, он считал, что карательное право, куда автор включал уголовное и дисциплинарное право, полностью относится к области общественного права (в современном понимании – публичного), «потому что оно есть право, принадлежащее обществу как целому, и существует в видах охранения общественного порядка от посягательств на него со стороны отдельных неделимых». С другой стороны, утверждал, что уголовное право примыкает к частному праву в области правонарушений и суда. «Правонарушение есть общее родовое понятие, заключающее в себе и правонарушения частные, подсудные суду гражданскому, и преступления уголовные, подсудные судам уголовным» [20, с. 4, 5].

А. А. Пионтковский (отец), следуя установившейся традиции, в учебнике по уголовному праву определению последнего как отрасли права посвятил всего две

страницы, причем расположив их после изложения материала об уголовном праве как науке. Надо сказать, что в целом автор достаточно близко подошёл к современному понятию уголовного права как отрасли права, выделив в его определении совокупность юридических норм, меры воздействия, которые могут применяться к виновным, условия их реализации. Он пишет: «Комплекс юридических норм, устанавливающих допустимые в борьбе с преступниками меры воздействия и определяющих условия применения этих мер, образует из себя материальное уголовное право, или уголовное право в тесном смысле слова» [11, с. 32].

В этом высказывании обращают на себя внимание по крайней мере два момента: во-первых, в дефиниции не упоминается преступление, а говорится о преступниках; во-вторых, автор, как и другие дореволюционные криминалисты, уголовное право воспринимал в качестве родового понятия, охватывающего два видовых: уголовное право в тесном смысле слова, другими словами – материальное уголовное право, и формальное уголовное право, иначе говоря – уголовно-процессуальное право.

По мнению А. А. Пионтковского, уголовное право, являясь публичной отраслью, регулирует одну из существенных функций государственной власти [11]. Это утверждение вызывает вопросы, поскольку оно на первый взгляд больше, пожалуй, относится к уголовному процессу, регламентирующему деятельность соответствующих органов власти, связанную с раскрытием, расследованием и рассмотрением дела в суде. К сожалению, сам автор не раскрывает сути указанной функции, однако скорее всего речь идёт о противодействии преступности. Об этом свидетельствует его следующее высказывание: «Представляясь не чем иным, как правом, специально охраняющим индивидуальные и коллективные интересы от преступных, уголовное право содействует усилению и укреплению той охраны этих интересов, которая предоставляется господствующим правопорядком вообще» [11].

А. Ф. Кистяковский, рассматривая уголовное право в двух первых его значениях, определяет их, во-первых, как «совокупность законов, относящихся до преступлений и наказаний»; во-вторых, как науку, «которая исследует, определяет и излагает понятия о преступлении и наказании». Отрасль права появляется раньше, отрасль науки – позднее, что объясняется их сущностью. «Что появление уголовного права как науки относится к более позднему времени, чем было то время, когда появилось уголовное право как совокупность законов и обычаев, – это до очевидно-сти ясно и неоспоримо. Положение это подтверждается неоспоримыми историческими данными. Даже появление науки права вообще ... нельзя ... принимать за появление вместе с тем и науки уголовного права ... Причина такого различия во времени появления того и другого заключается в различии свойств уголовного права как совокупности законов и уголовного права как науки. Первое создаётся непосредственно деятельностью человека и даже на низших ступенях развития ... Второе для своего создания требует значительной степени развития обобщающей и

систематизирующей мыслительной способности человека...» [7, с. 3, 5]. Наука, подчёркивает автор, является произведением высшего порядка и «более стройных чувств человека» [7, с. 6].

Надо заметить, что А. Ф. Кистяковский выделял два вида изучения уголовного права как отрасли права: практическое и теоретическое, т. е. говорил о его «двуликости» [2, с. 79–80]. Практическое изучение уголовных законов достигается путём отправления той или другой судебной деятельности в обширном смысле этого слова. Теоретическое познание уголовных законов, дающее в результате науку уголовного права в тесном смысле, приобретает только их специальным изучением [7, с. 2].

П. А. Фейербах считал неудачным наименование первого вида (практического) изучения уголовного права. Он исходил из того, что предметом так называемой практической науки могут быть только искусственные правила (делопроизводство). Следовательно, и практическая часть уголовного права состоит, во-первых, из науки об искусственных правилах, которые служат руководством к исследованию, во-вторых, теории искусственных правил, используемых по уголовным делам, – знания о том, как докладывать и сочинять определения, и знания о ведении и регистрации дел. По мнению автора, в науку уголовного права в собственном смысле слова, помимо различных частей положительного права, необходимо включать:

- 1) философию, относя к ней психологию (душесловие);
- 2) практическую философию, включая в неё а) право естественное и б) всеобщее уголовное право;
- 3) уголовную политику, охватывающую исторические науки вообще и историю соответствующего государства в частности;
- 4) зарубежное законодательство;
- 5) судебную врачебную науку (судебную медицину) [22, с. 5–7].

П. П. Пусторослев воспринимал уголовное право в обширном смысле как «совокупность правил права, определяющих правомерную борьбу государства и частных лиц против уг.[оловных] правонарушителей и уг.[оловных] правонарушений, или, короче говоря, против преступлений и преступников» [13, с. 9]. Критикуя деление уголовного права в широком смысле на две ветви – собственно уголовное право и уголовно-судебное право, автор замечает, что оно представляется более сложным явлением, объединяющим четыре тесно связанные между собой составные части:

- 1) уголовно-определяющее, или уголовное право, определяет в общем виде содержание уголовных правонарушений и установленных за них наказаний в государстве;
- 2) уголовно-охранительное право устанавливает в общем виде: кому, при каких условиях и какими способами надлежит устранять будущие и прекращать происходящие уголовные правонарушения и их неправомерные последствия, выгодные правонарушителю;

3) уголовно-судебное право определяет в общем виде систему органов и их деятельность по отправлению уголовного правосудия в государстве или, «иначе сказать, определяет, каково должно быть отправление уг.[оловного] правосудия в государстве и каким органам вручено производство этой деятельности»;

4) уголовно-исполнительное право определяет в общем виде «кому, при каких условиях и какими способами надлежит приводить в исполнение правомерные оправдательные, освободительные и наказательные приговоры и определения, а также правомерные распоряжения о принудительных мерах по уг.[оловным делам]» [13, с. 11–12].

Нетрудно заметить, что в этом случае автор сводит воедино, исходя из современного отраслеообразования, три отрасли права: уголовное, уголовно-процессуальное, уголовно-исполнительное, а также, судя по всему, криминологию (уголовно-охранительное). Подобный подход не только затушёвывает различия между указанными отраслями права и криминологией, но, главное, не позволяет показать специфические черты собственно уголовного права.

Как уже говорилось, в дореволюционной литературе большее внимание уделялось уголовному праву как отрасли науки. Именно с её характеристики практически начинаются все работы криминалистов того времени [9]*. Например, П. А. Фейербах пишет: «Уголовное право (наука о наказательном праве) есть знание существующих в Государстве прав, основанных на законах наказательных относительно к подданным как нарушителям сих законов» [22, с. 1].

В российской доктрине уголовного права в целом сформировались два подхода к определению науки: широкий и узкий. Первый исходит из того, что предмет науки охватывает всё, что связано с изучением борьбы с преступностью. Иначе говоря, с современных позиций можно утверждать, что имеет место симбиоз уголовного права (уголовная догматика), криминологии и уголовной политики. При этом, например, А. А. Пионтковский выделяет три аспекта исследования последней: социологический, уголовно-догматический и уголовно-политический. С социологической точки зрения вопросы борьбы с преступностью рассматриваются как реальные факты общественной жизни в их динамическом и статическом отношениях, выявляется эволюционный процесс развития и образования, раскрываются естественные законы, обуславливающие их рост и проявление, а также характер, роль и значение в определённой социальной среде. С уголовно-догматической точки зрения внимание исследователя сосредоточивается на изучении той «юридической оболочки», в которую эти явления облечены, уяснении процесса образования тех юридических норм, которыми регулируется борьба с преступностью, выявлении

---

* Кстати сказать, курс советского уголовного права также открывается разделом «Введение в теорию советского уголовного права», первая глава которого посвящена предмету, методу и содержанию науки советского уголовного права.

характера и особенностей этих норм, на их конструировании и систематизации. Наконец, с уголовно-политической точки зрения анализируется весь механизм борьбы с преступностью, его соответствие интересам этой борьбы и потребностям общественной жизни, определяются основы, на которых покоится данный механизм, и формы его функционирования, т. е. «тот идеал, сообразно которому должно бы организовать дело борьбы с преступностью» [12, с. 13].

Возражая Н. Д. Сергеевскому, Н. С. Таганцеву и другим криминалистам, считавшим, что исследования по криминологии (уголовной социологии, уголовной антропологии), уголовной политике и уголовной догматике нельзя соединять воедино в рамках одной науки из-за существующего между ними различия в методах и преследуемых задачах, А. А. Пионтковский отмечал: «Метод исследования не представляется характерным признаком отличия одной науки от другой, так как всякая наука пользуется для своих исследований, по мере надобности, то тем, то другим методом – то индукцией, то дедукцией. Наконец, что касается методологии в науке уголовного права, то нельзя не заметить, что эта наука даже и до образования криминологических и уголовно-политических доктрин не могла всегда оперировать при посредстве одной дедукции, а пользовалась в широких размерах и индуктивным методом...» [11].

По мнению автора, при сравнении задач рассматриваемых наук действительно обнаруживаются некоторые различия между ними, но эти различия обусловлены не тем, что криминология (уголовная социология, уголовная антропология), уголовная политика и уголовная догматика являются самостоятельными отраслями наук, а тем, что любая наука, а не только названные, стремясь к определённой цели, разрешает целую совокупность крайне разнородных, но тесно взаимосвязанных между собой задач. При этом цель остаётся одной и той же [11].

В то же время интеграция исследований по указанным направлениям обусловлена основным негативным явлением общественной жизни – преступлением, все они изучают один и тот же объект – проблемы борьбы с преступностью, выделяя его составные части, и направлены к достижению единого общего результата [11].

Несколько ранее М. В. Духовской также утверждал: «Уголовное право изучает преступление, узнаёт причины его появления и указывает государству средства, годные к предупреждению этого явления» [4, с. 220]. Исходя из этого, автор считал, что взгляд на уголовное право как на науку, изучающую только преступление и наказание, является неверным. Сравнивая уголовное право с медициной, доказывал, что как медицина лечит больной организм, так и уголовное право исцеляет общественный строй, избавляет его от преступления, являющегося не чем иным, как болезнью в правильной общественной жизни. «Поскольку такое сравнение уместно, то несправедливо лишать науку уголовного права одной из задач, стоящей перед медицинской наукой. Не только лечить уже заболевший организм, но и изу-

чать болезнь, побудившие её причины и указывать средства, предотвращающие появление болезни. В этом плане уголовное право также должно изучать преступление, узнавать причины его появления и указывать государству средства, годные к предупреждению этого явления» [4, с. 221].

Оригинальную точку зрения о науке уголовного права высказывал В. В. Есипов. При этом надо иметь в виду, что автор несколько раз менял своё мнение. Так, вначале он, критикуя в первую очередь за односторонность уголовно-антропологическое и уголовно-социологическое направления, считал, что «уголовное право есть наука о преступлении и преступнике, о наказании и наказуемом» [5, с. 26]. Позднее определял указанную науку несколько иначе. Делая акцент на её гуманитарном аспекте, В. В. Есипов представлял её как науку «о человеке ... о способах возрождения нравственно падшего человека» [6, с. 12]. Эта дефиниция вряд ли дает представление о сути рассматриваемой науки, её предмете, методах, функциях и задачах. Будучи достаточно экспрессивной, она, скорее, отражает образность мышления автора, искренне проповедующего гуманизм, «идущего под знаменем цивилизации».

Обстоятельную характеристику уголовное право как отрасль науки получило как в работах, специально посвящённых этой проблеме, так и в пособии к лекциям Н. Д. Сергеевского [15; 16; 17; 18]. При оценке позиции учёного необходимо иметь в виду, что в целом он тяготел к историко-сравнительному направлению в уголовном праве. Однако многие проблемы рассматривал с точки зрения позитивизма, а ряду его работ присущ научно-догматический метод.

Это обстоятельство отразилось и на формулируемом им понятии науки уголовного права. Н. Д. Сергеевский писал: «Наука уголовного права есть одна из наук юридических, имеющая своим предметом то явление государственной жизни, которое мы называем преступным деянием и наказанием. Исследуя юридическую природу преступного деяния и наказания и формулы права, эту природу определяющие, наука уголовного права служит практической цели – дать руководство к правильному пониманию и применению, критике и составлению уголовного закона. Этим определяется содержание уголовного права как науки юридической» [10; 15]. Исходя из указанного понимая уголовно-правовой науки, автор её содержание трактует достаточно широко, включая в него:

- учение об общем и о специальном составе преступных деяний;
- учение об уголовном законе, его конструкции и условиях применения;
- учение о наказании.

Таким образом, содержание науки уголовного права было подчинено её практической цели – дать руководство к правильному пониманию и применению, критике и составлению уголовного закона.

Источником уголовно-правовой науки Н. Д. Сергеевский признавал «уголовные законы в обширном смысле слова» а) законы писанные; б) история их текста; в)

законы, установленные обычаем, если они признаются положительным правом; г) применение уголовных законов на практике. Однако, как он считал, этого недостаточно для полной реализации целей науки; «никакие логические операции над одними формулами положительного уголовного права не приведут исследователя к выполнению научных задач в вопросах *de lege lata*, так тем более в вопросах *de lege ferenda*. Для этого необходимо привлечь массу другого материала и неукоснительно пользоваться им для построения выводов и обобщений» [17, с. 2]. Именно поэтому в число источников науки уголовного права он включал:

– законодательство иных отраслей права, без которых невозможно определить сущность уголовно-правового положения, т. е. межотраслевые связи уголовного права;

– зарубежное законодательство; его изучение обусловлено тем, что «цивилизованным народам ... не суждена замкнутая жизнь; международные влияния проникают во все сферы, и игнорировать их мы не можем ... Постоянные международные сношения имеют своим последствием развитие целого ряда, так сказать, общенародных институтов, которые нисколько не мешают самостоятельному развитию учреждений национальных, но для собственного своего приложения и понимания требуют знакомства с правом других стран»; главное в этом случае «заключается в том, чтобы не дать чужеземному материалу того значения, которого он иметь не должен»;

– бытовой материал, т. е. господствующие в обществе правовоззрения, не нашедшие отражения в праве. Он необходим как для совершенствования уголовного законодательства, так и для его применения, например, «законодатель не должен устанавливать таких форм наказаний, которые противны народному правосознанию, хотя бы сам законодатель был убеждён в полной допустимости и полезности этих наказаний»;

– специальные исследования в области физиологии, психологии, психиатрии и других наук, необходимые для закрепления в законе положений о субъективных условиях вменения, способности к вменению и невменяемости малолетних [17, с. 2–14].

В отличие от А. А. Пионтковского, Н. Д. Сергеевский считал, что всякая наука определяется тремя моментами: предметом, целью и методом. «При тождестве этих трех моментов в каких-либо двух исследованиях мы можем сказать, что оба эти исследования входят или должны войти в состав одной и той же науки, и наоборот, если эти три момента различествуют, то и исследования, о которых идёт речь, не могут быть соединены воедино, в одну цельную систему» [17, с. 15].

Предмет и цель науки уголовного права, как было показано, автор включал в дефиницию последней, а характеристику её методов сопровождал сравнением с методами других наук, которые, так или иначе, соприкасаются с уголовно-правовой наукой: социологией, биологией и т. д. [17, с. 15].

Взгляды учёного будут представлены не полно, если не упомянуть хотя бы о его позиции относительно качества науки уголовного права, её противопоставле-

нии философским направлениям и приёмам, способным не только к крупным логическим построениям, но и, по мнению Н. Д. Сергеевского, к выдвиганию множества «более мелких изобретений, которые вырастают и пропадают в доктрине как метеоры или, вернее, как мыльные пузыри, не оставляя после себя ничего, кроме недоразумений» [18, с. 80]. Эти «пузыри», или «родные дети философии», рассеянные по различного рода компендиумам, заслуженно выработали к себе отрицательное отношение юридической практики.

Надо сказать, что подобная оценка присуща не только Н. Д. Сергеевскому. Немецкий учёный А. Шютце, на которого ссылается последний, также утверждал, что «практика видит в доктринальных построениях карточный дом, воздушный замок или массу дождевой воды, которая образует грандиозное озеро весной и пропадает летом. Горький опыт сделал практику недоверчивой, чтобы не сказать запуганной» [18, с. 81].

Таким образом, автор отказывал философии в существовании в науке уголовного права. Пожалуй, в том числе и поэтому последнюю противопоставлял другим социальным наукам – социологии и антропологии, видя в первой скорее искусство, чем доктрину, и в то же время подчёркивал их самостоятельность и определённую взаимосвязь. «Искусство опирается на науку, – писал Н. Д. Сергеевский, – и, в свою очередь, наука не будет приведена к своей конечной цели без искусства. Наука исследует законы явлений, искусство пользуется их познанием для практических целей» [15, с. 890].

В творческом наследии Н. С. Таганцева нет работ, специально посвящённых проблемам науки уголовного права. Это, разумеется, несколько не означает, что учёный игнорировал вопросы собственной уголовно-правовой теории; он к ним обращался во многих своих работах, при этом особое внимание уделял методам научного исследования. Можно сделать вывод, что уголовное право как отрасль науки он трактовал в целом так же, как, например, А. Ф. Кистяковский. «...Уголовное право, – пишет Н. С. Таганцев, – как одна из юридических наук должно ... иметь своим предметом изучение преступных деяний как юридических отношений». Автор замечает, что это положение считалось сакраментальным в науке. «Разнообразная деятельность, направленная к удостоверению учинения ... лицом преступного деяния, установление его виновности и осуждение, порядок определения соответственно закону рода и меры ответственности, выбор законодателем известных карательных мер, годных для действительной охраны общественного порядка и спокойствия, распределение этих мер как кары за отдельные деяния сообразно их важности и свойствам, наконец, само выполнение этих мер, в особенности, лишения свободы и т. д., – всё это даёт не только разнообразный, но во многих отношениях и своеобразный жизненный юридический материал, систематическое изучение которого вполне пригодно дать содержание самостоятельной отрасли юридических наук – уголовному праву...» [21, с. 8, 9].

Во второй половине XIX в. в уголовно-правовой литературе в целом сформировались два подхода к сущности науки уголовного права. Одни учёные считали предмет последней существенно зауженным, поэтому на первый план предлагали выдвинуть не правовые, а социально-антропологические объяснения преступности, вместо метафизическо-юридических построений исследовать суть действительных явлений и законов, их регулирующих. Другие считали необходимым в предмет уголовного права включить социологию и антропологию; другими словами, преступление и преступника изучать с юридических, социальных и биологических позиций [23]. Критикуя эти подходы, Н. С. Таганцев обращает внимание на то, что социологическое, антропологическое и юридическое исследование преступления и преступника в рамках одной науки теоретически не соответствует основным началам классификаций отдельных отраслей знания, а на практике принесёт взаимный вред указанным наукам, так как они различаются методами и приёмами анализа фактического материала и по реализуемым целям [21, с. 9, 10].

Поэтому предметом науки уголовного права как таковой «должно быть изучение юридической конструкции преступных деяний и вызываемой ими карательной деятельности государства, изучение совокупности норм, определяющих наказуемость преступных деяний», а предметом русской науки уголовного права – «изучение действующих в России постановлений о преступных деяниях и их наказуемости вообще, так и в отдельных родах и видах» [21]. Данное определение не только раскрывает содержание науки уголовного права, но и позволяет ограничивать её от уголовного процесса.

Методы науки уголовного права относились к числу дискуссионных вопросов, причём именно здесь, в отличие от иных отраслей правовых наук, имелся наибольший разброс мнений. Особый интерес представляют два метода, в первую очередь из-за их диаметрально противоположного характера: во-первых, отвлечённый, или метафизический; во-вторых, так называемый положительный. Сторонники первого из них предпринимали попытки сформулировать все положения теории преступления и наказания исходя из дедуктивного метода, из а priori установленного понятия преступного, сущности карательной деятельности, условий гарантий личности и т. д. независимо от действующих законов соответствующего государства. Представители так называемого положительного метода уголовно-правовых исследований берут за отправную точку реально существующие уголовно-правовые отношения и строят не только учение об отдельных видах преступных деяний, но и общее учение о преступлении и наказании на основании уголовного законодательства, практики его применения, положений обычного права и т. д. По мнению Н. С. Таганцева, такой подход является предпочтительным и преобладающим в науке уголовного права [21].

Список литературы

1. Бернер, А. Ф. Учебник уголовного права : части общая и особенная / А. Ф. Бернер ; с примечаниями, приложениями и дополнениями по истории русского права и законодательству положительному магистра уголовного права Н. Неклюдова ; пер. и изд. Н. Неклюдова. – Санкт-Петербург : [В тип. Н. Тиблена и комп. (Н. А. Неклюдова)], 1865. – VIII, 160 с.
2. Бочкарев, С. А. Гносеология уголовного права / С. А. Бочкарев. – Москва, 2021. – 664 с.
3. Голик, Ю. Понятие и происхождение названия «уголовное право» / Ю. Голик, С. Елисеев // Уголовное право. – 2002. – № 2. – С. 14–16.
4. Духовской, М. В. Задачи науки уголовного права : вступительная лекция, читанная 3 октября 1872 г. // Временник Демидовского юридического лицея. – Ярославль, 1873. – Кн. 4. – С. 220–252.
5. Есипов, В. В. Очерк русского уголовного права. Часть общая : преступление и преступники. Наказание и наказуемые / В. В. Есипов. – Санкт-Петербург : Тип. Н. В. Васильева, 1898. – 402 с.
6. Есипов, В. В. Очерк русского уголовного права. Часть общая : преступление и преступники. Наказание и наказуемые. – 3-е изд., пересм. и доп., согласно Уголовному уложению 1903 г. и последним узаконениям / В. В. Есипов. – Москва : Книжный магазин «Правоведение» И. К. Голубева, 1904. – 550, V с.
7. Кистяковский, А. Ф. Элементарный учебник общего уголовного права с подробным изложением начал русского уголовного права. Часть Общая / А. Ф. Кистяковский. – Киев : Ф. А. Иогансон, 1891. – 892 с.
8. Краткий этимологический словарь / под ред. С. Г. Бархударова. – Москва, 1971. – 542 с.
9. Курс советского уголовного права : в 6 т. Т. 1. – Москва, 1970. – 311 с.
10. Набоков, В. Д. Содержание и метод науки уголовного права // Журнал Юридического общества. – 1896. – Декабрь. – С. 52–71.
11. Пионтковский, А. А. Наука уголовного права. Её предмет, задачи, содержание и значение : вступительная лекция, читанная в Демидовском юридическом лицее 15 сентября 1895 г. // Избранные труды: в 2 т. Т. 1 / А. А. Пионтковский ; сост. Ф. Р. Сундуров, М. В. Талан. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2004. – С. 179–192.
12. Пионтковский, А. А. Уголовное право (пособие к лекциям). Часть Общая. Вып. 1 / А. А. Пионтковский. – Казань : Типо-литография Императорского Казанского университета, 1913. – 126 с.
13. Пусторослев, П. П. Русское уголовное право. Общая часть. Вып. 1 / П. П. Пусторослев. – 2-е изд., испр. – Юрьев, 1912. – 252 с.

14. Российское уголовное право. Общая часть / под ред. В. С. Комиссарова. – Санкт-Петербург, 2005. – 560 с.
15. Сергеевский, Н. Д. Преступление и наказание как предмет юридической науки (задачи науки уголовного права) // Юридический вестник. – 1879. – Кн. 12. – С. 876–904.
16. Сергеевский, Н. Д. Программа науки уголовного права // Временник Демидовского юридического лицея. – 1879. – Кн. 20. – С. 356–382.
17. Сергеевский, Н. Д. Русское уголовное право. Часть общая : пособие к лекциям / Н. Д. Сергеевский. – 4-е изд. – Санкт-Петербург : типография М. М. Стасюлевича, 1900. – VIII, 364 с.
18. Сергеевский, Н. Д. Философские приёмы и наука уголовного права // Журнал гражданского и уголовного права. – 1879. – Кн. 1. – С. 39–87.
19. Солнцев, Г. И. Российское уголовное право / Г. И. Солнцев ; под ред. Г. С. Фельдштейна. – Ярославль : Демидовский юридический лицей, 1820. – 302 с.
20. Спасович, В. Д. Учебник уголовного права. Т. 1 : (Общая часть уголовного права материального). Вып. 1 / В. Д. Спасович. – Санкт-Петербург : Тип. И. Огризка, 1863. – 438 с.
21. Таганцев, Н. С. Русское уголовное право. Часть Общая : в 2 т. Т. 1 / Н. С. Таганцев. – Тула, 2001. – 800 с.
22. Фейербах, П. А. Уголовное право / П. А. Фейербах. – Санкт-Петербург : Медицинская тип., 1810. – 486 с.
23. Чубинский, М. П. Общая характеристика новых учений в уголовном праве : вступительная лекция / М. П. Чубинский. – Киев : Типография Императорского Университета Св. Владимира Н. Т. Корчак-Новицкого, 1898. – 24 с.

References

1. Berner A. F. *Uchebnik ugovnogo prava: chasti obshchaya i osobennaya / s primechaniyami, prilozheniyami i dopolneniyami po istorii rusckogo prava i zakonodatel'stvu polozhitel'nomu magistra ugovnogo prava N. Neklyudova* [Criminal Law Textbook: General and Special Parts. With notes, appendices and additions on the history of rus. law and legislation positive master of criminal law N. Neklyudova; transl. and ed. N. Neklyudova]. St. Petersburg: [В type. N. Tiblena and comp. (N.A. Neklyudova)], 1865. VIII, 160 p.
2. Bochkarev S. A. *Gnoseologiya ugovnogo prava* [Gnoseology of criminal law]. Moscow, 2021. 664 p.
3. Golik Y., Eliseev S. Ponyatie i proiskhozhdenie nazvaniya «ugolovnoe pravo» [Concept and origin of the name «criminal law»]. *Ugovnoe pravo*, 2002, no. 2, pp. 14–16.
4. Dukhovskoy M. V. *Zadachi nauki ugovnogo prava: vstupil'naya leksiya, chitannaya 3 oktyabrya 1872 g.* [Tasks of the science of criminal law. Introductory lecture,

read on October 3, 1872]. *Vremennik Demidovskogo yuridicheskogo litseya*: Yaroslavl, 1873, book. 4, pp. 220–252.

5. Esipov V. V. *Ocherk russkogo ugolovnoogo prava. Chast' obshchaya: prestuplenie i prestupniki. Nakazanie i nakazuemye* [Essay on Russian criminal law. Common part: crime and criminals. Punishment and punishable]. St. Petersburg: Type. N.V. Vasilieva, 1898. 402 p.

6. Esipov V. V. *Ocherk russkogo ugolovnoogo prava. Chast' obshchaya: prestuplenie i prestupniki. Nakazanie i nakazuemye* [Essay on Russian criminal law. Common part: crime and criminals. Punishment and punishable]. 3rd ed., rev. and additional, according to the Criminal Code of 1903 and the latest legalizations. Moscow: Bookstore «Jurisprudence» I.K. Golubev Publ., 1904. 550, V p.

7. Kistyakovskiy A. F. *Elementarnyi uchebnik obshchego ugolovnoogo prava s podrobnym izlozheniem nachal russkogo ugolovnoogo prava. Chast' Obshchaya* [Elementary textbook of general criminal law with a detailed presentation of the beginnings of Russian criminal law. Part General]. Kiev: F. A. Ioganson Publ., 1891. 892 p.

8. Barkhudarov S. G. (ed.). *Kratkii etimologicheskii slovar'* [Brief etymological dictionary]. Moscow, 1971. 542 p.

9. The course of the Soviet criminal law: in 6 volumes. Vol. 1. Moscow, 1970. 311 p. (In Russian).

10. Nabokov V. D. Soderzhanie i metod nauki ugolovnoogo prava [Content and method of science of criminal law]. *Zhurnal Yuridicheskogo obshchestva*, 1896, December, pp. 52–71.

11. Piontkovskiy A.A. Nauka ugolovnoogo prava. Ee predmet, zadachi, sodержanie i znachenie : vstupitel'naya lektsiya, chitannaya v Demidovskom yuridicheskom litsee 15 sentyabrya 1895 g. [Science of criminal law. Its subject, tasks, content and meaning. Introductory lecture delivered at the Demidov Juridical Lyceum on September 15, 1895]. In: Piontkovskiy A. A. *Izbrannye trudy* [Selected Works: in 2 volumes. Vol. 1]. Kazan: Kazan University Publishing House, 2004, pp. 179–192.

12. Piontkovskiy A. A. *Ugolovnoe pravo (posobie k lektsiyam). Chast' Obshchaya. Vyp. I* [Criminal law (textbook for lectures). Part General. Issue 1]. Kazan: Typographic lithography of the Imperial Kazan University, 1913. 126 p.

13. Pustoroslev P. P. *Russkoe ugolovnoe pravo. Obshchaya chast'. Vyp. I* [Russian criminal law. A common part. Issue 1]. 2-nd ed., rev. Yuriev, 1912. 252 p.

14. Komissarov V. S. (ed.). *Rossiiskoe ugolovnoe pravo. Obshchaya chast'* [Russian criminal law. General part]. St. Petersburg, 2005. 560 p.

15. Sergeevskiy N. D. Prestuplenie i nakazanie kak predmet yuridi-cheskoi nauki (zadachi nauki ugolovnoogo prava) [Crime and punishment as a subject of legal science (tasks of the science of criminal law)]. *Yuridicheskii vestnik*, 1879, book 12, pp. 876–904.

16. Sergeevsky N. D. Programma nauki ugovnogo prava [Program of the science of criminal law]. *Vremennik Demidovskogo yuridicheskogo litseya*, 1879, book 20, pp. 356–382.
17. Sergeevsky N. D. *Russkoe ugovnoe pravo. Chast' obshchaya: posobie k lektsiyam* [Russian criminal law. General part: textbook for lectures]. 4th ed. St. Petersburg: Printing house of M. M. Stasyulevich, 1900. VIII, 364 p.
18. Sergeevsky N. D. Filosofskie priemy i nauka ugovnogo prava [Philosophical methods and science of criminal law]. *Zhurnal grazhdanskogo i ugovnogo prava*, 1879, book 1, pp. 39–87.
19. Solntsev G. I. *Rossiiskoe ugovnoe pravo* [Russian criminal law]. Yaroslavl: Demidov Juridical Lyceum Publ., 1820. 302 p.
20. Spasovich V. D. *Uchebnik ugovnogo prava. T. 1 : (Obshchaya chast' ugovnogo prava material'nogo). Vyp. 1* [Textbook of criminal law. T. 1 (General part of material criminal law). Issue 1]. St. Petersburg: Type. I. Ogrizka, 1863. 438 p.
21. Tagantsev N. S. *Russkoe ugovnoe pravo. Chast' Obshchaya: v 2-kh t. T. 1* [Russian criminal law. Part General. In 2 volumes. Vol. 1]. Tula, 2001. 800 p.
22. Feuerbach P. A. *Ugovnoe pravo* [Criminal law]. St. Petersburg: Medical type., 1810. 486 p.
23. Chubinsky M. P. *Obshchaya kharakteristika novykh uchenii v ugovnom prave: vstupitel'naya lektsiya* [General characteristics of new doctrines in criminal law: an introductory lecture]. Kiev: Printing house of the Imperial University of St. Vladimir N.T. Korchak-Novitsky, 1898. 24 p.

Научная статья

УДК 347.5

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-3/140-152>

ОБЯЗАТЕЛЬСТВА, ВОЗНИКАЮЩИЕ ИЗ ДЕЙСТВИЙ В ЧУЖИХ ИНТЕРЕСАХ БЕЗ ПОРУЧЕНИЯ: ПОНЯТИЕ, ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА, ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ

Г. Н. Шевченко¹, Дальневосточный федеральный университет,

г. Владивосток, Россия

E-mail: shevchenko.gn@dvvfu.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы понятия и юридической природы обязательства, возникающего из действий в чужом интересе без поручения, которое автор определяет как внедоговорное и охранительное, в рамках которого реализуются меры защиты. Автор исследовал историю возникновения обязательств, возникающих из действий в чужих интересах без поручения, известных ещё со времён римского права, но получивших должное законодательное закрепление только в действующем Гражданском кодексе Российской Федерации. Действия в чужом интересе без поручения подразделяются на фактические, признаваемые юридическими поступками, и юридические, которые автором квалифицируются как сделки. К фактическим действиям в чужом интересе без поручения относятся и действия, совершаемые в целях спасания жизни и (или) здоровья гражданина, о необходимости правового регулирования которых, а также обязательств, из них возникающих, неоднократно упоминалось ещё в советской цивилистической литературе. На основе анализа судебной практики рассматриваются условия, которым должны соответствовать действия в чужом интересе без поручения, необходимые для возникновения рассматриваемого обязательства. В статье делается вывод, что одобрение действий действующего лица (гестора) заинтересованным лицом (доминусом) преобразует внедоговорное охранительное обязательство в договорное регулятивное. При этом одобрение действий гестора рассматривается в статье как односторонняя сделка, одностороннее волеизъявление доминуса. Обязанности доминуса по возмещению понесённых гестором убытков существуют независимо от одобрения или неодобрения им предпринятых гестором действий, а также независимо от того, достигнут или не достигнут положительный результат. Отмечается,

¹ Галина Николаевна Шевченко, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права и процесса Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

что неодобрение доминусом предпринятых гестором действий влечёт за собой отказ в возмещении гестору понесённых им расходов и иного реального ущерба только на будущее время в отношении действий, которые будут совершены уже после их неодобрения.

Ключевые слова: действия в чужом интересе без поручения; ведение чужих дел без поручения; охранительное внедоговорное обязательство; регулятивное внедоговорное обязательство; спасание жизни и имущества; заключение сделки; преобразование обязательства; альтруистические действия; кондикционные обязательства; правомерные действия; действующее лицо; заинтересованное лицо; гестор; доминус; односторонние обязательства; одобрение действий; меры защиты; меры ответственности.

Для цитирования: Шевченко Г. Н. Обязательства, возникающие из действий в чужих интересах без поручения: понятие, юридическая природа, практика применения // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2021. № 3. С. 140–152. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-3/140-152>.

Original article

OBLIGATIONS ARISING FROM AGENCY OF NECESSITY: THE CONCEPT, LEGAL NATURE, PRACTICE OF APPLICATION

Galina N. Shevchenko¹, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia
E-mail: shevchenko.gn@dvfu.ru

Abstract. In the article the author considers the problems of the concept and legal nature of the obligation arising from agency of necessity, which the author defines as a non-contractual and protective one, within the framework of which protective measures are realized. The author has studied the history of creation of obligations arising from agency of necessity that have been known since the time of Roman law but have received due legislative consolidation only in the effective Civil Code of the Russian Federation. Acts of an agent of necessity can be divided into physical ones, recognized as legal acts, and juridical ones, which the author qualifies as transactions. Physical acts for the benefit of others without their authorization include acts performed in order to save the life and (or) health of a person, the need for legal regulation of which, as well as the obligations arising from them, has been repeatedly emphasized in the Soviet civil literature. Based on the analysis of judicial practice, the conditions with which the agency of necessity shall com-

---

¹ Galina N. Shevchenko, Doctor of Law, Professor of Faculty of Civil Law and Process in the School of Law, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

ply in order for the obligation being considered to emerge are investigated. The author comes to the conclusion that the approval of the acts of an acting person (gestor) by an interested person (dominus) transforms the non-contractual protective obligation into a contractual regulatory one. At the same time, approval of the gestor's actions is considered in the article as a unilateral transaction, a unilateral expression of the dominus's will. The obligations of the dominus to compensate damages suffered by the gestor exist regardless of the approval or disapproval of the gestor's actions as well as of achievement of a positive result. It has been noted that disapproval of the gestor's actions by the dominus entails a refusal to reimburse the gestor for the costs incurred and other actual damage only for the future in relation to actions that will be committed after their disapproval.

Keywords: agency of necessity; conducting affairs of others without their authorization; protective non-contractual obligation; regulatory non-contractual obligation; life and property saving; conclusion of a deal; transformation of obligation; altruistic actions; unjust enrichment obligations; lawful actions; acting person; interested person; gestor; dominus; unilateral obligations; approval of actions; protective measures; liability.

For citing: Obligations arising from agency of necessity: the concept, legal nature, practice of application // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2021. No. 3. P. 140–152. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-3/140-152>.

В юридической литературе называются различные виды внедоговорных обязательств. Традиционно в учебниках по гражданскому праву к ним относят деликтные и кондикционные обязательства. В последнее время кроме деликтных и кондикционных обязательств к внедоговорным обязательствам добавляют ещё и обязательства из односторонних действий, включая в них публичное обещание награды, обязательства из публичного конкурса и обязательства из действий в чужом интересе без поручения.

При этом обычно виды внедоговорных обязательств и виды охранительных обязательств считаются совпадающими, иногда они даже отождествляются, с чем категорически нельзя согласиться, поскольку при выделении внедоговорных и охранительных обязательств используются разные критерии классификации, в первом случае – это основания их возникновения, во втором – осуществляемые обязательствами функции, вследствие чего виды охранительных обязательств гораздо многочисленнее видов внедоговорных обязательств. Деликтные и кондикционные обязательства, вне всякого сомнения являющиеся одновременно и внедоговорными, и охранительными, неоднократно исследовались в юридической литературе. Обязательствам из односторонних действий (сделок), в этом плане, повезло гораздо меньше, поэтому многие вопросы не получили должного рассмотрения и продолжают вызывать споры. Что касается таких обязательств из односторонних сделок,

как обязательства из публичного обещания награды и публичного конкурса, то они носят регулятивный характер. В настоящее время в юридической литературе высказано мнение, что наряду с внедоговорными охранительными обязательствами существует ещё и категория «внедоговорных регулятивных обязательств», к которым, по мнению украинского цивилиста В. Н. Игнатенко, можно отнести публичное обещание вознаграждения (без объявления конкурса и по результатам конкурса); совершение действий в имущественных интересах другого лица без его поручения и ещё ряд обязательств [1]. Представляется, что следует согласиться с высказанным мнением о существовании регулятивных внедоговорных обязательств, к числу которых в российском законодательстве следует отнести обязательства из публичного обещания награды и обязательства из публичного конкурса. В то же время, ещё один вид обязательств из односторонних действий – обязательство из действий в чужих интересах без поручения, анализу которого и будет посвящена данная статья, с нашей точки зрения, не является регулятивным, а относится к охранительным обязательствам. В рамках охранительных обязательств могут реализовываться как меры защиты, так и меры ответственности, поскольку обязательства из действий в чужих интересах без поручения носят правомерный характер, то они относятся к мерам защиты. Таким образом, следует признать, что обязательства из действий в чужих интересах без поручения являются внедоговорными охранительными обязательствами, в рамках которых реализуются меры защиты.

Обязательства, возникающие из действий в чужих интересах без поручения, известны со времен римского права, в котором их относили к квазиконтрактам. И. Б. Новицкий отмечал, что, обозначив такие обязательства как квази-договорные, римские юристы делали выводы о том, что спорные вопросы об условиях и ответственности сторон разрешаются аналогично тому, как они разрешаются применительно к соответствующим договорам [2, с. 209]. В Российской Империи этот вид обязательств не получил законодательного оформления. Только в проекте Гражданского уложения появились нормы, посвященные ведению чужих дел без поручения, где его участники получили специфичные наименования «хозяин» и «распорядитель», однако проект так и не получил силу закона. В Гражданских кодексах РСФСР 1922 и 1964 гг. и в Основах гражданского законодательства 1961 г. эти обязательства не регламентировались. В. А. Рясенцев отмечал, что «в советском законодательстве обязательству из ведения дела другого лица без поручения не посвящено ни одной статьи» [3, с. 549], и ещё в 1946 г. предложил детальную регламентацию ведения чужого дела без поручения. Впервые законодательное закрепление обязательства из действий в чужих интересах без поручения получили только в Основах гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 г., содержащих всего лишь одну (118) статью, посвящённую им. Развёрнутое правовое регулирование эти обязательства получили только с принятием Части второй Гражданского

кодекса РФ, глава 50 которого так и называется «Действия в чужом интересе без поручения». Стоит обратить внимание, что эта глава находится сразу за главой 49, посвящённой договору поручения, подчёркивая ещё раз зависимый характер этих обязательств. «Действия без поручения, иного указания или заранее обещанного согласия заинтересованного лица в целях предотвращения вреда его личности или имуществу, исполнения его обязательств или в иных непротивоправных интересах (действия в чужих интересах без поручения) должны совершаться исходя из очевидной выгоды или пользы и действительных или вероятных намерений заинтересованного лица и с необходимой по обстоятельствам заботливостью и осмотрительностью» (ст. 980 ГК РФ). Такое определение позволяет признать, что в настоящее время законодатель, называя эти отношения действиями в чужом интересе без поручения, отказался от использования традиционного термина «ведение чужих дел», включил в них два вида отношений: отношения, связанные с совершением фактических действий, направленных на предотвращение вреда личности или имуществу, и традиционное ведение чужих дел без поручения, когда действующее лицо совершает сделки в интересах другого лица.

Определение действий в чужих интересах без поручения в ст. 980 ГК РФ не содержит обязательства, и (по верному замечанию казахского учёного С. И. Климкина, а Гражданский кодекс Республики Казахстан включает аналогичное российскому законодательству определение) такое конструирование главы, посвящённой этому виду обязательств, способно привести к неверному пониманию его существа и могут даже привести к неверному выводу, что обязанным лицом выступает лицо, действовавшее в чужих интересах, то есть гестор [4]. Традиционно первая по порядку статья любой главы Гражданского кодекса РФ посвящена понятию обязательства, объясняющему его сущность, а первые статьи в соответствующих главах ГК РФ и ГК Республики Казахстан, посвящённые действиям в чужих интересах без поручения, построены по другому принципу. В ГК РФ такая регламентация отношений в обязательствах из действий в чужих интересах без поручения особенно упречна, поскольку глава 50, посвящённая им, находится в разделе, регламентирующем договорные отношения, в котором каждый вид договорных обязательств начинается с их определения. Системное же толкование норм главы 50 ГК РФ в целом однозначно позволяет утверждать, что в качестве кредитора в обязательстве из действий в чужих интересах без поручения выступает лицо, действующее в чужом интересе, – гестор, действия которого должны отвечать установленным в законе условиям. В качестве должника выступает заинтересованное лицо – то лицо, в интересах которого предпринимаются действия, именуемое ещё в римском праве доминусом. М. И. Брагинский придерживался иного мнения, отмечая, что со времен римского права «главными были признаны обязанности именно гестора, а доминуса побочными... Подобную оценку соотношения обязанностей сторон можно

считать в определённой мере присущей и современному праву» [5, с. 390]. Представляется, что с такой характеристикой рассматриваемых обязательств нельзя согласиться. У гестора нет и не может быть обязанности совершить действия, предусмотренные в ст. 980 ГК РФ, он их совершает исключительно по собственной инициативе, в большинстве случаев исходя из альтруистических мотивов. Действительно, эти действия должны отвечать определённым условиям, установленным в ГК РФ, но такая их регламентация установлена потому, что они порождают внедоговорное обязательство в отсутствие возможности согласования воли сторон. Другие обязанности гестора (уведомление о совершённых действиях, предоставление отчёта о них) носят характер кредиторских обязанностей, и их наличие не может привести к выводу, что обязанности гестора в обязательстве являются главными, поскольку обязательство из действий в чужих интересах без поручения направлено на возмещение доминусом реальных убытков и иных расходов, понесённых гестором. Именно в этом и заключается смысл этого обязательства.

Особый интерес вызывает определение юридической природы обязательства, возникающего из действий в чужих интересах без поручения. Традиционно действия в чужом интересе рассматриваются как односторонние сделки. Вместе с тем высказаны и иные позиции. Так, М. К. Сулейменов полагает, что действия гестора направлены не на возмещение ему понесённых убытков или ущерба, а на предотвращение вреда имуществу или личности доминуса, поэтому такие действия он предлагает признать не юридическими актами, к которым относятся сделки, а юридическими поступками [6, с. 46]. Представляется, что действия в чужих интересах могут быть и юридическими поступками, и сделками. Действия в чужом интересе без поручения могут быть фактическими, направленными на предотвращение вреда личности или имуществу другого лица, и тогда они являются юридическими поступками, порождающими внедоговорные обязательства, но кроме фактических действий, направленных на предотвращение вреда личности или имуществу другого лица, гестор в интересах доминуса без его поручения может совершать и сделки, влекущие квазидоговорные обязательства. В. А. Рясенцев писал, что «следует различать два вида юридических действий гестора: 1) действия по отношению к третьим лицам, в частности, сделки, совершаемые при ведении чужого дела; 2) действия, совершаемые непосредственно по отношению к заинтересованному лицу (доминусу): последние имеют место, когда гестор лично и самостоятельно выполняет дело, не вступая для этой цели в гражданские правоотношения с третьими лицами» [3, с. 565]. Таким образом, следует признать, что действия гестора могут быть и сделками, и юридическими поступками. Что касается определения юридической природы возникающих из них обязательств, то здесь следует согласиться с М. И. Брагинским, который при определении, к какому виду из четырёх видов обязательств – договорным, деликтным, квазидоговорным или квазиделиктным следо-

вало бы их отнести, без сомнения вынес указанные обязательства за рамки договорных, но вместе с тем поставил их рядом, т.е. отнёс к числу квазидоговорных [5, с. 380]. При этом следует оговориться, что фактические действия гестора, направленные на предотвращение вреда личности или имуществу доминуса, обуславливают возникновение квазиделиктных обязательств.

Законодательство устанавливает условия, которым должны отвечать действия гестора, необходимые для возникновения обязательства по возмещению понесённых им убытков и иных расходов.

Прежде всего, такие действия должны осуществляться по инициативе действующего лица, «без поручения, иного указания или заранее обещанного согласия заинтересованного лица». На гестора не может возлагаться обязанность по совершению таких действий, поэтому нормы о действиях в чужих интересах без поручения не применимы при охране наследства, при охране прав несовершеннолетних, иных недееспособных их законными представителями, а также не применимы к действиям государственных и муниципальных органов, для которых такие действия являются одной из целей деятельности, например, действия пожарной охраны. Не имеет значения, по каким мотивам лицо осуществило действия в чужих интересах без поручения. Ещё в 1880 г. Ю. С. Гамбаров отнёс действия в чужом интересе к альтруистическим действиям, предполагающим всегда более или менее значительное пожертвование личным трудом, но не имуществом [7, с. 75–76]. Представляется, что именно альтруистические мотивы в большинстве случаев и побуждают гестора совершить действия, направленные на предотвращение вреда личности или имуществу заинтересованного лица. Такие действия являются необходимыми, направленными на предотвращение опасности имуществу, личности, носят неотложный характер, без совершения которых существенно бы пострадали интересы заинтересованного лица. Действующее лицо должно осознавать, что оно действует не в своих, а в чужих интересах, «его воля была направлена на доставление пользы, он сознательно заботился о деле другого лица» [3, с. 553]. Поэтому законодатель устанавливает правило, что если действия, непосредственно не направленные на обеспечение интересов другого лица, в том числе в случае, когда совершившее их лицо ошибочно предполагало, что действует в своём интересе, привели к неосновательному обогащению другого лица, применяются правила главы 60 (ст. 987 ГК РФ). Так, суд не признал действиями в чужом интересе без поручения действия истцов по организации выполнения ремонта с заключением договора подряда с третьим лицом для устранения протечки канализационных труб, относящихся к общедомовому имуществу. ЖСК, в зоне ответственности которого находились эти трубы, не осуществлял ремонт аварийных труб, в результате протечки которых постоянно причинялся ущерб имуществу истцов. Суд правильно указал, что у лица, совершающего действия в чужом интересе без поручения, по смыслу законоположений ГК РФ отсутствует собственный интерес в совер-

шении таких действий; в рассматриваемом же деле истцы организовали осуществление ремонта с целью прекращения повреждения их имущества, то есть у них был интерес в обеспечении сохранности имущества, принадлежащего им на праве собственности (решение № 2-3258/2017–М-2799/2017 от 30 ноября 2017 г. по делу № 2-3258/2017 Заельцовского районного суда г. Новосибирска). Верховный Суд в Обзоре судебной практики указал, что по смыслу данной нормы лицо, совершившее действия в чужом интересе, должно осознавать, что действия направлены на обеспечение интересов другого лица, а основной целью лица, совершившего действия в чужом интересе, должно являться улучшение положения другого лица, а не его собственного (обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2018) от 14 ноября 2018). Таким образом, в качестве критерия разграничения обязательств из действий в чужом интересе без поручения и кондикционных обязательств выступает именно намерение действующего лица.

Совершаемые гестором правомерные действия должны быть направлены на достижение обозначенных в законе целей: предотвращение вреда личности или имуществу заинтересованного лица, исполнения его обязательств или в иных непротивоправных интересах. Такая регламентация действий в чужих интересах позволяет признать, что сюда подпадают и действия, совершаемые в целях спасания жизни и (или) здоровья гражданина, о необходимости существования которых неоднократно упоминалось ещё в советской юридической литературе. Российский законодатель обязанность по возмещению такого вреда (при наличии всех остальных условий) возложил на заинтересованное лицо, то есть на гражданина, жизни и (или) здоровью которого угрожала реальная опасность. Стоит обратить внимание, что Гражданский кодекс Украины (ст. 1161) реализовал предложения советских цивилистов и обязанность по возмещению такого вреда в полном объёме возложил на государство [8], а не на лицо, в интересах которого осуществлялись такие действия. Регламентация рассматриваемых отношений в российском законодательстве позволяет признать, что действующее лицо может осуществлять действия по вмешательству не только в имущественные отношения доминуса, но и осуществлять действия, направленные на охрану личных неимущественных отношений последнего, например, совершать действия, направленные на спасание жизни, охрану личной неприкосновенности; однако обязательство всегда возникает по поводу возмещения понесённых при этом убытков, расходов, то есть носит имущественный характер.

Действия должны совершаться исходя из очевидной выгоды или пользы и действительных или вероятных намерений заинтересованного лица. По одному из дел суд отказал в удовлетворении требований истца, требовавшего возместить понесённые им на охрану объектов мельничного комплекса расходы, поскольку истец не доказал необходимость в дорогостоящей охране монолитных железобетонных сооружений весом в несколько тысяч тонн (постановление Федерального арбитраж-

ного суда Волго-Вятского округа от 11 декабря 2001г. по делу № А29-4162/01-2Э). Исключения из этого правила предусмотрены в п. 2 ст. 983 ГК РФ, когда гестор может действовать вопреки желанию и воле заинтересованного лица. Во-первых, это действия с целью предотвращения опасности для жизни лица, попавшего в опасное положение, например, по предотвращению суицида. Во-вторых, исполнение обязанности по содержанию кого-либо против воли того, на ком лежит такая обязанность, например, уплата алиментов на содержание детей.

И наконец, такие действия должны совершаться с необходимой по обстоятельствам дела заботливостью и осмотрительностью, поскольку несоблюдение этого правила влечёт за собой ответственность в форме возмещения причинённого заинтересованному лицу вреда, то есть деликтные обязательства, в которых действия причинителя уже носят противоправный характер, что исключено для действий в чужом интересе без поручения, которые всегда должны быть правомерными. При этом следует учитывать, что такой вред может причиняться и в состоянии крайней необходимости для устранения опасности, угрожающей заинтересованному лицу, поэтому здесь возмещение вреда осуществляется в соответствии со ст. 1067 ГК РФ, устанавливающей особые правила возмещения вреда лицом, причинившим вред, или третьим лицом, в интересах которого действовал причинитель. С учётом обстоятельств причинения вреда суд может освободить этих лиц от возмещения вреда полностью или частично.

Необходимо признать, что действия в чужих интересах должны совершаться лишь при соблюдении этих требований и, как верно указал в своём решении арбитражный суд Республики Марий Эл, «действия в чужом интересе, порождающие юридический результат, должны совершаться не по произвольному желанию любого лица, а лишь с соблюдением установленных законом требований» (решение арбитражного суда Республики Марий Эл от 9 декабря 2019 по делу № А38-2647/2019). Только отвечающие этим условиям действия в чужом интересе без поручения способны породить рассматриваемые обязательства. В то же время ГК РФ не содержит каких-то иных дополнительных требований к действиям, совершаемым гестором. Поэтому нельзя согласиться с постановлением суда, отказавшего в удовлетворении требований истца – предприятия, заключившего договор подряда с третьим лицом, с целью устранения аварии, действуя при этом в интересах ответчика – управляющей компании. Суд, квалифицируя действия предприятия как действия в чужом интересе без поручения, верно отметил, что истец, привлекая стороннюю организацию, действовал в интересах ответчика, состоящих в том, чтобы ликвидировать аварийную ситуацию как можно быстрее и не допустить причинения вреда третьим лицам, что повлекло бы возникновение у ответчика дополнительных убытков. В то же время суд отказал в удовлетворении требований истца, поскольку последний не представил доказательств обращения к ответчику с прось-

бой о разрешении ему принять меры к ликвидации аварийной ситуации (постановление арбитражного Суда Волго-Вятского округа от 3 декабря 2019 г. по делу № А 82-22975/ 2018). ГК РФ не предъявляет такого условия к совершению действий в чужом интересе без поручения. Более того, наличие такого разрешения означает отсутствие обязательства из действий в чужом интересе без поручения, а свидетельствует о том, что обязательство приобрело договорный характер.

Лицо, совершившее действие в чужом интересе без поручения, должно немедленно сообщить об этом заинтересованному лицу и выждать в течение разумного срока его решение об одобрении или неодобрении предпринятых действий. Одобрение рассматривается как односторонняя сделка, односторонне волеизъявление заинтересованного лица, которое обязано возместить гестору необходимые расходы и иной реальный ущерб. Причём такие обязанности заинтересованного лица существуют независимо от одобрения или неодобрения им предпринятых гестором действий, а также независимо от того, достигнут или не достигнут предполагаемый (положительный) результат. Единственным ограничением в размере возмещения является то, что в случае предотвращения ущерба имуществу другого лица, размер возмещения не должен превышать стоимость этого имущества. Неодобрение предпринятых действий заинтересованным лицом влечёт за собой отказ в возмещении гестору понесённых им расходов и иного реального ущерба лишь на будущее время в отношении действий, которые будут совершены уже после их неодобрения; после неодобрения действий гестора у доминуса в дальнейшем не возникает никаких обязанностей ни в отношении совершающего их, ни в отношении третьих лиц. Таким образом, следует признать, что изначально обязательство из совершения фактических действий в чужом интересе без поручения (действий по спасанию чужого имущества или жизни) возникает независимо от воли доминуса и носит внедоговорный характер. Но после уведомления доминуса о совершении действия в его интересах последующее развитие обязательства осуществляется только по его воле. В случае одобрения доминусом действий гестора в дальнейшем к отношениям сторон применяются правила о договоре поручения или ином договоре, соответствующем характеру предпринятых действий, то есть одобрение доминуса преобразует внедоговорное обязательство из действий в чужом интересе без поручения в договорное обязательство соответствующего вида. «Обязательства по возмещению спасавшему лицу понесённых им расходов существуют лишь до момента одобрения совершённых действий заинтересованным лицом. После получения такого одобрения, в том числе и устного, юридическая природа рассматриваемого отношения меняется – согласно ст. 982 ГК они становятся договорными» [9, с. 1064]. М. И. Брагинский отмечал, что «нормальное развитие внедоговорного обязательства, возникшего в чужом интересе без поручения, предполагает трансформацию его в договорное обязательство, построенное по одной из предусмотренных в ГК моделей» [5, с. 381]. В юридической литературе бы-

ло высказано и иное мнение, в частности, С. И. Клишкин указывает, что в случае, когда заинтересованному лицу не отказывают в выплате соответствующего возмещения, отношения сторон становятся договорными, а обязательство из действий в чужом интересе без поручения не возникает [4, с. 388]. Представляется, что с таким толкованием законодательства нельзя согласиться, поскольку договор поручения или иной договор применяются к дальнейшим, к будущим отношениям, а ранее возникшие отношения и есть обязательства из действий в чужих интересах в чистом виде. Согласившись с мнением С. И. Клишкина, нам придется признать, что до одобрения действий доминусом стороны вообще не состоят в обязательственных отношениях. Законодатель потому и установил императивные и достаточно жёсткие требования к действиям гестора, чтобы они могли обусловить возникновение внедоговорного обязательства из действий лица в чужих интересах без поручения, то есть при отсутствии соглашения между ними.

Если же лицо совершит в чужих интересах сделку, не имея на то полномочий, то при последующем одобрении сделки заинтересованным лицом оно и становится участником этой сделки, то есть одобрение такой сделки доминусом имеет обратное действие. К этому лицу с соблюдением всех правил об уступке требований и о переводе долга переходят права и обязанности по такой сделке. Так, Верховный Суд РФ в своём определении по конкретному делу указал, что гражданин Л., действуя в непротивоправных интересах гражданки Г., исходя из очевидной пользы для неё и её действительных намерений, заключил соглашение с адвокатом для представления интересов Г. в суде, то есть совершил действия в чужом интересе. Тот факт, что адвокат после заключения с ним соответствующего соглашения представлял интересы Г., участвуя вместе с ней в судебных заседаниях, свидетельствует о том, что Г. фактически одобрила заключённое Л. и адвокатом соглашение о представлении последним её интересов в суде. При таких обстоятельствах в силу положений статьи 982 ГК РФ данные отношения следует квалифицировать как вытекающие из договора поручения. У лица, одобрявшего совершённые без поручения в его интересах действия, возникает обязанность возместить совершившему такие действия лицу, как поверенному, понесённые им издержки (определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 7 февраля 2017 г. № 83-КГ16-15). Кроме одобрения заинтересованного лица для его участия в сделке требуется согласие кредитора в возникшем обязательстве, если только последний уже в момент заключения сделки не знал и не должен был знать о её совершении в чужом интересе. При отсутствии согласия доминуса принять на себя права и обязанности по заключённой сделке у гестора сохраняется право на взыскание ранее понесённых расходов, если его действия отвечают условиям, установленным в ст. 980 ГК РФ. Если же действия гестора не отвечают этим условиям, например, он действует вопреки известной ему воле заинтересованного лица, то гестор лишается

права на возмещение понесенных расходов и самостоятельно отвечает перед третьими лицами по заключённой им сделке.

Кроме возмещения необходимых расходов и иного реального ущерба на доминуса может быть возложена обязанность выплаты вознаграждения гестору за совершённые им действия, но не во всех случаях, а при наличии двух условий: если действия привели к положительному результату для заинтересованного лица, и если такое право предусмотрено законом, соглашением с заинтересованным лицом или обычаями делового оборота (ст. 985 ГК РФ).

Подводя итог вышеизложенному, следует признать, что обязательство из действий в чужом интересе без поручения является внедоговорным охранительным обязательством, направленным на возмещение понесённых действующим лицом (гестором) реального ущерба и иных расходов, возникших в результате его действий, предпринятых в целях предотвращения вреда личности или имуществу, исполнения обязательств или в иных непротивоправных интересах заинтересованного лица (доминуса), которое в случае одобрения действий последним преобразуется в дальнейшем в договорное регулятивное обязательство, соответствующее предпринятым гестором действиям.

Список литературы

1. Игнатенко В. Н. Самозащита как основание возникновения внедоговорных обязательств // Обязательства, возникающие не из договора : сборник статей / отв. ред. М. А. Рожкова. – Москва : Статут, 2015. – С. 23–33.
2. Новицкий И. Б. Римское право : учебник. – Москва : Моск. гос. ун-т, Юрид. фак., 1994. – 245 с.
3. Рясенцев В. А. Лекция на тему «Ведение чужих дел без поручения» // Представительство и сделки в современном гражданском праве. – Москва : Статут, 2006. – С. 549–578.
4. Климкин С. И. Обязательства из действий в чужом интересе без поручения по законодательству Республики Казахстан // Внедоговорные обязательства : Материалы междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. М. К. Сулейменов. – Алматы, 2017. – С. 386–388.
5. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга третья. Договоры о выполнении работ и оказании услуг. – Москва : Статут, 2005. – 1055 с.
6. Сулейменов М. К. Внедоговорные обязательства по законодательству Республики Казахстан // Внедоговорные обязательства : Материалы междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. М. К. Сулейменов. – Алматы, 2017. – С. 14–50.
7. Гамбаров Ю. С. Добровольная или безвозмездная деятельность в чужом интересе: Социологическое исследование института *neg. Gestio* (добровольное ведение дел). – Москва : ЛЕНАНД, 2017. – 168 с.

8. Кузнецова Н. С. Регулирование внедоговорных обязательств в гражданском законодательстве Украины // *Внедоговорные обязательства: Материалы междунар. науч.- практ. конф. /отв. ред. М. К. Сулейменов.* – Алматы, 2017. – С. 63–67.

9. Российское гражданское право : учебник : в 2 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. – Москва : Статут, 2010. – Т. 2: Обязательственное право. – 1208 с.

References

1. Ignatenko, V. N. 2015. “Self-defense as the basis for creation of non-contractual obligations.” (In Russian). *Obligations arising not from the contract: a collection of articles*. Edited by M. A. Rozhkova. – Moscow: Statute. 23–33.

2. Novitsky, I. B. *Roman law: textbook*. (In Russian). – Moscow: Moscow State University, Law Faculty, 1994.

3. Ryasentsev, V. A. 2006. Lecture on the topic “Agency of necessity”. (In Russian). *Representation and transactions in modern civil law*. – Moscow: Statute. 549–578.

4. Klimkin, S. I. 2017. “Agency of necessity under the legislation of the Republic of Kazakhstan.” (In Russian). *Non-contractual obligations: Materials of international research and training conference*. Edited by M. K. Suleimenov. – Almaty. 386–388.

5. Braginsky, M. I., Vitryansky, V. V. *Contract law. Book three. Contract for the performance of work and rendering of services*. (In Russian). – Moscow: Statute, 2005.

6. Suleimenov, M. K. 2017. “Non-contractual obligations under the legislation of the Republic of Kazakhstan.” (In Russian). *Non-contractual obligations: Materials of international research and training conference*. Edited by M. K. Suleimenov. – Almaty. 14–50.

7. Gambarov, Yu. S. *Voluntary or gratuitous activity for the benefit of others: Sociological research of the institute neg. Gestio (voluntary agency)*. (In Russian). – Moscow: LENAND, 2017.

8. Kuznetsova, N. S. 2017. “Regulation of non-contractual obligations in the civil legislation of Ukraine.” (In Russian). *Non-contractual obligations: Materials of international research and training conference*. Edited by M. K. Suleimenov. – Almaty. 63-67.

9. Sukhanov, E. A., ed. *Russian civil law. Vol. 2. Law of obligations* (In Russian). – Moscow: Statute, 2010.

Научная статья

УДК 343.34:004.8

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-3/153-165>

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРЕСТУПНЫХ ЦЕЛЯХ: УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА*

Р. И. Дремлюга¹, Дальневосточный федеральный университет,
г. Владивосток, Россия
E-mail: dreamluck@yandex.ru

Аннотация. Искусственный интеллект активно используется во многих сферах человеческой жизни. Использование систем искусственного интеллекта повышает эффективность деятельности, снижает издержки и увеличивает производительность. Предполагается, что такое продуктивное средство в скором времени будет активно использоваться в преступных целях. В статье проводится анализ понятия «искусственный интеллект» и его отличительных характеристик. Автор приходит к выводу, что современные системы искусственного интеллекта обучаются, а не программируются, что снижает целесообразность возложения ответственности на программиста за вред, причинённый такими системами. В работе анализируются свойства искусственного интеллекта, которые могут влиять на степень общественных деяний, совершенных с его использованием. Среди таких свойств автор выделяет автономность как способность интеллектуальных систем действовать и принимать решения независимо от человека. Другим характерным свойством современных систем искусственного интеллекта является непрозрачность. Непрозрачность может проявляться как недоступность алгоритмов, исходного кода, обученной нейронной сети или её архитектуры в связи с их правовой охраной как интеллектуальной собственности или государственной тайны. Непрозрачность обусловлена тем, что понимание программного кода и архитектуры систем искусственного интеллекта требует специальных знаний и навыков. Кроме того, понимание работы некоторых систем лежит за гранью человеческих возможностей.

---

¹Роман Игоревич Дремлюга, кандидат юридических наук, доцент Юридической школы, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16129.

Анализ показывает, что использование систем искусственного интеллекта повышает степень общественной опасности преступного деяния. Во-первых, использование интеллектуальных систем создает у преступника чувство безопасности при совершении преступлений посредством искусственного интеллекта. Между злоумышленником и потерпевшим есть своеобразный буфер в виде компьютерной программы. Преступник для совершения общественно опасного деяния не контактирует с жертвой. Анонимность и обезличенность при использовании интеллектуальной системы преступником позволяют выдать себя за другого человека, скрыться от правосудия, остаться вне общественного порицания и осуждения.

Ключевые слова: искусственный интеллект, киберправо, автономные системы, информационные технологии, сквозные технологии, прорывные технологии, киберпреступления, преступления в сфере компьютерной информации, уголовное право, уголовный закон, общественная опасность, степень общественной опасности, средство совершения преступления, уголовный кодекс, отягчающие обстоятельства, право информационных технологий, цифровая экономика, цифровая трансформация, информационное общество, новый технологический уклад, право и этика искусственного интеллекта.

Для цитирования: Дремлюга Р. И. Использование искусственного интеллекта в преступных целях: уголовно-правовая характеристика // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2021. № 3. С. 153–165. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-3/153-165>.

Original article

APPLICATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE FOR CRIMINAL PURPOSES FROM CRIMINAL LAW PERSPECTIVE

Dremluga Roman I.¹, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia
E-mail: dreamluck@yandex.ru

Abstract. Artificial Intelligence is actively used in many areas of human life. The use of artificial intelligence systems increases the efficiency of activities, reduces costs, and increases productivity. It is assumed that such a productive tool will soon be actively used for criminal purposes. The article analyzes the concept of "artificial intelligence" and its distinctive characteristics. The author concludes that modern artificial intelligence systems are trained, not programmed, which reduces the feasibility of imposing liability on

¹ Roman I. Dremluga, Candidate of Law, Associate Professor of the School of Law, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

the programmer for the damage caused by such systems. The paper analyzes the properties of artificial intelligence, which may affect the degree of social acts committed with it. Among such properties, the author highlights autonomy as the ability of intelligent systems to act and make decisions independently of humans. Opacity is yet another characteristic property of modern artificial intelligence systems. It can manifest itself as inaccessibility of algorithms, source code, trained neural networks, or architecture due to their legal protection as intellectual property or state secrets. Opacity is contingent on the fact that understanding the program code and architecture of artificial intelligence systems require special knowledge and skills. In addition, understanding the work of some systems is beyond human capabilities.

The analysis shows that artificial intelligence systems increase the degree of public danger of a criminal act. First, intelligent systems create a sense of security for the criminal when committing crimes through AI. A computer program serves as a buffer between the perpetrator and the victim. The perpetrator has no contact with the victim to commit a socially dangerous act. Anonymity and impersonality when using an intelligent system by a criminal allow him/her to pass off as a different person, hide from justice, and remain outside of public censure and condemnation.

Keywords: artificial intelligence, cyber law, autonomous systems, information technology, end-to-end technology, breakthrough technology, cybercrime, computer information crime, criminal law, criminal law, public danger, degree of public danger, means of crime, criminal code, aggravating circumstances, information technology law, digital economy, digital transformation, information society, new technological way, law and ethics of artificial intelligence.

For citing: Dremliuga R. I. Application of Artificial Intelligence for Criminal Purposes from Criminal Law perspective // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2021. No. 3. 153–165. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-3/153-165>.

Искусственный интеллект является одной из наиболее многообещающих технологий. С помощью интеллектуальных компьютерных программ можно заменить человека буквально во всех сферах. Внедрение данной технологии неминуемо ведет к кардинальным изменениям в общественной, экономической и военно-политической сфере. Активно искусственный интеллект используется злоумышленниками для более эффективного достижения преступных целей. Так как применение данной перспективной технологии для совершения преступлений отражается на качественных характеристиках преступного деяния, необходимо оценить степень общественной опасности деяний, совершаемых с помощью искусственного интеллекта.

Для анализа того, как влияет использование искусственного интеллекта на степень общественной опасности преступления, необходимо понять, чем данная ком-

пьютерная технология отличается от других. Так как термин относится к компьютерным наукам, большинство определений можно встретить в технической литературе. Так, некоторые зарубежные специалисты определяют искусственный интеллект как способность машины (технического средства) имитировать интеллектуальное поведение (англ. AI is the capability of a machine to imitate intelligent behavior) [1, с. 23]. До возникновения технологии ИИ такое поведение в основном ассоциировалось только с человеком. Речь о деятельности, которая требует интеллектуальных усилий, к ним могут относиться самые разные формы от творчества до распознавания и анализа текстов. В настоящее время трудно найти сферу, где не используется искусственный интеллект.

Отдельные российские авторы подчеркивают, что «интеллектуальной называется система, способная целеустремленно, в зависимости от состояния информационных входов, изменять не только параметры функционирования, но и сам способ своего поведения, причём способ поведения зависит не только от текущего состояния информационных входов, но также и от предыдущих состояний системы» [2, с. 67]. В данном определении выделяются признаки автономности и самодетерминированности, которые отличают системы искусственного интеллекта от большинства других компьютерных систем.

Термин искусственный интеллект используется для обозначения как определенных математических методов и алгоритмов, так и для компьютерных систем, реализованных на их основании. Также дефиниция используется как наименование области компьютерных наук, в рамках которой изучаются способы построения компьютерных систем, способных к разумному поведению.

В последнее время наиболее распространённым подходом в разработке искусственного интеллекта являются глубокие нейронные сети (англ. Deep Neural Network). При использовании данного метода, по сути, с помощью компьютера имитируется работа нейронных сетей живых организмов. Глубокие нейронные сети, в отличие от других методов, обучаются действовать в непредсказуемой среде, где количество вариантов поступающих входных данных не ограничено заранее определённым набором [3, с. 7–10]. Подобные системы способны успешно водить автомобиль, поддерживать беседу, заниматься творчеством и т.д.

На практике доказано, что многие задачи искусственный интеллект решает более эффективно, чем человек. Например, искусственный интеллект, основанный на глубоких нейронных сетях, выиграл у нескольких мировых чемпионов по шашкам Го. До этого события считалось, что такое превосходство компьютера над человеком невозможно, так как ходы данной игры невозможно просчитать простым перебором. Количество возможных комбинаций в данной игре больше, чем атомов во вселенной. Так как в системе была использована искусственная нейронная сеть, она не была запрограммирована в буквальном смысле. Искусственный интеллект обу-

чился играть на таком высоком уровне, сыграв множество партий с самим собой. Для достижения полного превосходства ИИ пришлось сыграть 29 млн партий [4, с. 354–359].

Таким образом, в процессе разработки искусственных нейронных сетей они не программируются, а обучаются либо на предоставляемых учебных данных, либо взаимодействуя с подобными себе системами. Программист необходим на этапе выбора архитектуры нейронной сети или проверки результатов обучения. Неправильное понимание процесса создания и характеристик работы систем искусственного интеллекта ведёт к затруднению в разработке системы правовых норм, регулирующих отношения по поводу использования систем искусственного интеллекта.

Некоторые российские исследователи предполагают, что алгоритм действий робота полностью определяется человеком, даже если речь идет об искусственном интеллекте и самообучаемых нейронных сетях [5, с. 51]. Данный тезис по отношению к современным системам искусственного интеллекта зачастую неверен, так как предсказать, как будет вести себя нейронная сеть, для определённого набора данных можно лишь с некоторой долей вероятности.

Другие авторы считают, что необходимо возложить всю ответственность за последствия действий систем ИИ на разработчика (программиста). При этом важнейшим вопросом использования интеллектуальных компьютерных систем является правовая регламентация «вопроса об ошибках при программировании и их последствиях» [6, с. 17]. Таким образом, многие исследователи не понимают одно из основных отличий современных систем искусственного интеллекта от традиционных компьютерных систем: автономность.

Существенно значимыми элементами автономности от человека, являются по мнению некоторых исследователей:

- субъектность (в том числе – автономность как интеллектуального агента, самостоятельность и самореферентность в самообучении и в выработке и принятии решений);
- когнитивная и адаптационная автономность (способность получать информацию извне и менять свое состояние в соответствии с поступающими данными);
- пространственно-кинетическая автономность (речь об аппаратной автономности и возможности физически воздействовать на окружающий мир);
- автономность программно-энергетического управления (в том числе самостоятельность в само-включении-отключении-перезапуске и возможность воспрепятствования внешнему отключению);
- энергетическая автономность [7, с. 105].

В связи с высокой автономностью некоторых систем искусственного интеллекта зарубежные исследователи-правоведы предлагают признать искусственный интеллект субъектом уголовного права. В некоторых исследованиях проводится

аналогия с уголовной ответственностью юридических лиц, которая привычна для правовых систем многих стран мирового сообщества. Предлагаются даже аналогичные виды наказаний, применимых к системам искусственного интеллекта. В качестве аналога смертной казни можно использовать стирание программы искусственного интеллекта без возможности восстановления, а в качестве лишения свободы – отключение компьютера от сети или его выключение на определённый срок [8].

Данная позиция разделяется некоторыми российскими исследователями, которые считают, что усложнение, децентрализация, автономизация технологий искусственного интеллекта создают ряд проблем для человека, осуществляющего контроль над такими технологиями: человек, даже управляющий системой ИИ, не всегда способен полностью контролировать все действия и реакции системы, а тем более предугадать её поведение [9, с. 99–100]. Несмотря на относительную автономность систем ИИ, считаем, что уголовная ответственность систем искусственного интеллекта возможна только в странах, где в уголовно-правовой традиции распространено объективное вменение. В российском уголовном праве, где объективное вменение напрямую запрещено уголовным законом (ч. 2 ст. 5 УК РФ), уголовная ответственность систем искусственного интеллекта недопустима.

Кроме того, одним из характерных свойств современных систем искусственного интеллекта является непрозрачность. Некоторые зарубежные исследователи искусственного интеллекта считают, что непрозрачность может проявляться в нескольких смыслах. Во-первых, непрозрачность как недоступность системы на основании закона, когда речь идёт о недоступности алгоритмов, исходного кода, обученной нейронной сети или её архитектуры в связи их правовой охраной как интеллектуальной собственности или государственной тайны [10, с. 3]. Использование той или иной системы искусственного интеллекта даёт преимущество отдельным компаниям на рынке или целым государствам.

Во-вторых, непрозрачность обусловлена тем, что понимание программного кода и архитектуры систем искусственного интеллекта – это специализированный навык, который многим не доступен. Таким образом, даже если законодательно открыть доступ к исходному коду интеллектуальных систем, не так много людей смогут понять, как они работают. Кроме того, такие специалисты крайне востребованы на рынке и имеют высокую оплату за применение своих знаний. В связи с этим привлечь специалистов для анализа работы системы или выявления ошибок разработчика достаточно трудно.

Сложно осуществлять общественный контроль корректности работы таких систем. Для понимания работы надо как минимум знать синтаксис языков программирования, таких как C или Python, которые сильно отличаются от человеческих языков [10, с. 4]. С архитектурой современных систем искусственного интеллекта,

например, нейронных сетей, всё ещё сложней. Понимание их работы требует обширных математических знаний, архитектур сетей и характеристик данных, на которых обучалась система [3, с. 38].

Третий вид непрозрачности в некотором смысле непреодолим. Современные системы искусственного интеллекта становятся такими сложными, что выходят за пределы человеческого понимания. Например, система искусственного интеллекта может оперировать триллионами единиц в пространстве с тысячей измерений [10, с. 4]. В данном случае привлечение специалиста лишь поможет понять основные характеристики работы системы. Следует отметить, что сложность систем искусственного интеллекта с каждым годом только увеличивается, а значит, разрыв между возможностями человеческого разума и непрозрачностью систем растёт.

Обобщая вышесказанное, получается, что система искусственного интеллекта – это компьютерная система или программа, имитирующая один или несколько аспектов интеллектуального поведения, обладающая более высокой по сравнению с другими компьютерными системами или программами степенью самодетерминированности и независимости от воли разработчика или пользователя. Некоторые интеллектуальные системы способны к обучению и самообучению. Такие системы обладают определённой долей непрозрачности и непредсказуемости для разработчиков и лиц, их использующих.

Серьёзным вызовом для правового регулирования отношений по поводу применения систем искусственного интеллекта являются широкие возможности для его противоправного или преступного использования. Некоторые из возможностей «умных машин» заставляют по-новому посмотреть на целые отрасли и институты права.

Например, в рамках одного исследования была обучена глубокая нейронная сеть, которая на основе анализа всего 5 фотографий с сайта знакомств определяла персональные особенности человека. Так, нетрадиционная сексуальная ориентация определялась с точностью более девяноста процентов. С помощью обученной нейронной сети также определялись политические взгляды, уровень интеллекта и другие личные характеристики [11, с. 256]. Таким образом, стирается грань между частным и публичным, так как личная информация о персоне может быть «смоделирована» из открытых источников.

Некоторые исследователи говорят об исчезновении в скором времени такого понятия, как частная жизнь, так как все мы будем абсолютно открыты для интеллектуальных компьютерных систем. Следует отметить, что распространённость внедрения таких систем государствами и частными компаниями увеличилась в результате мировой пандемии коронавируса [12].

Особую угрозу представляет широкая распространённость транспортных автономных устройств, которые могут достигать любых точек на суше [13], водной среде [14] или в воздушном пространстве. Такие системы с «компьютерным мозгом» уже

сейчас активно используются в преступных целях. Так, беспилотные летательные аппараты (БЛА) активно применяются преступниками для перевозки и доставки наркотиков, а также других запрещенных к обороту вещей. Используемый в нелегальных целях летательный аппарат достигает цели по указанным координатам без непосредственного управления человеком, то есть в автономном режиме [20].

Крайне опасной видится перспектива применения автономного транспорта для осуществления террористических атак. Беспилотник может быть использован для доставки взрывчатых веществ и выступать самостоятельной поражающей единицей. Автомобили с водителем уже применялись террористическими группами для совершения атак в европейских странах. По мнению исследователей, при подготовке такой атаки потенциальный террорист-смертник может отказаться от совершения массового убийства или пойти в полицию, что является слабым местом при подготовке [15, с. 9–11]. Автономное транспортное средство в качестве орудия совершения теракта изобавлено от этого недостатка и в то же время самостоятельно может достигнуть любой цели.

Способность систем искусственного интеллекта имитировать интеллектуальное поведение человека означает возможность для преступников выдавать себя за другую личность. Такое противоправное деяние в юридической литературе стран англосаксонского права обозначается как кража личности (англ. – identity theft). Нередко интеллектуальные системы используются для совершения преступлений [16; 17]. Например, с помощью программ, генерирующих голосовые сообщения, похожие на речь какого-либо лица, совершаются мошеннические действия [21]. А посредством имитации видеоизображений отдельных лиц у мошенников получилось обмануть умные системы оплаты [22].

Специально обученные системы искусственного интеллекта способны имитировать аудиовизуальные изображения каких-либо лиц без их согласия с высокой степенью реалистичности. Широкая доступность и низкие требования к оборудованию позволяют создать подделку даже в домашних условиях [18]. Аудиовизуальные имитации могут применяться для совершения целого спектра деяний: от общения от имени другого лица в мессенджерах до обхода биометрических систем.

В условиях глобальной пандемии COVID-19, когда значительная часть социальной активности перешла в киберпространство, кража электронной личности означает, что появилась возможность полностью подменить жертву фальшивой личностью. Таким образом, интеллектуальные системы могут и активно используются преступниками для совершения общественно опасных деяний. Это могут быть преступления самых разных категорий – от преступлений в сфере экономики до деяний против общественной безопасности и общественного порядка.

Анализ показывает, что использование систем искусственного интеллекта повышает степень общественной опасности преступного деяния. Во-первых, исполь-

зование интеллектуальных систем создаёт у преступника чувство безопасности при совершении преступлений посредством ИИ. Между злоумышленником и потерпевшим есть своеобразный буфер в виде компьютерной программы. Преступник для совершения общественно опасного деяния не контактирует с жертвой. Анонимность и обезличенность при использовании интеллектуальной системы позволяют преступнику выдать себя за другого человека, скрыться от правосудия, остаться вне общественного порицания и осуждения.

Использование интеллектуальных систем повышает эффективность, снижает издержки, минимизирует риски и позволяет повысить охват преступной деятельностью. Преступный результат достигается без активного вовлечения преступника. Обучив и запустив систему, можно, не прилагая усилий, пользоваться результатами её работы.

Автоматизации может быть подвергнута преступная деятельность, потенциально имеющая глобальный охват. Например, распространённый способ мошенничества «нигерийские письма» может быть легко автоматизирован без потери эффективности. Суть метода обмана в том, что преступник рассылает текст сообщения, предлагая под тем или иным ложным предлогом перевести на счет мошенника деньги. «Как правило, мошенники просят у получателя письма помощи во многомиллионных денежных операциях, обещая солидные проценты с сумм. Если получатель согласится участвовать, у него постепенно выманиваются определённые суммы денег под предлогом оформления сделок, залогов, уплаты сборов и т.д.» [19]. Эффективность рассылки одного и того же или похожих писем достаточно низка, во-первых, о появлении нового способа для отъёма денег быстро становится известно общественности, а во-вторых, текст не адаптирован под конкретную жертву, то есть не учитывает её культуру, язык, слабости и предпочтения.

При рассылке «нигерийских писем» через электронную почту или в социальных сетях искусственный интеллект сможет из общедоступных данных получить сведения о слабости и особенностях потенциальной жертвы. Соответственно адаптированные к конкретному человеку сообщения мошеннического характера будут более эффективны. Например, для любителя собак ИИ будет просить деньги на помощь собакам, а для борцов против климатических изменений – средства на новую акцию. При этом интеллектуальная система может даже самообучаться и адаптировать стилистику в зависимости от результатов переписки.

Также стоит отметить среди характеристик машин «интеллектуальность». В примере, приведённом выше, речь о возможности имитации деятельности человека, которая является признаком интеллектуального поведения (возможность коммуницировать с человеком и манипулировать им). Компьютерный интеллект способен превосходить человека во многих аспектах как, например, определение точного психологического портрета или склонностей собеседника. То есть исполь-

зование интеллектуальных систем для совершения преступления более общественно опасно из-за свойства интеллектуальности подобных систем.

Применение систем искусственного интеллекта существенно облегчает и даже упрощает процесс совершения преступления. Интеллектуальное программное или аппаратное обеспечение компенсирует отсутствие специальных знаний у преступника, а также значительно расширяет его возможности.

Использование искусственного интеллекта увеличивает степень общественной опасности преступного деяния и должно повлечь более строгие меры ответственности. Применение рассматриваемого средства совершения преступления должно быть сформулировано в качестве отягчающего обстоятельства общей части Уголовного Кодекса Российской Федерации. В статью 63 УК РФ следует добавить пункт «е», сформулированный как **«совершение преступления посредством систем искусственного интеллекта»**.

Кроме того, предлагается ввести квалифицирующий признак **«совершённое посредством систем искусственного интеллекта»** в статьи Главы 28 «Преступления в сфере компьютерной информации» Уголовного кодекса Российской Федерации.

Список литературы

1. Padhy, N. P. Artificial intelligence and intelligent systems 3 / N. P. Padhy. – Oxford : Oxford University Press, 2005. 632 p.
2. Якушев, Д. И. Об определении искусственного интеллекта // Региональная информатика и информационная безопасность : сборник трудов. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургское общество информатики, вычислительной техники, систем связи и управления, 2016. – С. 67–69.
3. Николенко, С. Глубокое обучение / С. Николенко, А. Кадури, Е. Архангельская. – Санкт-Петербург : Питер, 2020. – 480 с.
4. Mastering the game of Go without human knowledge / D. Silver, J. Schrittwieser, K. Simonyan [et al.] // Nature. – 2017. – Vol. 550 (7676). – P. 354–359.
5. Васильев, А. А. Правовое регулирование робототехники и искусственного интеллекта в Европейском Союзе / А. А. Васильев, Ж. И. Ибрагимов // Российско-азиатский правовой журнал. – 2019. – № 1. – С. 50–54.
6. Васильев, А. А. Искусственный интеллект и право: проблемы, перспективы / А. А. Васильев, Ю. В. Печатнова // Российско-азиатский правовой журнал. – 2020. – № 2. – С. 14–18.
7. Понкин, И. В. Искусственный интеллект с точки зрения права / И. В. Понкин, А. И. Редькина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Юридические науки. – 2018. – Т. 22, № 1. – С. 91–109.
8. Hallevy, G. When Robots kill: Artificial intelligence under criminal law / G. Hallevy. – Boston : Northeastern University, 2013. – 244 p.

9. Хисамова, З. И. Сущность искусственного интеллекта и проблема определения правосубъектности / З. И. Хисамова, И. Р. Бегишев // Вестник Московского государственного областного университета. Серия : Юриспруденция. – 2020. – № 2. – С. 96–106.
10. Burrell, J. How the machine 'thinks:' understanding opacity in machine learning algorithms // *Big Data & Society*. – 2016. – January – June. – P. 1–12.
11. Kosinski, M. Deep neural networks are more accurate than humans at detecting sexual orientation from facial images / M. Kosinski, Y. Wang // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 2018. – Vol. 114 (2). – P. 246–257.
12. Lee, T. Tracing surveillance and auto-regulation in Singapore: «smart» responses to COVID-19 / T. Lee, H. Lee // *Media International Australia*. – 2020. – Vol. 177 (1). – P. 47–60.
13. Дремлюга, Р. И. Регулирование тестирования и использования беспилотного автотранспорта: опыт США / Р. И. Дремлюга, А. В. Крипакова, А. А. Яковенко // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. – 2020. – № 3 (82). – С. 68–85.
14. Гаврилов, В. В. Актуальные вопросы международно-правового регулирования плавания морских судов без экипажа / В. В. Гаврилов, Р. И. Дремлюга // *Московский журнал международного права*. – 2020. – № 2. – С. 65–76.
15. Miller, V. I Did my bit': Terrorism, tarde and the vehicle ramming attack as an imitative event / V. Miller, K. J. Hayward // *British Journal of Criminology*. – 2019. – Vol. 59 (1). – P. 1–23.
16. Watney, M. M. Artificial intelligence and its' legal risk to cybersecurity // *European Conference on Information Warfare and Security, ECCWS, 2020-June*. – [S. l.], 2020. – P. 398–405.
17. Young, O. R. Meeting cyber age needs for governance in a changing global order / O. R. Young, J. Yang, D. Guttman. – DOI 10.3390/su12145557 // *Sustainability (Switzerland)*. – 2020. – Vol. 12 (14). – Art. no. 5557 [17 p.].
18. Deepfake detection algorithms: a meta-analysis / S. Zotov, R. Dremluga, A. Borshevnikov, K. Krivosheeva // *ACM International Conference Proceeding Series. Ser. 2 : «SSPS 2020 – 2020 2nd Symposium on Signal Processing Systems»*. – Guangdong, 2020. – P. 43–48.
19. Фадина, Ю. П. Уголовно-правовая характеристика мошенничества в сети интернет // Вестник Югорского государственного университета. – 2017. – № 1–2 (44). – С. 117–121.
20. Drug delivery drone crashes in Mexico. – URL: <https://www.bbc.com/news/technology-30932395> (дата обращения: 07.05.2021).

21. ИИ помог мошенникам имитировать голос СЕО компании и похитить 220 000 евро // Хакер. – URL: <https://хакер.ru/2019/09/05/voice-deepfake/> (дата обращения: 07.05.2021).

22. Аферисты сумели украсть \$76 млн благодаря технологии Deepfake. – URL: <https://news.rambler.ru/internet/46154575/> (дата обращения: 07.05.2021).

References

1. Padhy N. P. *Artificial intelligence and intelligent systems 3*. Oxford: Oxford University Press, 2005. 632 p.

2. Yakushev D. I. Ob opredelenii iskusstvennogo intellekta [On the definition of artificial intelligence]. In: *Regional'naya informatika i informatsionnaya bezopasnost': sbornik trudov* [Regional informatics and information security: Proceedings]. – St. Petersburg: St. Petersburg Society of Informatics, Computer Engineering, Communication and Control Systems, 2016, pp. 67–69.

3. Nikolenko S., Kadurin A., Arkhangel'skaya E. *Glubokoe obuchenie* [Deep learning]. – St. Petersburg: Peter, 2020. 480 p.

4. Silver D., Schrittwieser J., Simonyan K., Antonoglou I., Huang A., Guez A., Hubert T., Hassabis D. et al. Mastering the game of Go without human knowledge. *Nature*, 2017, vol. 550 (7676), pp. 354–359.

5. Vasiliev A. A., Ibragimov Zh.I. Pravovoe regulirovanie robototekhniki i iskusstvennogo intellekta v Evropeiskom Soyuze [Legal regulation of robotics and artificial intelligence in the European Union]. *Rossiisko-aziatskii pravovoi zhurnal*, 2019, no. 1, pp. 50–54.

6. Vasiliev A. A., Pechatnova Yu. V. Iskusstvennyi intellekt i pravo: problemy, perspektivy [Artificial intelligence and law: problems, prospects]. *Rossiisko-aziatskii pravovoi zhurnal*, 2020, no. 2, pp. 14–18.

7. Ponkin I. V., Redkina A. I. Iskusstvennyi intellekt s tochki zreniya prava [Artificial intelligence from the point of view of law]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 2018, vol. 22, no. 1, pp. 91–109.

8. Hallevy G. *When Robots kill: Artificial intelligence under criminal law*. Boston: Northeastern University, 2013. 244 p.

9. Khisamova Z. I., Begishev I. R. Sushchnost' iskusstvennogo intellekta i problema opredeleniya pravosub'ektnosti [The essence of artificial intelligence and the problem of determining legal personality]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudentsiya*, 2020, no. 2, pp. 96–106.

10. Burrell J. How the machine 'thinks:' understanding opacity in machine learning algorithms. *Big Data & Society*, 2016, January – June, pp. 1–12.

11. Kosinski M., Wang Y. Deep neural networks are more accurate than humans at detecting sexual orientation from facial images. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2018, vol. 114 (2), pp. 246–257.
12. Lee T., Lee H. Tracing surveillance and auto-regulation in Singapore: «smart» responses to COVID-19. *Media International Australia*, 2020, vol. 177 (1), pp. 47–60.
13. Dremlyuga R. I., Kripakova A. V., Yakovenko A. A. Regulirovanie testirovaniya i ispol'zovaniya bespilotnogo avtotransporta: opyt SShA [Regulation of testing and use of unmanned vehicles: the US experience]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya*, 2020, no. 3 (82), pp. 68–85.
14. Gavrilov V. V., Dremlyuga R. I. Aktual'nye voprosy mezhdunarodno-pravovogo regulirovaniya plavaniya morskikh sudov bez ekipazha [Topical issues of international legal regulation of navigation of sea vessels without a crew]. *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava*, 2020, no. 2, pp. 65–76.
15. Miller V., Hayward K. J. I Did my bit': Terrorism, tarde and the vehicle ramming attack as an imitative event. *British Journal of Criminology*, 2019, vol. 59 (1), pp. 1–23.
16. Watney M. M. Artificial intelligence and its' legal risk to cybersecurity. *European Conference on Information Warfare and Security, ECCWS, 2020-June, 2020*, pp. 398–405.
17. Young O. R., Yang J., Guttman D. Meeting cyber age needs for governance in a changing global order. *Sustainability (Switzerland)*, 2020, vol. 12 (14), art. no. 5557. DOI: 10.3390/su12145557.
18. Zotov S., Dremlyuga R., Borshevnikov A., Krivosheeva K. Deepfake detection algorithms: a meta-analysis. ACM International Conference Proceeding Series. 2. «SSPS 2020 – 2020 2nd Symposium on Signal Processing Systems». Guangdong, 2020, pp. 43–48.
19. Fadina Yu. P. Ugolovno-pravovaya kharakteristika moshennichestva v seti internet [Criminal and legal characteristics of fraud on the Internet]. *Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, no. 1–2 (44), pp. 117–121.
20. *Drug delivery drone crashes in Mexico*. Available at: <https://www.bbc.com/news/technology-30932395> (accessed 05 July 2021).
21. AI helped scammers imitate the voice of the company's CEO and steal 220,000 euros. *Hacker*. Available at: <https://xakep.ru/2019/09/05/voice-deepfake/> (accessed 05 July 2021). (In Russian).
22. *Swindlers managed to steal \$ 76 million thanks to Deepfake technology*. Available at: <https://news.rambler.ru/internet/46154575/> (accessed 05 July 2021). (In Russian).

Научная статья

УДК 340.132(470)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-3/166-182>

ПРАВОВАЯ ОПРЕДЕЛЁННОСТЬ В ПРАКТИКЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О. Е. Шишкина¹, Дальневосточный федеральный университет,
г. Владивосток, Россия.

E-mail: shishkina.oe@dvvfu.ru

С. С. Бурцева², Дальневосточный федеральный университет,
г. Владивосток, Россия.

E-mail: burtceva.ss@dvvfu.ru

Аннотация: Статья посвящена категории «правовая определённость», которая занимает важное место в юридической аргументации при принятии своих решений Конституционным Судом Российской Федерации. В статье обзорно приведены сложившиеся в российской юридической науке подходы к пониманию правовой определённости. Институциональное развитие конституционного контроля в связи с принятием Конституции Российской Федерации в 1993 г., влияние практики Европейского Суда по правам человека, обмен опытом с органами конституционного правосудия зарубежных стран привели к развитию способов и приёмов юридической аргументации, в том числе идее правовой определённости. Авторы статьи выясняют содержание и значение правовой определённости в аргументации Конституционным Судом своих правовых позиций. Основное предназначение правовой определённости заключается в предотвращении произвольного толкования и применения правовой нормы, защиты прав участников соответствующих правоотношений и неизменность их правового статуса. Тем не менее, явление правовой определённости не ограничивается указанным содержанием. В результате проведённого исследования авторы приходят к выводу, что понятие правовой определённости рассматривается Конституционным Судом в различных, но взаимосвязанных значениях (в частности, «принцип», «требование», «состояние», «степень» и др.). Содержание правовой определённости как принципа включает в себя такие требова-

¹ *Ольга Евгеньевна Шишкина*, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

² *Светлана Сергеевна Бурцева*, магистрант кафедры конституционного и административного права Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

ния, как формальная определённость, предсказуемость правового регулирования и предвидение правовых последствий, стабильность и свойство «res judicata». Авторы подчёркивают, что категория «правовой определённости» имеет перспективы выхода за пределы конституционного правосудия и использования как в правотворческой деятельности, так и в практике других судов.

Ключевые слова: Конституционный Суд Российской Федерации, Конституция, конституционный контроль, конституционное правосудие, юридическая аргументация, правовая определённость, формальная определённость, предсказуемость правового регулирования, res judicata.

Для цитирования: Шишкина О. Е., Бурцева С. С. Правовая определённость в практике Конституционного Суда Российской Федерации // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2021. № 3. С. 166–182. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-3/166-182>.

Original article

LEGAL CERTAINTY IN THE PRACTICE OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Olga E. Shishkina¹, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia
E-mail: shishkina.oe@dvmfu.ru

Svetlana S. Burtseva², Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia
E-mail: burtseva.ss@dvmfu.ru

Abstract: This article is devoted to the category of "legal certainty", which occupies an important place in legal argumentation of the Constitutional Court of the Russian Federation. The article provides an overview of approaches to legal certainty in the Russian legal science. Institutional development of constitutional control connected with the adoption of the Constitution of the Russian Federation in 1993, the influence of the practice of the European Court of Human Rights, exchange of experience with constitutional justice bodies of foreign countries have led to the development of methods and techniques of legal argumentation, including the idea of legal certainty. The authors of this article clarify the content and significance of the legal certainty of the Court's argumentation of its

---

¹ Olga E. Shishkina, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

² Svetlana S. Burtseva, Master's Degree Student, of the Department of Constitutional and Administrative Law, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

decisions and legal positions. The main purpose of legal certainty is to prevent arbitrary interpretation and application of legal rules, to protect the rights of participants in the relevant legal relationship and the invariability of their legal status. However, the phenomenon of legal certainty is not limited to the specified content. As a result of the study, the authors have come to the conclusion that the concept of legal certainty is considered by the Constitutional Court in different but interrelated meanings (in particular, “principle”, “requirement”, “state”, “degree”, etc.). The content of legal certainty as a principle includes requirements such as formal certainty, predictability of legal regulation and foreseeing legal consequences, stability and the property of *res judicata*. The authors emphasize that the category of “legal certainty” has the prospects of going beyond the limits of constitutional justice and using it both in law-making and in the practice of other courts.

Keywords: Constitutional Court of the Russian Federation, Constitution, constitutional review, constitutional justice, legal argumentation, legal certainty, formal certainty, predictability of legal regulation, *res judicata*.

For citing: Shishkina O. E., Burtseva S. S. Legal certainty in the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2021. No. 3. P. 166–182. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-3/166-182>.

Введение

Научный интерес к вопросам конституционного правосудия в России, безусловно, всегда был и остаётся высоким, хотя и меняет свои ракурсы. В период становления конституционного контроля, несомненно, актуальными были вопросы теории и конституционного контроля [13; 20], вопросы статуса Конституционного Суда Российской Федерации (далее по тексту – Конституционный Суд), места и роли его решений и правовых позиций в правовой системе России [3]. Далее по мере стабильной работы органов конституционного правосудия учёные обратили свой взгляд на вопросы, связанные с конституционной аргументацией [6]. Принятие в 2020 г. поправок к Конституции Российской Федерации (далее по тексту – Конституция) и изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»¹ актуализировало вновь институциональные и процессуальные вопросы деятельности Конституционного Суда. Часть юридического научного сообщества не замедлила высказать опасения за будущее конституционного правосудия в России [10]. Между тем, вопросы юридической аргументации, являясь частью внутренней интеллектуальной деятельности Конституционного Суда, в меньшей степени подвержены влиянию со стороны законодателя. Более того, способы и приёмы юридической аргументации способны не только

¹ В настоящей статье все правовые акты приведены по СПС «Консультант плюс».

проникать из практики международного и зарубежного правосудия в практику национального конституционного контроля, но и выходить далеко за пределы конституционного правосудия внутри государства. В этом аспекте высокий потенциал имеет правовая определённость, идея которой занимает важное место в аргументации при вынесении Конституционным Судом своих решений.

Как отмечает Н. В. Витрук, а также ряд других учёных, *«впервые принцип правовой определённости был сформулирован в постановлении Конституционного Суда РФ от 25.04.1995 № 3-П»*. В указанном постановлении Конституционный Суд рассматривал неопределённость как произвольное понимание содержания правовой нормы [4, с. 270; 5; 7, с. 250–251].

В дальнейшем данная позиция нашла своё подтверждение в постановлении Конституционного Суда от 15.07.1999 № 11-П, согласно которому *«критерий определённости правовой нормы как конституционное требование к законодателю был сформулирован в постановлении Конституционного Суда от 25.04.1995 № 3-П»*. Кроме того, в рассматриваемом постановлении впервые сформулированы такие признаки общеправового критерия определённости, как ясность, недвусмысленность правовой нормы, происхождение из конституционного принципа равенства всех перед законом и судом (ч. 1 ст. 19 Конституции).

Первые отсылки к идее правовой определённости появились ещё на первом этапе становления конституционного правосудия в России, до возобновления деятельности Конституционным Судом на основе новой Конституции и нового законодательства о Конституционном Суде. Такой критерий правовой определённости, как неоднозначность правового регулирования, стал востребован Конституционным Судом при принятии им постановления от 30.11.92 № 9-П. Так, при оценке конституционности Указа Президента от 25.08.1991 «Об имуществе КПСС и Коммунистической партии РСФСР» Конституционный Суд пришёл к выводу *о наличии правовой неопределённости в ситуации, когда невозможно определить собственника значительной части имущества, принадлежавшего КПСС и Коммунистической партии РСФСР, так как возникла неясность в отношении того, где кончается собственность одного субъекта и начинается собственность другого, а также в некоторых случаях и в отношении того, кто является собственником*.

Кроме того, в 1993 г. было вынесено ещё два постановления, в которых поднимались вопросы неопределённости юридического содержания. Так, в постановлении от 12.02.1993 № 3-П Конституционный Суд посчитал *необходимым признать не имеющим юридического значения используемого в Указе Президента РФ от 28.10.1992 года № 1308 понятия «экстремистские элементы», поскольку оно не имеет определённого юридического содержания*. В итоге фактически после принятия постановления абз. 3 п. 2 рассматриваемого Указа, предусматривающего обязанность председателей правительств республик и глав администраций иных субъектов РФ принять строжайшие ме-

ры к пресечению деятельности экстремистских элементов, не мог подлежать исполнению ввиду имеющейся неопределённости данной нормы.

Дальнейшее институциональное развитие конституционного контроля в связи с принятием Конституции, влияние практики Европейского Суда по правам человека, обмен опытом с органами конституционного правосудия зарубежных стран привели к развитию способов и приёмов конституционной аргументации, в том числе, идее правовой определённости, которая впоследствии вышла за пределы практики Конституционного Суда. Будучи выведенной Конституционным Судом из принципа равенства всех перед законом и судом, предусмотренного в ч. 1 ст. 19 Конституции, правовая определённость в 2020 г. получила законодательное закрепление как принцип, обеспечивающий стабильность правового регулирования. Согласно статье 7 Федерального закона от 31.07.2020 № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» принцип правовой определённости выражается в ясном, логичном содержании требований, понятном как правоприменителю, так и иным лицам, которое не должно приводить к противоречиям при их применении, а также должно быть согласованным с целями и принципами законодательного регулирования той или иной сферы и правовой системы в целом. Внедрение данного принципа в законодательство следует оценить, на наш взгляд, позитивно, поскольку таким образом правовая определённость выходит за пределы конституционного правосудия и аргументации, получая легальные основания для применения в правотворчестве и практике других судов.

Конституционный Суд в своих решениях неоднократно подчёркивал основное предназначение правовой определённости, заключающееся в предотвращении произвольного толкования и применения правовой нормы, защите прав участников соответствующих правоотношений и неизменности их правового статуса (см., например, постановление Конституционного Суда от 16.10.2012 № 22-П). Тем не менее, явление правовой определённости не ограничивается указанным содержанием. Более того, в науке отсутствует единство мнений по вопросу того, что в целом представляет из себя правовая определённость и какие элементы она содержит. Орган конституционного контроля при решении дел применяет рассматриваемую категорию также в различных смыслах. В связи с этим уточнение правовой природы и содержания правовой определённости является актуальной задачей, которую попытались решить авторы настоящей статьи.

II. Основные подходы к пониманию категории «правовая определённость». К вопросу о том, что в целом представляет из себя правовая определённость, сложились различные подходы в юридической науке и конституционно-правовой практике.

Так, наиболее распространённой точкой зрения является понимание правовой определённости как принципа, в частности, указывается, что *«правовая определённость представляет собой общеправовой универсальный принцип, действие которого распространяется на все сферы правового регулирования, все отрасли права*

и законодательства, обладающий постоянным действием и имеющий общеобязательное значение для всех субъектов права» [12, с. 254].

Другие авторы полагают, что *«вернее было бы говорить об особом социальном явлении, имеющем своё развитие в ряде правовых принципов, направленных на обеспечение стабильности правового регулирования общественных отношений»* [19, с. 50].

А. И. Сидоренко разделяет правовую определённость на свойство права и принцип права, придавая им разное значение. Он полагает, что *«как свойство права правовая определённость подразумевает точность правовых предписаний, обеспечиваемую высоким качеством юридической техники, при этом как принцип права она требует ясности в объёме субъективных прав, обязанностей и запретов, вытекающей из закона, других форм права, и правоприменительных актов»* [17, с. 11]. Д. С. Велиева и М. В. Пресняков указывают, что *«правовая определённость представляет собой не технико-юридическое свойство права самого по себе, а определённое качество правового регулирования»* [2, с. 6]. Более того, точка зрения о том, что правовая определённость представляет собой и качество, и свойство права, но не принцип права, также имеет место быть [14, с. 24].

Отсутствие единообразия в терминологии прослеживается и в практике Конституционного Суда, анализ решений которого позволил выявить следующие значения категории правовой определённости:

1. Принцип, требование и критерий правовой определённости. Данные формы выражения правовой определённости целесообразно рассматривать в комплексе, так как при решении вопроса о соблюдении или нарушении правовой определённости именно они используются в большей мере органом конституционного правосудия.

В практике Конституционного Суда категории «принцип» и «требование» («критерий») не являются совпадающими.

Во-первых, принцип правовой определённости используется Конституционным Судом как самодостаточный наряду с другими общеправовыми и конституционными принципами, такими как поддержание доверия к закону и действиям государства (см., например, постановления от 14.01.2020 № 2-П, от 14.11.2018 № 41-П, от 10.07.2018 № 30-П), справедливость (см., например, постановления от 17.11.2016 № 25-П, от 14.01.2016 № 1-П), всеобщее уважение прав человека и основных свобод (см., например, постановления от 26.03.2020 № 13-П, от 16.07.2015 № 22-П) и др.

Во-вторых, принцип правовой определённости имеет универсальный характер. Действие рассматриваемой идеи распространяется на многие сферы правового регулирования, отрасли права и даже правовые институты. Ярким тому примером является включение принципа правовой определённости в число принципов института юридической ответственности, на что неоднократно указывал Конституционный Суд в своих постановлениях (см., например, постановления от 26.03.2020 № 13-П; от 16.07.2015 № 22-П).

В-третьих, принцип правовой определённости включает в себя определённые требования (элементы), соблюдение которых способствует реализации данного принципа. Среди таких требований Конституционный Суд выделяет, в частности, требования ясности, недвусмысленности и согласованности правовых норм, *res judicata* и иные требования, которые будут рассмотрены ниже.

В отличие от принципа правовой определённости, требование (критерий) правовой определённости, как правило, не носит самостоятельного характера и является составной частью различных правовых принципов. В частности, как уже было сказано выше, в некоторых случаях требование определённости, означающее ясность и недвусмысленность правовой нормы, является составной частью более обширного принципа правовой определённости. Кроме того, требование (критерий) правовой определённости может вытекать из принципов правового государства, верховенства закона, юридического равенства и иных общеправовых принципов (см., например, постановления Конституционного Суда РФ от 22.04.2020 № 20-П, от 15.04.2020 № 18-П от 26.04.2016 № 13-П).

Таким образом, категория «принцип правовой определённости» шире, чем «требование» или «критерий» рассматриваемого явления. Принцип обладает самостоятельным и универсальным характером, а требование (критерий) является обязательным элементом некоторых общеправовых и конституционных принципов.

2. Степень правовой определённости. Степень определённости является оценочной категорией. Нормативно-правовые акты могут быть более или менее определёнными по своему содержанию. Достаточная степень определённости правовой нормы заключается в недопущении двусмысленного понимания прав и обязанностей субъекта правоотношений, возможности предвидеть последствия своего поведения и в отсутствии «почвы» для произвола и злоупотреблений. Как неоднократно указывал Конституционный Суд, *«необходимая степень определённости может быть достигнута не только посредством анализа одного или нескольких находящихся во взаимосвязи нормативных положений, но и путём выявления более сложной взаимосвязи правовых предписаний, в том числе на основе обобщения судебной практики применительно к конкретной сфере общественных отношений и с учётом особенностей реализуемых прав и законных интересов граждан»* (см., например, постановления от 18.07.2019 № 29-П, от 12.03.2015 № 4-П; от 23.09.2014 № 24-П, 26.06.2014 № 19-П).

На основе анализа практики Конституционного Суда можно прийти к выводу, что оценка степени определённости правового регулирования проводится с целью понимания того, соответствует ли правовая норма или совокупность правовых норм принципу или требованию определённости. Поэтому взаимосвязь между категориями «степень» и «принцип», «требование», «критерий» проявляется в том, что степень определённости и её выраженность влияют на установление факта соблюдения требований определённости. Иными словами, если правовая норма обла-

дает достаточной степенью определённости, то принцип, требование или критерий правовой определённости является соблюденным.

3. Состояние и ситуация правовой определённости. В решениях Конституционного Суда данные категории рассматриваются сквозь призму неопределённости. Например, в постановлениях от 26.06.2014 № 19-П и от 27.06.2013 № 15-П Конституционный Суд указывает на необходимость исключения необоснованно продолжительного сохранения ситуации неопределённости в отношении правового статуса субъекта правоотношений, а в постановлении от 10.03.2016 № 7-П он говорит о состоянии неопределённости относительно положения должника.

Представляется, состоянием или ситуацией правовой неопределённости в контексте решений высшего органа конституционного правосудия являются неблагоприятные последствия, возникшие вследствие существующего нарушения принципа или требования правовой определённости. Неблагоприятные последствия могут выражаться, в частности, в нарушении прав и произвольном изменении статуса участников правоотношений, непредсказуемости результата правового поведения, злоупотреблении полномочиями.

Реже в практике Конституционного Суда встречаются такие категории проявления правовой определённости, как «качество» (постановление Конституционного Суда РФ от 12.01.2018 № 2-П), «предписание» (постановление Конституционного Суда РФ от 01.07.2015 № 19-П), «режим» (постановление Конституционного Суда РФ от 22.03.2005 № 4-П), «мера» (определение Конституционного Суда РФ от 12.03.2019 № 579-О), а в одном из своих особых мнений судья Г. А. Гаджиев обозначил правовую определённость как «ценность» (постановление Конституционного Суда РФ от 02.12.2013 № 26-П).

Таким образом, анализ различных категорий, в которых может проявляться правовая определённость в практике конституционного правосудия, показал, что такие наиболее частые формы правовой определённости, как «принцип», «требование» и «степень», с одной стороны, «ситуация» и «состояние» – с другой, и «степень» – с третьей, имеют определённую взаимосвязь между собой, которую можно выразить по следующей формуле: ситуация (состояние) правовой неопределённости является негативным последствием несоблюдения принципа (требования, критерия) правовой определённости, возникшее вследствие недостижения достаточной степени определённости правового регулирования.

II. Требования и элементы принципа правовой определённости. На сегодняшний день существуют разные и, порой, даже противоречивые позиции по поводу элементов, составляющих правовую определённость. В первых решениях, где Конституционный Суд анализировал правовые нормы сквозь призму определённости или неопределённости, он указывал на ясность, недвусмысленность правовой нормы, обеспечение единообразного понимания и толкования нормы право-

применителями. Однако спустя 20 лет содержание правовой определённости стало пониматься очень широко, особенно в юридической науке.

Ряд авторов рассматривают *содержание правовой определённости традиционным образом в значении res judicata, что означает устойчивость, незаблемость, непоколебимость судебного решения, вступившего в законную силу* [1, с. 3, 10].

Однако в последнее время появились научные работы, авторы которых рассматривают правовую определённую более широко. Так, О. Г. Подоплелова и О. Н. Кряжкова к числу проявлений принципа правовой определённости, в том числе, относят: *защиту правомерных ожиданий, запрет обратной силы закона, требование nullum crimen, nulla poena sine lege (нет преступления, нет наказания без указания в законе), non bis in idem (запрет двойной ответственности за одно и то же деяние), res judicata (признание законной силы судебных решений, их неопровержимость)* [11, с. 53]. Н. Н. Ковтун и А. А. Зорин предлагают под правовой определёностью понимать: *«а) точность и ясность правовых предписаний; б) исключение коллизионности действующих правовых предписаний и практики их применения; в) механизмы пересмотра судебных решений, вступивших в законную силу, должны обеспечивать его устойчивость и неопровержимость; г) окончательное судебное решение должно быть реально исполнено»* [9, с. 145–146].

На наш взгляд, такая разноплановость понимания содержания принципа правовой определённости обусловлена, во-первых, его востребованностью и динамичным развитием в практике конституционной аргументации. Анализ решений Конституционного Суда позволяет рассматривать содержание принципа правовой определённости через выделение следующих элементов:

1. Требование формальной определённости правовых норм. Данный критерий включает в себя следующие составляющие:

– точность, ясность и недвусмысленность правовых норм (напр., постановления от 22.04.2020 № 20-П, от 25.06.2015 № 17-П, от 08.04.2014 № 10-П);

– согласованность и непротиворечивость правовых норм (постановления от 06.07.2018 № 29-П, от 10.11.2016 № 23-П, от 19.01.2016 № 2-П и др.);

– понятность нормативно-правового механизма для субъектов соответствующих правоотношений (постановления от 17.02.2015 № 2-П, от 22.04.2014 № 12-П, от 23.12.2013 № 29-П).

Конституционный Суд в своих решениях неоднократно раскрывал последствия несоблюдения вышеуказанных требований, *проявляющихся в препятствии для адекватного уяснения содержания правового регулирования, возможности неограниченного усмотрения в процессе правоприменения и осуществлении произвола, а также ослаблении гарантий защиты конституционных прав и свобод. В связи с этим нарушение лишь требования определённости правовой нормы может быть вполне достаточно для признания такой нормы противоречащей Конституции.*

2. Предсказуемость правового регулирования и предвидение правовых последствий. Под предсказуемостью правового регулирования следует понимать возможность предвидения, ожидания и прогнозирования последствий совершаемого поведения. Поэтому взаимосвязь данных требований проявляется в том, что обеспечение предсказуемости правового регулирования способствует возможности индивида предвидеть последствия от выбранной им модели поведения [15, с. 73] (см., напр., постановление Конституционного Суда от 15.04.2020 № 18-П).

Говоря о месте и роли данного требования принципа правовой определённости, следует отметить, что, по мнению Г. А. Гаджиева, высказанному им к постановлению Конституционного Суда от 27.03.2012 № 8-П, *«принцип правовой определённости представляет собой широкую концепцию, стержнем которой является предсказуемость правового регулирования»*. Действительно, роль предсказуемости правового регулирования и возможности предвидеть последствия совершаемого поведения очень важна и заключается в придании участникам общественных отношений уверенности в неизменности их официально признанного статуса и действительности государственной защиты наполняющих его прав, иными словами, в том, что возникшее у них на основе действующего законодательства право будет уважаться властями и будет реализовано (см., например, определения от 26.03.2019 № 756-О, от 18.09.2014 № 1819-О, от 03.07.2014 № 1565-О). Между тем, из практики Конституционного Суда следует, что в большей степени рассматриваемые требования являются вытекающими из требований точности и чёткости правовых предписаний, которые позволяют участникам соответствующих правоотношений соотносить своё поведение и на основе обладающих ясностью предписаний осознавать правовые последствия (см., например, определения от 26.03.2020 № 805-О, от 18.07.2019 № 1896-О).

3. Стабильность. В контексте принципа правовой определённости стабильность следует рассматривать в двух смыслах: формальном и процессуальном.

В формальном смысле стабильность понимается как требование принципа правовой определённости, означающее устойчивость правового регулирования и сложившейся системы правоотношений. Такое значение стабильности придаёт Конституционный Суд, к примеру, в своём постановлении от 17.01.2019 № 4-П, по смыслу которого *«стабильность правоотношений составляет ядро принципа правовой определённости»*, а также в постановлении от 10.10.2013 № 20-П, согласно которому *«принцип правовой определённости включает в себя требования стабильности правопорядка и устойчивости сложившейся системы правоотношений»*. В этом смысле стабильность тесно связана с предсказуемостью правового регулирования, так как она способствует существованию возможности лица быть уверенным в неизменности своего правового статуса и пониманию последствий своего поведения.

В процессуальном смысле стабильность рассматривается как устойчивость судебных актов и является проявлением свойства *res judicata*, о чём речь пойдёт в следующем пункте.

4. **Res judicata.** Свойство *res judicata* является, пожалуй, требованием правовой определённости, наиболее изучаемым в юридической науке. *Res judicata* нашло своё выражение в ст. 6 Европейской конвенции по правам человека и пришло в практику конституционного правосудия из практики Европейского Суда по правам человека. При решении вопроса о соблюдении анализируемого требования Конституционный Суд неоднократно, в том числе в постановлении от 17.10.2017 г. № 24-П, определениях от 14.01.2016 № 14-О, от 16.07.2015 № 1618-О), подтверждал содержание *res judicata* ссылками на известные решения ЕСПЧ (например, постановления от 28.10.1999 по делу «Брумареску (Brumarescu) против Румынии», от 24.07.2003 по делу «Рябых против России», от 18.01.2007 по делу «Кот против России», от 31.07.2008 по делу «Проценко против России»)

Большинство учёных-правоведов считают, что *res judicata* является одним из аспектов принципа правовой определённости [8, с. 41–42; 16, с. 7]. В общем виде *res judicata* подразумевает недопустимость повторного рассмотрения разрешённого дела. По смыслу позиций Конституционного Суда, указанное требование включает в себя следующие элементы:

- признание законной силы судебных решений (постановления от 21.01.2020 № 3-П, от 12.11.2018 № 40-П, от 17.10.2017 № 24-П);
- окончательность и неопровержимость судебных решений (постановления от 18.03.2014 № 5-П, от 02.12.2013 № 26-П, определение от 08.12.2011 № 1616-О-О);
- общеобязательность судебных актов (определения от 23.04.2020 № 983-О, от 29.05.2012 № 1033-О);
- стабильность судебных актов (постановления от 20.02.2006 № 1-П, от 17.11.2005 № 11-П, определение от 20.12.2016 № 2685-О);
- исполнимость судебных решений (постановления от 12.07.2018 № 31-П, от 04.10.2016 № 18-П, от 21.12.2011 № 30-П).

Помимо рассматриваемых требований принципа правовой определённости в литературе встречаются мнения о необходимости выделения в качестве одного из проявлений принцип «*nullum crimen, nulla poena sine lege*». Данный принцип нашёл своё выражение в ст. 7 Конвенции по правам человека и дословно означает «нет преступления, нет наказания без указания на то в законе».

В отличие от *res judicata*, в отношении которого Конституционный Суд прямо предписывает его включение в содержание принципа правовой определённости, *nullum crimen, nulla poena sine lege* является самостоятельным и, как неоднократно утверждал Конституционный Суд, общепризнанным правовым принципом, закреплённым в ч. 2 ст. 54 Конституции (см., например, определения Конституционного Суда от 26.03.2020 № 810-О, 28.02.2019 № 536-О). Взаимосвязь между рассматриваемым принципом и правовой определёностью прослеживается в некоторых решениях органа конституционного контроля: «*В сфере уголовно-правового регулиро-*

вания – в силу статьи 54 (часть 2) Конституции РФ, основанной на принципе *nullum crimen, nulla poena sine lege* (нет преступления, нет наказания без указания на то в законе), – особое значение приобретает требование определённости правовых норм...», роль которого заключается «в точном и недвусмысленном определении признаков противоправного деяния в уголовном законе, непротиворечиво вписываемом в общую систему правового регулирования» (см., например, постановление Конституционного Суда от 10.02.2017 № 2-П, определения Конституционного Суда от 27.09.2019 № 2357-О, от 17.07.2018 № 2048-О).

Таким образом, мы полагаем, что принцип *nullum crimen, nulla sine lege* и требование определённости правовых норм соотносится как общее и частное. Требование правовой определённости входит в содержание принципа «нет преступления, нет наказания без указания на то в законе» и способствует точному определению противоправного деяния в соответствующем правовом акте.

Аналогично данному принципу предлагают рассматривать *non bis in idem* (запрет двойной ответственности за одно и то же деяние), нашедший своё выражение в ч. 1 ст. 50 Конституции, как составляющую правовой определённости. Так, ряд учёных в содержании принципа правовой определённости выделяют процессуальную сторону принципа *non bis in idem*, предполагающего запрет повторного осуществления уголовного преследования лица за преступление, за которое это лицо уже было осуждено или оправдано, и тем самым гарантирующего лицу неизменность его правового положения (стабильность окончательно определённого статуса) [18, с. 153; 9, с. 146]. Вместе с тем, в практике конституционного правосудия данный подход не нашёл своего отражения. Напротив, Конституционный Суд выделяет правило *non bis in idem* в качестве независимого конституционного принципа, имеющего общее значение (см., например, определения Конституционного Суда от 27.02.2020 № 312-О, от 17.07.2018 № 2025-О).

Кроме того, в сложившейся практике неоднозначно решается вопрос о выделении требования поддержания доверия к закону как одного из аспектов правовой определённости. Так, например, согласно постановлению Конституционного Суда от 14.11.2018 № 41-П, постановлению Конституционного Суда от 10.07.2018 № 30-П Суд рассматривает принцип правовой определённости и поддержания доверия к закону как два разных, но взаимосвязанных критерия надлежащего правового регулирования. Между тем, в постановлении Конституционного Суда РФ от 17.01.2019 № 4-П орган конституционного контроля указывает, что «*требования поддержания доверия к закону и стабильности гражданских правоотношений составляют ядро принципа правовой определённости, имеющего универсальное значение в отношениях государства и индивида*». Думается, что такой подход размывает границы как рассматриваемого принципа, так и требования поддержания доверия к закону и усиливает существующую неоднозначность их содержания, роли и места среди иных конституционных принципов.

Таким образом, содержание общеправового принципа правовой определённости понимается широко и разнопланово как в юридической науке, так и в судебной практике

органа конституционного правосудия. С учётом сложившейся практики Конституционного Суда можно сделать вывод о том, что содержание указанного принципа включает в себя такие требования, как формальная определённость, предсказуемость правового регулирования и предвидение правовых последствий, стабильность и *res judicata*.

Заключение. Правовая определённость имеет многоаспектный характер. Правовую определённость можно рассматривать как «принцип», «требование», «критерий», «степень», «состояние», «ситуация», а также «качество», «предписание», «режим», «мера». Данные категории взаимосвязаны между собой и отражают различные стороны явления правовой определённости.

Более того, сам принцип правовой определённости обладает обширным содержанием. Это во многом обусловлено тем, что правовая определённость является частью конституционной аргументации, которая находится в состоянии динамики, а не статики. Мы, в свою очередь, на основе сложившейся на сегодняшний день практики Конституционного Суда предлагаем выделять в содержании принципа правовой определённости такие элементы: требование формальной определённости, предсказуемость правового регулирования и предвидение правовых последствий, стабильность и свойство *res judicata*. Однако содержание рассматриваемого принципа, безусловно, нуждается в дальнейшем изучении и конкретизации с учётом дальнейшей деятельности органа конституционного контроля России, других судов.

Список литературы

1. Алексеева, Т. М. Правовая определённость судебных решений в уголовном судопроизводстве: понятие, значение и пределы : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Т. М. Алексеева. – Москва, 2015. – 263 с.
2. Велиева, Д. С. Содержание конституционного принципа правовой определённости: стандарты «качества закона» и правоприменительные императивы / Д. С. Велиева, М. В. Пресняков // Вестник Поволжского института управления. – 2019. – Т. 19, № 6. – С. 4–17.
3. Витрук, Н. В. Конституционное правосудие в России (1991–2001): очерки теории и практики / Н. В. Витрук. – Москва : Городец-издат, 2001. – 508 с.
4. Витрук, Н. В. Общая теория юридической ответственности : монография / Н. В. Витрук. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2020. – 432 с.
5. Дербышева, Е. А. Место принципа правовой определённости в системе принципов российского права // Право и политика. – 2017. – № 2. – С. 29–41. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=21817 (дата обращения: 03.06.2020).
6. Должиков, А. В. Уже пора умом Россию понимать? Требование пригодности в конституционном правосудии // Сравнительное конституционное обозрение. – 2020. – № 6 (139). – С. 51–86.

7. Евлоев, И. М. Правовая определённость: принцип или критерий? // Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства : сборник научных работ. Вып. 7. – Казань, 2012. – С. 250–256.
8. Ковтун, Н. Н. Правовая определённость и *res judicata* в решениях Европейского Суда по правам человека / Н. Н. Ковтун, Д. М. Шунаев // Российский судья. – 2014. – № 9. – С. 38–42.
9. Ковтун, Н. Н. Принцип правовой определённости в системе правовых позиций и итоговых выводов Конституционного Суда РФ / Н. Н. Ковтун, А. А. Зорин // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5 : Юриспруденция. – 2015. – № 3 (28). – С. 143–149.
10. Кряжкова, О. Как изменится Конституционный Суд. Первые впечатления от обновлённой законодательной модели // Адвокатская газета. – 10 ноября 2020 г. – URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/kak-izmenitsya-konstitutsionnyu-sud/> (дата обращения 18.03.2021).
11. Кряжкова, О. Н. Стратегия защиты в Конституционном Суде России / О. Н. Кряжкова, О. Г. Подоплелова. – Москва : Институт права и публичной политики, 2018. – 196 с.
12. Морозова, Л. А. Правовая определённость как общеправовой универсальный принцип реализации права // Социально-экономические явления и процессы. – 2017. – № 3. – С. 250–256.
13. Несмеянова, С. Э. Правовые проблемы становления специализированного конституционного контроля в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / С. Э. Несмеянова. – Екатеринбург, 1994. – 172 с.
14. Пресняков, М. В. Правовая определённость как качество права // Гражданин и право. – 2012. – № 10. – С. 20–35.
15. Рукавишникова, А. А. Генезис категории «правовая определённость» в современной юридической науке // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2014. – № 3 (13). – С. 70–83.
16. Самсонов, Н. В. Действие принципов правовой определённости и *res judicata* в гражданском процессе (в свете постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 17 октября 2017 г. № 24-П) // Арбитражный и гражданский процесс. – 2018. – № 3. – С. 6–11.
17. Сидоренко, А. И. Принцип правовой определённости в судебной практике: имплементация решений Европейского Суда по правам человека : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / А. И. Сидоренко. – Пермь, 2016. – 183 с.
18. Сидоренко, М. В. Правовая определённость как предмет правовых позиций и итоговых выводов Конституционного Суда России // Пробелы в российском законодательстве. – 2015. – № 5. – С. 152–154.

19. Чимакадзе, Ф. В. Правовая определённость: принцип или явление? // Принципы права: проблемы теории и практики : материалы VII всерос. науч.-практ. конф. Ч. 3. – Москва, 2017. – С. 49–56.

20. Шульженко, Ю. Л. Конституционный контроль в России / Ю. Л. Шульженко ; РАН. Ин-т государства и права. – Москва, 1995. – 175 с.

References

1. Alekseeva T. M. *Pravovaya opredelennost' sudebnykh reshenii v ugovnom sudoproizvodstve: ponyatie, znachenie i predely* [Legal certainty of court decisions in criminal proceedings: concept, meaning and limits]. Cand. Dis. (Legal Sci.). Moscow, 2015. 263 p.

2. Velieva D. S., Presnyakov M. V. Soderzhanie konstitutsionnogo printsipa pravovoi opredelennosti: standarty «kachestva zakona» i pravoprimenitel'nye imperativy [Content of the constitutional principle of legal certainty: “Law Quality” standards and law enforcement imperatives]. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya*, 2019, vol. 19, no. 6, pp. 4–17.

3. Vitruk N. V. *Konstitutsionnoe pravosudie v Rossii (1991–2001): ocherki teorii i praktiki* [Constitutional justice in Russia (1991–2001): essays on theory and practice]. Moscow: Gorodets-publ., 2001. 508 p.

4. Vitruk N. V. *Obshchaya teoriya yuridicheskoi otvetstvennosti* [General theory of legal liability. Monograph]. Moscow: Norma:INFRA-M Publ., 2020. 432 p.

5. Derbysheva E. A. Mesto printsipa pravovoi opredelennosti v sisteme printsipov rossiiskogo prava [Place of the principle of legal certainty in the system of principles of Russian law]. *Pravo i politika*, 2017, no. 2, pp. 86–92. Available at: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=21817 (accessed 03 June 2020).

6. Dolzhikov A. V. Uzhe pora umom Rossiyu ponimat'? Trebovanie prigodnosti v konstitutsionnom pravosudii [Is it time to understand Russia rationally? Test of suitability in constitutional adjudication]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, 2020, no. 6 (139), pp. 51–86.

7. Evloev I. M. Pravovaya opredelennost': printsip ili kriterii? [Legal certainty: principle or criterion?]. In: *Aktual'nye problemy teorii i praktiki konstitutsionnogo sudoproizvodstva: sbornik nauchnykh rabot, vyp. 7* [Actual problems of the theory and practice of constitutional proceedings. Collection of scientific papers, vol. 7]. Kazan, 2012, pp. 250–256.

8. Kovtun N. N., Shunaev D. M. Pravovaya opredelennost' i res judicata v resheniyakh Evropeiskogo Suda po pravam cheloveka [Legal certainty and res judicata in decisions of the European Court of human rights]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 5: Yurisprudentsiya*, 2015, no. 3 (28), pp. 143–149.

10. Kryazhkova O. Kak izmenitsya Konstitutsionnyi Sud. Pervye vpechatleniya ot obnovlennoi zakonodatel'noi modeli [How the Constitutional Court will change. First impressions of the updated legislative model]. *Advokatskaya gazeta*, 2020, November 10.

Available at: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/kak-izmenitsya-konstitutsionnyy-sud/> (accessed 18 March 2021).

11. Kryazhkova O. N., Podoplelova O. G. *Strategiya zashchity v Konstitutsionnom Sude Rossii* [Defense strategy in the Constitutional Court of Russia]. Moscow : Institute of Law and Public Policy, 2018. 196 p.

12. Morozova L. A. Pravovaya opredelennost' kak obshchepравovoi universal'nyi printsip realizatsii prava [Legal certainty as a general legal universal principle of the exercise of law]. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy*, 2017, no. 3, pp. 250–256.

13. Nesmeyanova S. E. *Pravovye problemy stanovleniya spetsializirovannogo konstitutsionnogo kontrolya v Rossiiskoi Federatsii* [Legal problems of the formation of specialized constitutional control in the Russian Federation]. Yekaterinburg, 1994, 172 p.

14. Presnyakov M. V. Pravovaya opredelennost' kak kachestvo prava [Legal certainty as a quality of law]. *Grazhdanin i pravo*, 2012, no. 10, pp. 20–35.

15. Rukavishnikova A. A. Genezis kategorii «pravovaya opredelennost'» v sovremennoi yuridicheskoi nauke [Genesis of the category «legal certainty» in modern legal science]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo*, 2014, no. 3 (13), pp. 70–83.

16. Samsonov N. V. Deistvie printsipov pravovoi opredelennosti i res judicata v grazhdanskom protsesse (v svete postanovleniya Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 17 oktyabrya 2017 goda № 24-P) [Operation of principles of legal certainty and res judicata in the civil procedure (in view of resolution no. 24-П of the Constitutional Court of the Russian Federation dd. October 17, 2017)]. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess*, 2018, no. 3, pp. 6–11.

17. Sidorenko A. I. *Printsipy pravovoi opredelennosti v sudebnoi praktike: implementatsiya reshenii Evropeiskogo Suda po pravam cheloveka* [Principle of legal certainty in judicial practice: implementation of decisions of the European Court of Human Rights]. Cand. Dis. (Legal Sci.). Perm, 2016. 183 p.

18. Sidorenko M. V. Pravovaya opredelennost' kak predmet pravovykh pozitsii i itogovykh vyvodov Konstitutsionnogo Suda Rossii [Legal certainty as a subject of legal positions and final conclusions of the Constitutional Court of Russia]. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve*, 2015, no. 5, pp. 152–154.

19. Chimakadze F. V. Pravovaya opredelennost': printsip ili yavlenie? [Legal certainty: principle or phenomenon?]. In: *Printsipy prava: problemy teorii i praktiki: materialy VII Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, ch. 3* [Principles of Law: Problems of Theory and Practice: Materials of the VII All-Russian Scientific and Practical Conference, Part 3]. Moscow, 2017, pp. 49–56.

20. Shul'zhenko Yu. L. *Konstitutsionnyi kontrol' v Rossii* [Constitutional control in Russia]. Moscow: Institute of State and Law Publ., 1995. 175 p.

Научная статья

УДК 341.221.2(510)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-3/182-199>

ПОЗИЦИЯ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ В ОТНОШЕНИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТРАНСГРАНИЧНОЙ РЕКИ МЕКОНГ: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Нгуен Тхи Ким Ань¹, Российский университет дружбы народов (РУДН),
Москва, Россия
E-mail: kimanh.nguyen281293@gmail.com

Аннотация. Бассейн реки Меконг и её притоков находится на полуострове Индокитай и объединяет территории шести государств. Меконг в своём верхнем течении (т.н. «Верхний Меконг») протекает по территории Китая (16%) и Мьянмы (2%), а в нижнем течении (т.н. «Нижний Меконг») – по территории Лаоса (35%), Вьетнама (11%), Камбоджи (18%) и Таиланда (18%). Соглашение по реке Меконг 1995 г. является единственным международным актом регионального характера, регулирующим совместное использование реки Меконг, в рамках которого учреждена Комиссия реки Меконг – главный международный институциональный механизм сотрудничества между прибрежными государствами. При этом только государства Нижнего Меконга сотрудничают в рамках многостороннего Соглашения 1995 г., а Китай и Мьянма предпочитают двухсторонние договоренности, что усложняет процесс координации по разным аспектам, таким как: производственная безопасность, доступ к чистой питьевой воде, экологическая безопасность, борьба с изменением климата, предотвращение и смягчение последствия стихийных бедствий и другие вопросы. Учитывая, что по территории Мьянмы протекает всего 2 % Меконга, то наибольший интерес вызывает именно анализ позиции Китая, который как самый мощный игрок в регионе осуществляет собственную внешнюю политику под названием «мягкая дипломатия» по всем направлениям, включая водный сектор. Благодаря выгодному географическому положению Китай активно эксплуатирует реку Меконг и её ресурсы, строит ГЭС на главном течении и притоках. Опираясь на принцип суверенного права над всеми водными ресурсами на его территории, Китай старается решать все разногласия и противоречия с соседними государствами исключительно на основе двухсторонних переговоров без вмешательства третьих сторон. Вместе с тем нужно отметить, что в последние годы Ки-

¹ Нгуен Тхи Ким Ань, аспирант кафедры международного права, Российский университет дружбы народов (РУДН), Москва, Россия

тай делает небольшие шаги для укрепления доверия и сотрудничества между государствами бассейна реки Меконг, так с Комиссией реки Меконг были заключены соглашения о предоставлении гидрологической информации, а также учреждены механизмы сотрудничества в бассейне Ланьцанцзян-Меконг. Следует отметить, что привлечение Китая к полному участию в общем международно-правовом режиме использования вод Меконга является критически важным. Всестороннее доверие может помочь устранить разногласия между всеми прибрежными государствами на основе взаимной выгоды и обмена информацией, что поможет обеспечить региональную безопасность и политическую стабильность в регионе.

Ключевые слова: трансграничная река Меконг, Соглашение по реке Меконг 1995 г., Комиссия реки Меконг, мягкая дипломатия, добрососедская дипломатия, Конвенция о праве несудоходных видов использования международных водотоков 1997 г., устойчивое развитие.

Для цитирования: Нгуен Тхи Ким Ань. Позиция Китайской Народной Республики в отношении использования трансграничной реки Меконг: международно-правовой анализ // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2021. № 3. С. 182–199. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-3/182-199>.

Original article

THE POSITION OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA REGARDING TRANSBOUNDARY MEKONG RIVER UTILIZATION: INTERNATIONAL LEGAL ANALYSIS

Nguyen Thi Kim Anh¹, Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Russia
E-mail: kimanh.nguyen281293@gmail.com

Abstract. The Mekong River basin and its tributaries are located on the Indochina Peninsula and unites territories of six states. The upper Mekong reaches (so-called «Upper Mekong») flows through the territory of China (16%) and Myanmar (2%), and the lower reaches (so-called «Lower Mekong») – through the territory of Laos (35 %), Vietnam (11%), Cambodia (18%) and Thailand (18%). The 1995 Mekong Agreement is sole multi-lateral regional act governing water sharing of the Mekong River, under which the Mekong River Commission was established – the main international institutional mechanism for cooperation between riparian states. At the same time, only four Lower Mekong states co-

---

¹ *Nguyen Thi Kim Anh*, Ph.D Student of Department of International law Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia.

operate within the 1995 multilateral Agreement framework, while China and Myanmar prefer bilateral agreements, which complicates coordination process on various aspects, such as: industrial safety, access to clean drinking water, environmental safety, and the fight against climate changes, prevention and mitigation of natural disasters and other issues. Considering that only 2% of the Mekong flows through Myanmar's territory, analysis of China's water position, which, as the most powerful player in the region, carries out its own foreign policy called «soft diplomacy» in all areas, including the water sector, is of the greatest interest. Due to its favorable geographical position, China is actively exploiting Mekong River and its resources, building hydroelectric stations on the main stream and tributaries. Relying on the principle of sovereign right over all water resources on its territory, China is trying to resolve all disagreements and contradictions with neighboring states solely on the basis of bilateral negotiations without third parties' intervention. At the same time, it should be noted that in recent years, China has taken small steps to build trust and cooperation between Mekong states, so agreements on provision of hydrological information were concluded with the Mekong River Commission, and a mechanism for cooperation in the Lancangjiang-Mekong Basin was established. It should be noted that engaging China in full participation in general international legal regime for Mekong waters utilization is critically important. Comprehensive trust can help bridge differences between all riparian states on the basis of mutual benefit and information sharing, thus avoiding regional security and political stability in the region.

Keywords: transboundary Mekong River, 1995 Mekong River Agreement, Mekong River Commission, soft diplomacy, good neighbor diplomacy, 1997 Convention on the Law of the Non-Navigational Uses of International Watercourses, sustainable development.

For citing: Nguyen Thi Kim Anh. The position of the People's Republic of China regarding transboundary Mekong river utilization: international legal analysis // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2021. No. 3. P. 182–199. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-3/182-199>.

Рассмотрим политику Китая в отношении трансграничных водотоков в целом, чтобы более детально разобраться, почему он дистанцируется от членства в международной Комиссии реки Меконг (далее – Комиссия), которая учреждена в рамках Соглашения о сотрудничестве по обеспечению устойчивого развития бассейна реки Меконг, подписанного Камбоджей, Лаосом, Таиландом и Вьетнамом в апреле 1995 г. в Чианграй [1].

В 1951 г. Китай присоединил Тибетский автономный район к своей государственной территории и тем самым создал условия для того, чтобы стать страной с богатыми водными ресурсами. Сегодня Китай занимает 6-е место среди государств с богатыми речными ресурсами, к которым относятся: Бразилия, Россия, Канада, США, Индонезия. Китай разделяет 42 трансграничных водотока (включая озёра)

[2] с 17 государствами (с 14 из них имеет общие границы, а с 3 не имеет). Однако система рек в Китае распределяется неравномерно, средний объём воды на душу населения является в целом низким (121-е место в мире). Трансграничные водные отношения Китая характеризуются напряжённостью разного уровня.

Тибетский автономный район является истоком главных рек не только для Китая, но и для всей Южной Азии, там берут истоки реки Хуанхэ, Янцзы, Меконг, Салуин, Брахмапутра, Инд, которые впадают в Тихий и Индийский океаны [3, с. 121]. В большинстве случаев Китай находится в верхнем течении рек, что является основой для развития гидроэнергетики. Благодаря богатым водным ресурсам Китай занимает первое место в мире по количеству ГЭС и объёму вырабатываемой гидроэнергии (1302 ТВт/ч – по статистике 2019 г.) [4]. В бассейне реки Меконг Китай построил первую ГЭС Манван ещё в 1986 г., а в настоящее время Китай имеет 26 ГЭС на главном течении и 52 ГЭС на притоках Меконга, а также ещё запланированы 10 ГЭС на Меконге [5, с. 25]. Можно утверждать, что использование естественных ресурсов, в том числе водных, играет важную роль для развития экономики Китая.

В качестве государства, расположенного в верхнем течении многих трансграничных рек, Китай осуществляет собственную политику, максимально реализуя национальные интересы. Следовательно, Китай опирается на принцип государственного суверенитета над естественными ресурсами, находящимися на его территории. Китай предлагает решать подобные вопросы с прибрежными государствами исключительно в рамках двухсторонних переговоров, без вмешательства третьих лиц. Данный переговорный процесс называется «мягкой дипломатией», он представляет собой три ключевых элемента: концепция защиты национальных интересов, двухсторонние отношения, акцент только на процедурных и технических аспектах сотрудничества [6, с. 39]. Несмотря на большое количество трансграничных рек на его территории, Китай не является участником Конвенции о праве несудоходных видов использования международных водотоков 1997 г. (далее – Конвенция 1997 г.) [7]*. Более того, Китай является одним из трёх государств (вместе с Бурунди и Турцией), который голосовал против принятия проекта Конвенции 1997 г. [8, с. 99], которая сегодня определяет основные принципы, регулирующие совместное использование водных ресурсов прибрежными государствами, обязует государства справедливо и разумно использовать трансграничный водоток, не причинять значительный ущерб, обязует государства сотрудничать, а также выполнять разные процедурные правила по обмену данными и проведению консультаций. В частности, в Конвенции 1997 г. закреплены следующие принципы: справедливого и разумного использования и участия (ст. 5), обязательства не наносить значительный ущерб (ст. 7), общего обязательства сотрудничать (ст. 8). Китай представ-

---

* По данным на март 2021 г. Конвенцию ратифицировали 37 государств (*Прим. авт.*).

ляет четыре причины, объясняющие его голосование «против» принятия текста Конвенции: 1) отсутствие общего согласия государств; 2) Конвенция не содержит ссылку на государственный суверенитет (в ст. 8 говорится, что «государства водотока сотрудничают на основе суверенного равенства» – т.е. акцент именно на равенстве); 3) наличие предполагаемого дисбаланса между государствами верховья и низовья по течению трансграничных рек; 4) неприятие обязательных механизмов урегулирования споров (ст. 33 Конвенции 1977 г. предполагает в т.ч. разрешение споров Комиссией по установлению фактов) [9, с. 395]. Попутно отметим относительно остальных двух государств, проголосовавших против принятия Конвенции: Республика Бурунди не дала подробного разъяснения своего голосования, а Турция, аналогично китайской позиции, выразила беспокойство в отношении спорных вопросов (принцип справедливого и разумного использования, принцип непричинения вреда, механизм разрешения споров обязательного характера) [10, с. 190].

На национальном уровне Китай детально разработал законодательство, регулирующее водные отношения (Закон об охране окружающей среды 1989 г. (пересмотрен в 2014 г.) [11], Лесной кодекс 1984 г. (с изменениями в 1998 г.) [12], Закон о сохранении воды и почвы 1991 г. [13], Закон о предотвращении и контроле загрязнения воды 1984 г. (с изменениями в 1996 г.) [14], Водный закон 1988 г. (пересмотрен в 2002 г.) [15] и др.). В законодательстве зафиксирован принцип: водные ресурсы находятся в собственности государства. В 2012 г. Китай разработал административный документ под названием «Мнения Государственного Совета КНР о применении строгой системы контроля водных ресурсов», который состоит из 5 разделов и 20 пунктов (т.н. «стратегия о трёх красных линиях»: контроль освоения и использования водных ресурсов; контроль эффективности водопользования; ограничение выбросов загрязняющих веществ в водные функциональные зоны») [16]. Целями принятия указанного документа являются: учреждение системы управления водными ресурсами; содействие рациональному развитию водных ресурсов; использование, сохранение и защита водных ресурсов и обеспечение устойчивого развития в Китае.

Стоит отметить, что экономика Китая очень быстро развивается, она вышла на второе мировое место после США. По количеству населения Китай занимает первое место в мире, и численность населения продолжает расти. Всё это увеличивает огромное давление на естественные ресурсы и экосистемы Китая, включая водную экосистему. Надо отметить, что нагрузка на речные ресурсы, включая трансграничные и внутренние, ложится огромная, поскольку они используются для достижения таких целей, как орошение, производственная и сельскохозяйственная деятельность, обеспечение безопасности питьевой воды и др. Разные исследования показывают, что от 30 до 70 % рек в Китае являются серьезно загрязнёнными, некоторые реки больше не впадают в море, в результате чего значительно уменьшилось

их биоразнообразии [3, с. 129]. Таким образом, водная политика Китая является крайне важной не только для обеспечения внутренней безопасности, но и для всего Азиатского региона, так как затрагиваются национальные интересы многих государств, разделяющих трансграничные водные ресурсы с Китаем. Это особенно важно, учитывая, что в Азии около 1,5 млрд людей живут вдоль бассейна трансграничных рек.

В соответствии с официальным документом Министерства по водным ресурсам, в Китае в настоящее время уровень использования водных и гидроэнергетических ресурсов трансграничных рек всего 8% и 7% соответственно, что намного ниже среднего показателя для внутренних рек в Китае, а также показателей крупных рек в других странах. Более того, Китай официально заявляет свою позицию: в первую очередь учитываются интересы жителей на основании равенства, затем баланс между экономическим развитием и экологической безопасностью, а затем – хорошие отношения и координация с соседними государствами [17].

К настоящему времени Китай создал механизм по координации и сотрудничеству по поводу использования трансграничных водных ресурсов с соседними государствами в разных областях: обмен информацией для прогнозирования в сезон наводнений; борьба с наводнениями; аварийное реагирование; улучшение состояния пограничных рек; использование и охрана водных ресурсов и др. В основном Китай очень активно заключает только двухсторонние соглашения об обмене информацией и сборе данных, несмотря на то, что многие реки пересекают границы более чем двух государств. Китай имеет около пятидесяти соглашений по трансграничным водам [18]. В списке государств, с которыми Китай имеет соглашения, входят: Россия [19, с. 250], Северная Корея, Казахстан, Монголия, Мьянма, Лаос, Вьетнам, Индия, Афганистан, Бутан, Кыргызстан, Непал, Пакистан. Речь идёт прежде всего о заключении двухсторонних соглашений или меморандумов о взаимопонимании (MOUs), а также об участии Китая в региональных организациях или органах в качестве наблюдателя [20]. Подход «одно государство – одно соглашение» (one-country, one-treaty) является главным принципом осуществления политики «мягкой дипломатии» по урегулированию совместного использования трансграничных водотоков Китая [18].

Следует сказать, что правовая основа межгосударственного водопользования между Китаем и другими прибрежными государствами является недостаточной, особенно с государствами, расположенными к югу от Китая. К сожалению, практика показывает, что Китай в любой момент может отказаться от обязательств, закрепленных в меморандумах о взаимопонимании, которые, правда, относятся к документам «мягкого» права, в т.ч. из-за отсутствия механизма контроля и обязательных мер. В качестве примера можно привести Индию. Отношения между Китаем и Индией довольно напряжённые, они содержат определённый конфликтный потенциал. В це-

лом, между двумя государствами достигнут ряд договорённостей, которые усиливают доверие и укрепляют индийско-китайское сотрудничество [21, с. 273]: Меморандум о взаимопонимании при предоставлении гидрологической информации по реке Ялузангбу-Брахмапутра в сезоне наводнения 2002 г. [22]; Меморандум о взаимопонимании между Министерством водных ресурсов Республики Индия и Министерством водных ресурсов Китайской Народной Республики по обмену гидрологическими данными по реке Сатледж-Лангкен-Зангбо 2010 г. [23]; Заявление об учреждении на экспертном уровне механизма взаимодействия и сотрудничества в сезон наводнений по обмену гидрологическими данными, совместному управлению в чрезвычайных ситуациях и другим проблемам трансграничных рек 2006 г. [24]; Меморандум о взаимопонимании между Министерством водных ресурсов Республики Индия и Министерством водных ресурсов Китайской Народной Республики об укреплении сотрудничества по трансграничным рекам 2013 г. [25].

Несмотря на это, в 2017 г. Китай нарушил обязательство передавать информацию для прогнозирования, когда отказался от передачи данных Индии [26]: Китай в качестве государства, расположенного в верхнем течении р. Брахмапутры, в одностороннем порядке изменил естественное состояние реки для построения ГЭС и создания искусственного озера. В последние годы стали активными принципиальные основы использования трансграничных вод в мировой практике в целом. При этом, справедливо ли когда только Китай обладает водными ресурсами Тибета, если реки, начинающиеся здесь, являются источником обеспечения водой многих азиатских стран [27]. Более того, Китай в 2021 г. заявил о строительстве самой крупной в мире ГЭС в тибетском регионе на р. Брахмапутра (в Китае она называется «р. Ярлунг-Цангпо») [28]. Отсутствие общепризнанного универсального договора по трансграничным водам с участием Китая, как главного игрока в регионе и в мире в целом, усложняет процесс проведения переговоров об общей политике, касающейся управления трансграничными реками.

Рассматривая водную политику Китая в отношении р. Меконг (китайское название «Ланьцанцзян»^{*}), можно отметить следующие моменты. В 1990-х гг. Китай начал активную эксплуатацию р. Меконг в целях рыболовства, орошения и построения ГЭС, это является главной причиной напряжённости отношений с государствами, расположенными ниже по течению реки (Вьетнам, Таиланд, Лаос и Камбоджа). Некоторые учёные и дипломаты сравнивают отношение Китая к использованию р. Меконг с отношением к Южно-Китайскому морю [29, с. 16], поскольку использование и распределение водных ресурсов затрагивают политические, экономические, социальные интересы и приводят к конфликтному состоянию заинтересованных сторон региона. Более того, государства бассейна Нижнего Ме-

^{*} Ланьцанцзян – название реки Меконг на китайском языке, в остальных государствах используют название Меконг.

конга являются наиболее уязвленными сторонами, поскольку процесс эксплуатации реки со стороны Китая непосредственно затрагивает их экономическое развитие и продовольственную безопасность в регионе [30, с. 192–193].

Помимо двухсторонних соглашений с отдельными прибрежными государствами бассейна реки Меконг с 1996 г. Китай официально вступил в диалог с Комиссией по реке Меконг в качестве т.н. «партнёра диалога». Причины неучастия Китая в Соглашении по реке Меконг 1995 г. и неприсоединения в качестве полноправного члена к Комиссии разнообразны. Во-первых, у Китая не существует особого интереса участвовать в региональном международном органе, который ограничивает его права как государства Верхнего Меконга, поскольку участие повлечёт наложение обязательств сообщать и обсуждать все планируемые проекты по течению реки. Во-вторых, как отмечено выше, Китай осуществляет собственную политику и предполагает заключать двухсторонние соглашения по регулированию совместного использования трансграничных водотоков. В-третьих, растущая экономика и прирост населения Китая увеличивает и без того огромную нагрузку на естественные ресурсы, в том числе и водные ресурсы. Китайское правительство должно запланировать долгосрочную стратегию по запасам пресной воды для удовлетворения своих потребностей. И, в-четвёртых, Китай является одной из самых мощных экономик в мире и постоянно оказывает своё влияние на другие государства. Путём «добрососедской дипломатии», которая является сочетанием традиционной дипломатии, экономической дипломатии [31, с. 13] и разных экономических инициатив, Китай укрепляет не только политическую, но и финансовую связь и координацию в регионе.

Следует отметить, что привлечение Китая к полному участию в общем международно-правовом режиме использования вод Меконга является критически важным, чтобы совершенствовать этот режим и укреплять сотрудничество. Всестороннее доверие может помочь устранить разногласия между всеми прибрежными государствами на основе взаимной выгоды и обмена информацией, что поможет избежать спорных ситуаций. Иными словами, только сотрудничество сможет обеспечить региональную безопасность, а также политическую стабильность. Укрепляемый международно-правовой режим использования вод Меконга способен регулировать совместное использование и обеспечить устойчивое развитие в регионе.

В качестве «партнёра диалога» с Комиссией Китай заключил Соглашение о предоставлении гидрологической информации реки Меконг в течение сезона наводнения с Комиссией по р. Меконг в 2002 г. (с изменениями в 2008 и 2013 гг.) [32]. В 2020 г. между Китаем и государствами Комиссии было подписано новое соглашение о предоставлении круглогодичной гидрологической информации реки Меконг [33] (к сожалению, тексты данных Соглашений не являются общедоступным).

В целом существует явная нехватка данных, адекватных международно-правовых и институциональных основ, способных регулировать совместное использование, управление и сохранение реки Меконг между Китаем и четырьмя государствами низовья [34, с. 240].

В 2012 г. Таиланд предлагал инициативу устойчивого развития в отношении использования Ланьцанцзян-Меконг, которая получила широкую поддержку со стороны китайского правительства. Китай в 2014 г. на 17-м Саммите Китай – АСЕАН предложил сформировать механизм сотрудничества Ланьцанцзян-Меконг (the Lancang-Mekong Cooperation Framework), при котором будет действовать Научно-исследовательский центр (далее – МЛС). В 2016 г. шесть прибрежных государства бассейна реки Меконг подписали Декларацию Санья о сотрудничестве [35]. Координация будет проходить по трём направлениям: проблематика политики и безопасности; экономическое, культурно-социальное и устойчивое развитие; обмен информацией и техническими данными между шестью прибрежными государствами. Также в Декларации Санья 2016 г. было зафиксировано пять приоритетных областей сотрудничества: укрепление доверия; трансграничное экономическое сотрудничество; сельское хозяйство; сокращение бедности; управление водными ресурсами [36]. В соответствии с данной Декларацией были разработаны приоритетные сто проектов, которые заложили прочную основу для всестороннего и долгосрочного сотрудничества между государствами [37]. Например, Китай предоставил остальным государствам кредиты со специальной ставкой для развития инфраструктуры.

Рассматривая правовую основу деятельности механизма сотрудничества Ланьцанцзян-Меконг отметим следующее. В преамбуле Декларации Санья 2016 г. были закреплены следующие принципы: принцип консенсуса, принцип равенства, принцип консультаций и координации, добровольности, принцип общего вклада и общей взаимовыгоды, а также принцип соответствия Уставу ООН и международному праву. К сожалению, очень сложно обеспечивать осуществление перечисленных принципов на практике из-за наличия финансовых долгов перед Китаем, а также историко-геополитических напряженностей региона, которые до сих пор влияют на дипломатические отношения между государствами-членами. Более того, из шести прибрежных государств только Вьетнам ратифицировал Конвенцию о праве несудоходных видов использования международных водотоков 1997 г. – основной международный документ, регулирующий совместное использование международных вод. В механизме сотрудничества Ланьцанцзян-Меконг в основном отсутствует независимый характер – важнейший элемент международной организации, поскольку страны механизма учредили в Китае Центр сотрудничества с целью укрепления всестороннего сотрудничества по обмену техническими данными, борьбе с засухой и наводнениями, совместным исследованиям и другим аспектам, связанным с использованием водных ресурсов реки Меконг.

Надо сказать, что в Декларации Санья 2016 г. не определены правовой статус и юридическая природа деятельности данного Центра сотрудничества, а также отсутствует механизм контроля выполнения обязательств [38]. Получается так, что Китай как наиболее экономически развитое государство обладает благоприятными условиями для руководства Центром, а также правами использования и распространения полученных данных.

В пятилетнем плане действий по сотрудничеству Ланьцанцзян-Меконг (2018–2022 гг.) [39] определены следующие направления сотрудничества: обмен данными, информацией и опытом в управлении трансграничными водными ресурсами по разным секторам, таким как адаптация к изменению климата, безопасность плотин, безопасность питьевой воды, борьба с наводнениями и засухами. Следует сказать, что принятие актов «мягкого» права по совместному управлению использованием водных ресурсов в бассейне реки Меконг создаёт предпосылки для укрепления доверия между государствами региона. Однако в целях усиления эффективности такого сотрудничества должны приниматься более конкретные положения не только по процедурным вопросам, но и оперативным секторам деятельности. Механизм контроля и обеспечения выполнения также крайне важен среди приоритетных направлений сотрудничества государств бассейна реки Меконг.

Касательно обмена данными и информацией ст. 7 Вьентьянской декларации 2020 г., принятой на третьей встрече лидеров механизма сотрудничества Меконг-Ланьцанцзян [40], установила следующее. Обмен гидрологической информацией играет важную роль для достижения устойчивого использования водных ресурсов на основе взаимной выгоды между прибрежными государствами, он будет осуществляться путём заключения Меморандума между Центром МЛС и Секретариатом Комиссии по р. Меконг. На встрече в 2020 г. «китайская сторона заявила, что, начиная с этого года, будет делиться со странами бассейна Меконга гидрологической информацией, с тем чтобы совместно создать платформу сотрудничества в области водных ресурсов. Это имеет большое значение для сельскохозяйственных регионов вдоль реки Меконг» [41].

Несмотря на геостратегические интересы и программу добрососедства с Таиландом и Вьетнамом, Китай является наиболее активным экономическим партнёром Лаоса по инвестициям в производство и строительство [42, с. 296]. Относительно использования реки Меконг со стороны Лаоса отметим, что с помощью китайского капитала он занимается различными видами экономической деятельности: развивает инфраструктуру, занимается гидроэнергетикой, речным хозяйством, водным транспортом, пищевой промышленностью и др.

Получается, что Китай, в качестве самого мощного прибрежного государства, усиливает своё экономическое влияние в каждом из прибрежных государств и потому играет важнейшую роль в управлении водными ресурсами реки Меконг и обеспечении её экологической безопасности [43, с. 1159].

В заключение можно сказать, что, несмотря на отказ от участия в международных договорах по совместному использованию трансграничных рек (глобального или регионального характера), Китай осуществляет собственную водную политику для регулирования совместного использования реки Меконг, предлагает некоторые инициативы сотрудничества между прибрежными государствами. Механизм сотрудничества Ланьцанцзян-Меконг за пять лет накопил немало положительного опыта в области сельского хозяйства, борьбы с бедностью, в использовании водных ресурсов; хотя он имеет различные недостатки, но продолжает играть важную роль в укреплении всесторонней координации в бассейне реки Меконг.

Список литературы

1. Agreement on the cooperation for the sustainable development of the Mekong River basin 5 April 1995. – URL: <http://www.mrcmekong.org/assets/Publications/agreements/95-agreement.pdf> (дата обращения: 05.09.2021).
2. Svensson, J. China's water policy and the sharing of international rivers in Asia. – URL: <http://www.globalwaterforum.org/2018/03/21/q-a-chinas-water-policy-and-the-sharing-of-international-rivers-in-asia/> (дата обращения: 05.05.2021).
3. Борисова, Е. А. Трансграничные реки в политике Китая // Восток = Orients. – 2015. – № 2. – С. 121–131.
4. International hydropower association. Country profile. China. – URL: <https://www.hydropower.org/country-profiles/china#:~:text=According%20to%20IHA's%202020%20Hydropower,at%20up%20to%20600%20GW> (дата обращения: 05.05.2021).
5. Bokeriya, S. Hydropower development in Mekong River basin / S. Bokeriya, Nguyen Thi Ngoc Lan // Asia and Africa today. 2019. – № 10. – С. 24–29.
6. Рысбеков, Ю. Х. Управление водными ресурсами в Китае / Ю. Х. Рысбеков, А. Ю. Рысбеков. – Ташкент, 2014. – 80 с. – (Информационный сборник НИЦ МКВК; № 41).
7. Конвенция о праве несудоходных видов использования международных водотоков 1997 г. : принята резолюцией 51/229 Генеральной Ассамблеи от 21 мая 1997 г. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/watercrs.shtml (дата обращения: 05.05.2021).
8. Menniken, T. China's performance in international resource politics: lessons from the Mekong // Contemporary Southeast Asia. – 2007. – Vol. 1 (29). – P. 97–120.
9. Devlaeminck, D. J. China and global water conventions in light of recent development: Time to take a second look / D. J. Devlaeminck, Xisheng Huang // Review of European, comparative and environmental law. – 2020. – Vol. 29 (3). – P. 395–405.
10. Rieu-Clarke, A. Still not in force: should states support the 1997 UN Watercourses Convention? / A. Rieu-Clarke, F. R. Loures // Review of European Community & International Environmental Law. – 2009. – Vol. 18 (2). – P. 185–197.

11. Environmental protection law of the People's Republic of China. Adopted on December 26, 1989, revised on April 24, 2014. – URL: <http://www.china.org.cn/english/environment/34356.htm> (дата обращения: 05.05.2021).

12. Forestry law of the People's Republic of China. Adopted on September 20, 1984, amended on April 29, 1998. – URL: <http://www.china.org.cn/english/environment/207457.htm> (дата обращения: 05.05.2021).

13. Law of the People's Republic of China on water and soil conservation. Adopted on June 29, 1991. – URL: http://www.china.org.cn/environment/2007-08/20/content_1034358.htm (дата обращения: 05.05.2021).

14. Law of the People's Republic of China on prevention and control water pollution. Adopted on May 11, 1984, amended on May 15, 1996. – URL: http://www.china.org.cn/government/laws/2007-04/17/content_1207459.htm (дата обращения: 05.05.2021).

15. Water law of the People's Republic of China. Adopted on January 21, 1998. – URL: <http://www.china.org.cn/english/government/207454.htm> (дата обращения: 05.05.2021).

16. Ministry of Water Resources. Briefings on the opinions of the state council on implementing the strictest water resources management system. – URL: http://www.china.org.cn/china/2012-02/17/content_24664350.htm (дата обращения: 05.05.2021).

17. Ministry of Water Resources, People's Republic of China. International cooperation on trans-boundary rivers between China and its neighbouring countries 2015. – URL: <http://www.mwr.gov.cn/english/mainsubjects/201604/P020160406513798903048.pdf> (дата обращения: 05.05.2021).

18. Devlaeminck, D. J. China's water sharing treaties – Reciprocity in practice. China water risk. 2019. – URL: <https://www.chinawaterrisk.org/opinions/chinas-water-sharing-treaties-reciprocity-in-practice/> (дата обращения: 05.05.2021).

19. Солнцев, А. М. От конфликта к сотрудничеству: российско-китайские отношения в области управления водными ресурсами // *Международное право = International Law*. – 2009. – № 1. – С. 246–261.

20. Lei, Xie. China's international transboundary rivers: Politics, security and diplomacy of shared water resources / Lei Xie, Shaofeng Jia. – Routledge, 2017. – 222 p. – DOI 4324/9781315537900.

21. Солнцев, А. М. Проблема использования трансграничных рек в странах БРИКС // *Правовое регулирование охраны окружающей среды в странах БРИКС: монография / под ред. Е. Ф. Гладун, О. В. Захаровой, Е. А. Карагулян*. – Тюмень : Изд-во Тюменского государственного университета, 2018. – С. 261–277.

22. Memorandum of Understanding between the Ministry of Water Resources, the Republic of India and the Ministry of Water Resources, the People's Republic of China

upon Provision of Hydrological Information of the Yaluzangbu/Brahmaputra River in Flood Season by China to India. – URL: <http://waterbeyondborders.net/wpcontent/uploads/2018/05/Indo-China-MOU-on-Brahmaputra.pdf> (дата обращения: 05.09.2021).

23. Memorandum of Understanding on Hydrological Data Sharing on River Sutlej / Langqen Zangbo. – URL: <https://jalshakti-dowr.gov.in/international-cooperation/bilateral-cooperation-with-neighbouring-countries/india-china-cooperation> (дата обращения: 05.09.2021).

24. India-China cooperation. – URL: <http://mowr.gov.in/international-cooperation/bilateral-cooperation-with-neighbouring-countries/india-china-cooperation> (дата обращения: 05.05.2021).

25. Memorandum of Understanding between the Ministry of Water Resources, the Republic of India and the Ministry of Water Resources, the People's Republic of China on Strengthening Cooperation on Trans-border Rivers on October 23, 2013. – URL: <https://mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/22368> (дата обращения: 05.05.2021).

26. Chellaney, B. China is stealthily waging a water war (January 12, 2018). – URL: <https://www.theglobeandmail.com/opinion/china-is-stealthily-waging-a-water-war/article37583969/> (дата обращения: 05.05.2021).

27. Свиначук, Т. О. Трансграничные реки Индии и Китая: проблемы совместного использования вод // Водные ресурсы Индии: экономические, политические, социальные аспекты : материалы научной конференции. – Москва : Институт востоковедения РАН, 2015. – С. 260–280.

28. Мамчиц, Р. В Тибете построят крупнейшую в мире ГЭС (Март 13, 2021). – URL: www.if24.ru/v-tibete-postroyat-krupnejshuyu-v-mire-ges/ (дата обращения: 05.05.2021).

29. Zhang, Hongzhou. China and Transboundary water policies in Asia / Hongzhou Zhang, Mingjiang Li. – Routledge, 2019. – 242 p.

30. Kornfeld, I. Mega-dams and indigenous human rights / I. Kornfeld. – Cheltenham, UK ; Northampton, MA : Edward Elgar Publishing, 2020. – 244 p.

31. Лексютина, Я. «Добрососедская дипломатия» Китая в Восточной Азии // Азия и Африка сегодня. – 2017. – № 9. – С. 12–18.

32. MRC and China renew pact on water data provision and other cooperation initiatives. – URL: <http://www.mrcmekong.org/news-and-events/news/mrc-and-china-renew-pact-on-water-data-provision-and-other-cooperation-initiatives/> (дата обращения: 05.05.2021).

33. China to provide the Mekong River Commission with year-round water data. – URL: <https://www.mrcmekong.org/news-and-events/news/china-to-provide-the-mekong-river-commission-with-year-round-water-data/> (дата обращения: 05.05.2021).

34. Wouters, P. China's «soft-path» to transboundary water cooperation examined in the light of two UN Global water conventions – Exploring the «Chinese way» / P. Wouters, Huiping Chen // Water law. – 2013. – № 22. – P. 229–247.

35. Sanya Declaration of the First Lancang-Mekong Cooperation (LMC) Leaders' Meeting. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjdt_665385/2649_665393/t1350039.shtml (дата обращения: 05.05.2021).

36. Lancang-Mekong Cooperation: MRC welcomes the New Initiative for Regional Cooperation by six countries in the Mekong River Basin. – URL: <http://www.mrcmekong.org/news-and-events/news/lancang-mekong-cooperation-mrc-welcomes-the-new-initiative-for-regional-cooperation-by-six-countries-in-the-mekong-river-basin/> (дата обращения: 05.05.2021).

37. Li Keqiang's address at the 1st Lancang-Mekong Cooperation Leaders' Meeting. – URL: http://www.lmcchina.org/eng/zywj_5/t1514128.htm (дата обращения: 05.05.2021).

38. Pham Phan Long. China's strategy on Lancang-Mekong Cooperation // Viet Ecology Foundation. April 2016. – URL: <https://www.rfa.org/vietnamese/news/Readers-Opinions/langcang-mekong-2016-pplong-04192016155259.html> (дата обращения: 05.05.2021).

39. Five-year plan of action on Lancang-Mekong Cooperation (2018–2022), adopted on 4th Lancang-Mekong cooperation mechanism foreign minister's meeting – «Enhancing partnership for shared prosperity» 12.2018. – URL: https://data.opendevelopmentmekong.net/dataset/five-year-plan-of-action-on-lancang-mekong-cooperation-2018-2022/resource/2116a77e-e493-42dd-90cb-edce1d3693df?inner_span=True (дата обращения: 05.05.2021).

40. Vientiane Declaration of the Third Mekong-Lancang Cooperation (MLC) Leaders' Meeting 24.08.2020. – URL: http://www.lmcchina.org/eng/zywj_5/t1809002.htm (дата обращения: 05.05.2021).

41. Страны бассейна реки Меконг укрепляют партнерство. – URL: <https://rg.ru/2020/08/26/strany-bassejna-reki-mekong-ukrepliaut-partnerstvo.html> (дата обращения: 05.05.2021).

42. Калинин, В. А. Экономические интересы китайского бизнеса в Лаосе: новые тенденции 2000–2010-х гг. / В. А. Калинин, А. А. Трошин, В. В. Балашов // Экономические отношения. – 2017. – № 3 (4). – С. 296–304.

43. Review: China's transboundary waters: new paradigms for water and ecological security through applied ecology / Daming He, Ruidong Wu, Yan Feng, Chengzhi Ding, Wenling Wang, D. W. Yu // Journal of applied ecology. – 2014. – № 51. – P. 1159–1168.

References

1. *Agreement on the cooperation for the sustainable development of the Mekong River basin 5 April 1995*. Available at: <http://www.mrcmekong.org/assets/Publications/agreements/95-agreement.pdf> (accessed 05 September 2021).
2. Svensson J. *China's water policy and the sharing of international rivers in Asia*. Available at: <http://www.globalwaterforum.org/2018/03/21/q-a-chinas-water-policy-and-the-sharing-of-international-rivers-in-asia/> (accessed 05 May 2021).
3. Borisova E. A. Transgranichnye reki v politike Kitaya [Transboundary rivers in China's policy]. *Vostok – Orients*, 2015, no. 2, pp. 121–131.
4. *International hydropower association. Country profile. China*. Available at: <https://www.hydropower.org/country-profiles/china#:~:text=According%20to%20IHA's%202020%20Hydropower,at%20up%20to%20600%20GW> (accessed 05 May 2021).
5. Bokeriya S., Nguyen Thi Ngoc Lan. Hydropower development in Mekong River basin. *Asia and Africa today*, 2019, no. 10, pp. 24–29.
6. Rysbekov Yu. Kh., Rysbekov A. Yu. *Upravlenie vodnymi resursami v Kitae* [Water Resources Management in China]. Tashkent, 2014. 80 p. (Informatsionnyi sbornik NITs MKVK [Information collection of SIC ICWC]; No. 41).
7. *1997 Convention on the Law of the Non-Navigational Uses of International Watercourses: Adopted by General Assembly Resolution 51/229 of May 21, 1997*. Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/watercrs.shtml (accessed 05 May 2021). (In Russian).
8. Menniken T. China's performance in international resource politics: lessons from the Mekong. *Contemporary Southeast Asia*, 2007, vol. 1 (29), pp. 97–120.
9. Devlaeminck D. J., Xisheng Huang. China and global water conventions in light of recent development: Time to take a second look. *Review of European, comparative and environmental law*, 2020, vol. 29 (3), pp. 395–405.
10. Rieu-Clarke A., Loures F. R. Still not in force: should states support the 1997 UN Watercourses Convention? *Review of European Community & International Environmental Law*, 2009, vol. 18 (2), pp. 185–197.
11. *Environmental protection law of the People's Republic of China. Adopted on December 26, 1989, revised on April 24, 2014*. Available at: <http://www.china.org.cn/english/environment/34356.htm> (accessed 05 May 2021).
12. *Forestry law of the People's Republic of China. Adopted on September 20, 1984, amended on April 29, 1998*. Available at: <http://www.china.org.cn/english/environment/207457.htm> (accessed 05 May 2021).
13. *Law of the People's Republic of China on water and soil conservation. Adopted on June 29, 1991*. Available at: http://www.china.org.cn/environment/2007-08/20/content_1034358.htm (accessed 05 May 2021).

14. *Law of the People's Republic of China on prevention and control water pollution. Adopted on May 11, 1984, amended on May 15, 1996.* Available at: http://www.china.org.cn/government/laws/2007-04/17/content_1207459.htm (accessed 05 May 2021).

15. *Water law of the People's Republic of China. Adopted on January 21, 1998.* Available at: <http://www.china.org.cn/english/government/207454.htm> (accessed 05 May 2021).

16. *Ministry of Water Resources. Briefings on the opinions of the state council on implementing the strictest water resources management system.* Available at: http://www.china.org.cn/china/2012-02/17/content_24664350.htm (accessed 05 May 2021).

17. *Ministry of Water Resources, People's Republic of China. International cooperation on trans-boundary rivers between China and its neighbouring countries 2015.* Available at: <http://www.mwr.gov.cn/english/mainsubjects/201604/P020160406513798903048.pdf> (accessed 05 May 2021).

18. Devlaeminck D. J. *China's water sharing treaties – Reciprocity in practice. China water risk. 2019.* Available at: <https://www.chinawaterrisk.org/opinions/chinas-water-sharing-treaties-reciprocity-in-practice/> (accessed 05 May 2021).

19. Solntsev A. M. *Ot konflikta k sotrudnichestvu: rossiisko-kitaiskie otnosheniya v oblasti upravleniya vodnymi resursami [From conflict to cooperation: Russian-Chinese relations in water management]. Mezhdunarodnoe pravo – International Law, 2009, no. 1, pp. 246–261.*

20. Lei Xie. Shaofeng Jia. *China's international transboundary rivers: Politics, security and diplomacy of shared water resources.* Routledge, 2017. 222 p. DOI: 4324/9781315537900.

21. Solntsev A. M. *Problema ispol'zovaniya transgranichnykh rek v stranakh BRIKS [The problem of using transboundary rivers in the BRICS countries]. In: Pravovoe regulirovanie okhrany okruzhayushchei sredy v stranakh BRIKS: monografiya [Legal regulation of environmental protection in the BRICS countries: monograph]. Tyumen: Tyumen State University Publishing House, 2018, pp. 261–277.*

22. *Memorandum of Understanding between the Ministry of Water Resources, the Republic of India and the Ministry of Water Resources, the People's Republic of China upon Provision of Hydrological Information of the Yaluzangbu/Brahmaputra River in Flood Season by China to India.* Available at: <http://waterbeyondborders.net/wpcontent/uploads/2018/05/Indo-China-MOU-on-Brahmaputra.pdf> (accessed 05 September 2021).

23. *Memorandum of Understanding on Hydrological Data Sharing on River Sutlej / Langgen Zangbo.* Available at: <https://jalshakti-dowr.gov.in/international-cooperation/bilateral-cooperation-with-neighbouring-countries/india-china-cooperation> (accessed 05 September 2021).

24. *India-China cooperation*. Available at: <http://mowr.gov.in/international-cooperation/bilateral-cooperation-with-neighbouring-countries/india-china-cooperation> (accessed 05 May 2021).

25. *Memorandum of Understanding between the Ministry of Water Resources, the Republic of India and the Ministry of Water Resources, the People's Republic of China upon Provision of Hydrological Information of the Yaluzangbu/Brahmaputra River in Flood Season by China to India*. Available at: <http://waterbeyondborders.net/wp-content/uploads/2018/05/Indo-China-MOU-on-Brahmaputra.pdf> (accessed 05 May 2021).

26. Chellaney B. *China is stealthily waging a water war (January 12, 2018)*. Available at: <https://www.theglobeandmail.com/opinion/china-is-stealthily-waging-a-water-war/article37583969/> (accessed 05 May 2021).

27. Svinarchuk T. O. *Transgranichnye reki Indii i Kitaya: problemy sovместnogo ispol'zovaniya vod* [Transboundary rivers of India and China: problems of joint use of waters]. In: *Vodnye resursy Indii: ekonomicheskie, politicheskie, sotsial'nye aspekty: materialy nauchnoi konferentsii* [Water resources of India: economic, political, social aspects: proceedings of a scientific conference]. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS, 2015, pp. 260–280.

28. Mamchits R. *V Tibete postroyat krupneishuyu v mire GES (Mart 13, 2021)* [The world's largest hydroelectric power station will be built in Tibet (March 13, 2021)]. Available at: www.if24.ru/v-tibete-postroyat-krupneishuyu-v-mire-ges/ (accessed 05 May 2021).

29. Zhang Hongzhou, Mingjiang Li. *China and Transboundary water policies in Asia*. Routledge, 2019. 242 p.

30. Kornfeld I. *Mega-dams and indigenous human rights*. Cheltenham, UK; Northampton, MA: Edward Elgar Publishing, 2020. 244 p.

31. Leksyutina Ya. «Dobrososedskaya diplomatiya» Kitaya v Vostochnoi Azii [«Good Neighborly Diplomacy» of China in East Asia]. *Aziya i Afrika segodnya*, 2017, no. 9, pp. 12–18.

32. *MRC and China renew pact on water data provision and other cooperation initiatives*. Available at: <http://www.mrcmekong.org/news-and-events/news/mrc-and-china-renew-pact-on-water-data-provision-and-other-cooperation-initiatives/> (accessed 05 May 2021).

33. *China to provide the Mekong River Commission with year-round water data*. Available at: <https://www.mrcmekong.org/news-and-events/news/china-to-provide-the-mekong-river-commission-with-year-round-water-data/> (accessed 05 May 2021).

34. Wouters P., Huiping Chen. China's «soft-path» to transboundary water cooperation examined in the light of two UN Global water conventions – Exploring the «Chinese way». *Water law*, 2013, № 22, pp. 229–247.

35. *Sanya Declaration of the First Lancang-Mekong Cooperation (LMC) Leaders' Meeting*. Available at: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjdt_665385/2649_665393/t1350039.shtml (accessed 05 May 2021).

36. *Lancang-Mekong Cooperation: MRC welcomes the New Initiative for Regional Cooperation by six countries in the Mekong River Basin*. Available at: <http://www.mrcmekong.org/news-and-events/news/lancang-mekong-cooperation-mrc-welcomes-the-new-initiative-for-regional-cooperation-by-six-countries-in-the-mekong-river-basin/> (accessed 05 May 2021).

37. *Li Keqiang's address at the 1st Lancang-Mekong Cooperation Leaders' Meeting*. Available at: http://www.lmcchina.org/eng/zywj_5/t1514128.htm (accessed 05 May 2021).

38. Pham Phan Long. China's strategy on Lancang-Mekong Cooperation. *Viet Ecology Foundation*. April 2016. Available at: <https://www.rfa.org/vietnamese/news/ReadersOpinions/langcang-mekong-2016-pplong-04192016155259.html> (accessed 05 May 2021).

39. *Five-year plan of action on Lancang-Mekong Cooperation (2018–2022), adopted on 4th Lancang-Mekong cooperation mechanism foreign minister's meeting – «Enhancing partnership for shared prosperity» 12.2018*. Available at: https://data.opendevlopmentmekong.net/dataset/five-year-plan-of-action-on-lancang-mekong-cooperation-2018-2022/resource/2116a77e-e493-42dd-90cb-edce1d3693df?inner_span=True (accessed 05 May 2021).

40. *Vientiane Declaration of the Third Mekong-Lancang Cooperation (MLC) Leaders' Meeting 24.08.2020*. Available at: http://www.lmcchina.org/eng/zywj_5/t1809002.htm (accessed 05 May 2021).

41. *The Mekong Basin countries are strengthening partnerships*. Available at: <https://rg.ru/2020/08/26/strany-bassejna-reki-mekong-ukrepliaut-partnerstvo.html> (accessed 05 May 2021). (In Russian).

42. Kalinin V. A., Troshin A. A., Balashov V. V. Ekonomicheskie interesy kitaiskogo biznesa v Laose: novye tendentsii 2000–2010-kh gg. [Economic interests of Chinese business in Laos: New Trends in the 2000s – 2010 s]. *Ekonomicheskie otnosheniya*, 2017, no. 3 (4), pp. 296–304.

43. Daming He, Ruidong Wu, Yan Feng, Chengzhi Ding, Wenling Wang, D. W. Yu Review: China's transboundary waters: new paradigms for water and ecological security through applied ecology. *Journal of Applied Ecology*, 2014, no. 51, pp. 1159–1168.

Научная статья

УДК 343.9.018.3:614.4(470)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-3/200-212>

ПАНДЕМИЯ И КРИМИНАЛИЗАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Ю. И. Дук¹, Липецкий государственный технический университет,

г. Липецк, Россия

E-mail: yur-duk@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются уровень и динамика преступности в Российской Федерации и регионах с наибольшими и наименьшими приростами преступности в 2020 г. На основе анализа основных показателей преступности устанавливаются характерные её особенности в стране и в регионах в период пандемии коронавирусной инфекции. Для исследования были использованы официальные сайты правоохранительных органов Российской Федерации и её субъектов. Автор, анализируя уровень и динамику преступности, приходит к выводу о трансформации её в период пандемии в сторону преступности, совершаемой с использованием цифровых технологий и мошенничества. Проблема роста компьютерной преступности, её высокотехнологичный, транснациональный, организованный и латентный характер требуют от государства выработки принципиально новых подходов для борьбы с данным явлением. Автор тщательно анализирует негативный сценарий развития экономической ситуации в России в период пандемии и предлагает ряд мер по предупреждению и минимизации вредных последствий для общества и государства. В частности, повысить прозрачность экономики, потребовав от бизнеса тщательного соблюдения норм антимонопольного, налогового и таможенного законодательства; контролировать реализацию федеральных и региональных программ по предупреждению преступлений; ускорить разработку и внедрение передовых методик выявления и раскрытия преступлений в сфере высоких технологий, предусмотреть уголовную и административную ответственность, с принятием соответствующей правовой нормы, за искусственное создание дефицита и необоснованное поднятие цен на товары первой необходимости, а также лекарственные препараты и медицинское оборудование при чрезвычайной ситуации или угрозе её возникновения.

¹ Юрий Иванович Дук, кандидат юридических наук, академик Международной Славянской Академии, доцент кафедры уголовного права и криминологии Липецкого государственного технического университета, г. Липецк, Россия.

© Дук Ю. И., 2021

Ключевые слова: уровень и динамика преступности, региональная преступность, структура, экономика, чрезвычайная ситуация, угроза возникновения чрезвычайной ситуации, пандемия, цифровые технологии, киберпреступление, государственный контроль, федеральные и региональные программы, предупреждение преступности.

Для цитирования: Дук Ю. И. Пандемия и криминализация населения // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2021. № 3. С. 200–212. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-3/200-212>.

Original article

THE PANDEMIC AND CRIMINALIZATION OF THE POPULATION

Yu. I. Duk¹, Lipetsk State Technical University, Lipetsk, Russia
E-mail: yur-duk@yandex.ru

Abstract. The article examines the level and dynamics of crime in the Russian Federation and the regions with the largest and smallest increases in crime in 2020. Based on the analysis of the main indicators of crime, its characteristic features are established in the country and in the regions during the coronavirus pandemic. The official websites of law enforcement agencies of the Russian Federation and its subjects were used for the study. The author, analyzing the level and dynamics of crime, comes to the conclusion about its transformation during the pandemic in the direction of crimes committed using digital technologies and fraud. The problem of the growth of computer crime, as well as its high-tech, transnational, organized and latent nature require the state to develop fundamentally new approaches to combat this phenomenon. The author also carefully analyzes the negative scenario of the development of economic situation in Russia during the pandemic, and suggests a number of measures to prevent and minimize harmful consequences for the society and state. In particular, to increase the transparency of the economy by requiring businesses to carefully comply with the norms of antimonopoly, tax and customs legislation; monitor the implementation of federal and regional crime prevention programs, accelerate the development and implementation of advanced methods for detecting and solving crimes in the field of high technologies, provide for criminal and administrative liability, with the adoption of an appropriate legal norm, for artificially

---

¹ *Yuri I. Duk*, Candidate of Sciences (Law), Academician of the International Slavic Academy, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Lipetsk State Technical University, Lipetsk, Russia.

creating a shortage and unjustifiably raising prices for essential goods, as well as medicines and medical equipment in case of an emergency or the threat of its occurrence.

Keywords: the level and dynamics of crime, regional crime, structure, economy, emergency situation, threat of an emergency, pandemic, digital technologies, cybercrime, state control, federal and regional programs, crime prevention.

For citing: Duk Yu. I. The pandemic and criminalization of the population // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2021. No. 3. P. 200–212. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-3/200-212>.

Двадцать первый век ознаменовался для человечества достаточно большим количеством перемен в жизни мирового сообщества, имевших в своей природе как положительные, так и негативные составляющие. И если позитивные процессы и события воспринимаются населением положительно и не вызывают большого общественного резонанса (например, массовая компьютеризация, интенсивное проникновение во все сферы жизнедеятельности новых цифровых технологий), то негативные процессы, связанные с перераспределением сфер влияния посредством организации и применения вооружённого насилия, не могут не волновать мировое сообщество и население конкретных регионов. Наиболее кровопролитными в начале двадцать первого столетия считаются Дарфурский конфликт 2003 г., война в Ираке 2003–2011 гг., Сирийская гражданская война 2011 г., Афганская война 2001–2014 гг., Йеменская гражданская война 2014 г., вооруженный конфликт на востоке Украины 2014 г. Все процессы, позитивные и негативные, изменяя, деформируя устоявшиеся социальные связи, влияют на криминогенную ситуацию в обществе, создают условия для повышения уровня криминальной активности населения. Война, военные действия, вооруженные конфликты, революционные времена, стихийные бедствия, эпидемии и иные чрезвычайные ситуации являются прямым провоцирующим фактором криминальной активности граждан.

Данное утверждение чётко прослеживается при изучении истории нашей страны, прошедшей тяжёлый путь реконструкции социальных связей. Так, начало двадцатого столетия для нашего государства ознаменовалось падением царизма, развалом Российской Империи и революциями, которые привели страну к упадку и в итоге к усилению криминальной активности населения страны. Так, данные по зарегистрированным преступлениям в Москве в начале XX в. показывают, что тенденции роста преступности усиливалась в смутное (предреволюционное и революционное) время. За 1914–1918 гг. преступность в первопрестольной в пересчёте на население возросла в 3,3 раза, в том числе убийства – в 11 раз, вооружённые грабежи – в 307, простые грабежи – в 9, кражи – в 3,4, мошенничество – в 3,9, присвоения и растраты – в 1,6 раза [1].

Преступная активность населения во время Великой Отечественной войны также имела значительный рост и представляла собой достаточно серьёзную угрозу государству, населению и противостоянию фашистским захватчикам, дестабилизируя и без того тяжелейшую обстановку в стране и отрывая огромные ресурсы для противодействия ей. Так, статистика военного времени констатирует, что в целом по стране уровень преступности в 1942 г. возрос на 22% по сравнению с 1941 г., в 1943 г. рост составил 21% по сравнению с предыдущим годом, а в 1944 г. соответственно – 8,6%. И только в 1945 г. наметилось некоторое снижение уровня преступности, когда в первом полугодии число преступлений снизилось на 10%. При этом наибольший прирост дали тяжкие преступления. Если во второй половине 1941 г. в СССР (только на неоккупированной территории) были зарегистрированы 3 317 убийств, то в 1944 г. – уже 8 369, а число разбойных нападений и грабежей выросло соответственно с 7 499 до 2 0124. Но наиболее впечатляет рост краж с 252 588 до 444 906 и скотокрадства – с 8 714 до 36 285 [2]. Авторы при этом указывают, что данный уровень преступности основывается на зарегистрированных сотрудниками милиции преступлениях. Каков же был уровень латентной преступности, можно только догадываться. Негативные процессы, как мы ранее отмечали, прямо провоцируют криминализацию населения, причем не только существующую уголовную среду, но и законопослушных граждан, вынужденных в силу обстоятельств совершать преступные деяния для выживания.

Однако и позитивные процессы могут приводить к негативным последствиям. Казалось бы, такие положительные явления, как цифровизация и компьютеризация, позволяющие человечеству перейти на новый, более высокий уровень отношений во многих областях жизнедеятельности, в том числе и в противодействии преступности, спровоцировали появление новой преступности, активно использующей компьютерные технологии. Мало того, совершенствование и развитие цифровых технологий влечёт за собой и модернизацию преступности, появление новых видов преступлений, о которых мы ещё даже не догадываемся.

По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, если в 2019 г. было зарегистрировано 294 409 преступления, совершённых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, то в 2020 г. зафиксировано уже 749 320 подобных деяний [3].

Одной из тенденций генезиса современной компьютерной преступности является отсутствие контроля за её развитием со стороны правоохранительных органов, государства и общества. Для этого есть объективные причины, например стремительное развитие IT-технологий, предоставляющих новые средства и способы совершения преступлений; многочисленные вредоносные компьютерные программы, в том числе с элементами искусственного интеллекта; криптовалюты, обладающие свойствами анонимности; техническая сложность выявления компьютерных пре-

ступлений в киберпространстве, организованный характер компьютерной преступности и др. Информационные технологии активно развиваются; как следствие, возникают новые способы и средства совершения компьютерных преступлений, которые требуют разработки и принятия соответствующих уголовно-правовых средств борьбы с ними [4].

Проблема роста компьютерной преступности, причиняющей огромный вред социально-экономическим, политическим, информационным и иным общественным отношениям, требует от государства выработки принципиально новых подходов для борьбы с данным явлением. Полагаем, необходимо ускорить разработку и внедрение передовых методик выявления и раскрытия преступлений в сфере высоких технологий, ужесточить уголовное наказание за совершение преступлений в сфере компьютерной информации, осуществлять просвещение населения относительно безопасного поведения при использовании информационно-телекоммуникационных средств.

В ряду негативных процессов двадцать первого века, безусловно повлиявших на жизни всего мирового сообщества, стоит пандемия коронавируса, разразившаяся в 2020 г. практически по всей планете. А Генеральный секретарь ООН объявил коронавирусную пандемию «наиболее серьёзным кризисом» человечества с момента создания самой ООН, т.е. со времён Второй мировой войны [5]. Не обошла стороной эта беда и Российскую Федерацию, создав практически на всей территории страны экстремальную ситуацию, потребовавшую срочного решения огромного количества вопросов экономического, политического и социального содержания, в том числе и противодействие преступности. В этих целях принят Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 100-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Глубинная сущность этих уголовно-правовых запретов состоит в недопущении (пресечении) распространения в обществе состояния тревоги и страха, потенциально могущих привести к самым серьёзным последствиям – вплоть до паники, массовых волнений и беспорядков, которые, с вероятностным итогом, чреватые человеческими жертвами [6].

Мероприятия, проводимые государством по преодолению пандемии и её последствий, безусловно, приносят положительные результаты. Однако, согласно статистическим данным МВД РФ, количество преступлений, зарегистрированных в 2020 г., по сравнению с предыдущим годом, выросло на 1,0% и составило 2 044,2 тыс. преступлений. При этом рост зарегистрирован в 50 субъектах Российской Федерации, лидерами из которых являются: г. Севастополь – рост составил 44,0%, г. Санкт-Петербург – 26,1%, Ленинградская область – 12,8%, Республика Алтай – 10,4%, Костромская область – 10,4%, Калужская область – 10,3%, Псковская область – 10,1%, Республика Карелия – 9,0%, Липецкая область – 8,8%, Рес-

публика Татарстан – 8,1% [7]. Снижение уровня преступности зарегистрировано в 35 субъектах РФ.

Для того, чтобы определить, как изменилась структура преступности в регионах с наибольшими и наименьшими приростами криминализации населения и в каких именно направлениях проявилась криминальная активность жителей, мы проанализировали динамику показателей отдельных видов преступных посягательств в некоторых регионах страны с наибольшими и наименьшими темпами прироста преступности.

Анализ статистических данных отдельных видов преступлений и их динамики в субъектах РФ (табл. 1, табл. 2), опубликованных на официальных сайтах, позволил установить наличие значительного роста преступлений, совершённых с использованием средств мобильной связи и сети Интернет. Данная тенденция прослеживается не только в регионах с наибольшими темпами прироста преступности, но и в регионах с наименьшими темпами криминализации населения. Прирост составляет от 36,1% в Ярославской области (табл. 2) до роста в 23 раза в Центральном районе Санкт-Петербурга и 2,5 раза в Липецкой области (табл. 1). Прослеживается общий рост преступности экономической направленности и преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств. При этом практически все анализируемые регионы демонстрируют снижение таких преступных проявлений, как тяжкий вред здоровью, изнасилования, грабежи, разбои, квартирные кражи. Данная тенденция справедлива практически для всех исследуемых регионов и связана, на наш взгляд, с ограничением передвижения населения по территории региона и за его пределы и самоизоляцией. Жители меньше выходили на улицу, больше времени находились дома, что ограничивало активность преступного элемента, совершавшего вышеперечисленные преступления. С другой стороны, активизировалась часть криминалитета, использовавшая мошеннические схемы, в том числе с использованием сотовых телефонов и интернет технологий. Данная категория преступников стала активно захватывать сферы, связанные с незаконным оборотом наркотиков, продажей товаров и оказанием услуг, которыми активно стало пользоваться население во время пандемии. Криминалитет направил свои усилия для получения прибыли посредством реализации, например, контрафактных товаров, аппаратов ИВЛ или экспресс-тестов на коронавирус, препаратов от коронавирусной инфекции. Имели место и факты контрабанды медицинских масок, резиновых перчаток и дезинфицирующих средств для рук и т.д. По данным Федеральной Таможенной службы в 2020 г., начиная с весны, из России пытались вывезти десятки тонн дезинфицирующих средств, медицинских масок, респираторов. Самарские таможенники в марте задержали несколько автомобилей с сотнями литров дезинфицирующего средства, двигавшихся в сторону Казахстана. Их коллеги в тот же период обнаружили в автомобиле, следовавшем в Киргизию, почти 1 тыс. противо-

газов ГП-5 и ГП-7. А в Оренбургской области была задержана крупная партия медицинских халатов и масок, которые пытались провезти в Казахстан. В Омской области была изъята партия респираторов, также предназначенных контрабандистами для казахского рынка [19].

Таблица 1

Регионы с наибольшими темпами прироста преступности в 2020 г.

Преступления	г. Санкт-Петербург (Центральный район) [8]	Республика Алтай [9]	Костромская область [10]	Липецкая область [11; 12]
Количество тяжких и особо тяжких преступлений	+57,2 %	+30,5%	+44,6 %	+25,1 %
Убийство	+100%	+22,7%	0 %	+4,2%
Тяжкий вред здоровью	-55,2 %	+4,6%	-0,5%	-18,4 %
Изнасилование	0%	- 75,0%	-42,9 %	-
Грабёж	-45,7%	-19,1%	-1,4, %	-1,4 %
Разбой	0%	- 22,2%	0 %	-22,9 %
Мошенничество	+316,4%	+41,7%	+3 %	+25,0 %
Кража	+28,7%	+9,1%	-0,1 %	+6 %
Квартирная кража	-50%	+26,6%	-	-24,2 %
Преступления, совершённые с использованием средств мобильной связи и сети Интернет	+ 23 раза	+72,9%	+63,8 %	+ 2,5 раза
Преступления, связанные с незаконным оборотом оружия	+14,3 %	+35,0%	+11,7 %	0 %
Преступления экономической направленности	+17,1%	+15,8%	-	+1,5 %
Преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков	-5,4%	+4,5%	+46,2 %	+19,7

Преступность в экстремальных ситуациях, по мнению учёных криминологов, представляет собой сложную совокупность преступлений и правонарушений, и вполне объяснима прямая зависимость величины криминальной активности насе-

ления от объёма и продолжительности негативного фактора, в данном случае тако-го, как пандемия.

Таблица 2

Регионы с наименьшими темпами прироста преступности в 2020 г.

Преступления	Иркутская область [13; 14]	Ярославская область [15]	Курганская область [16]	Тюменская область [17; 18]
Количество тяжких и особо тяжких преступлений	+6,8 %	-5,4 %	-	-
Убийство	-0,8 %	-15,3 %	-26,5 %	-
Тяжкий вред здоровью	-	-22,0 %	-28,8%	-5,6 %
Изнасилование	-	-	-	-18 %
Грабёж	-28,8 %	-26,3%	-12,5 %	-63 %
Разбой	-29,0 %	-34,6%		-26,9 %
Мошенничество	-	-26,2 %	-	-
Кража	-	-14,2 %	-	-19,7 %
Квартирная кража	-20,0 %	-33,9 %	-	-
Преступления, совершённые с использованием средств мобильной связи и сети Интернет	+61,4 %	+36,1 %	-	-
Преступления, связанные с незаконным оборотом оружия	-	-	-	-
Преступления экономической направленности	-11,6 %	-1,8 %	+15,7 %	+12,6%
Преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков	+0,7 %	-17,9 %	+3,9 %	+5,8 %

Общество сталкивалось и сталкивается – при противодействии противоправному поведению граждан в экстремальных ситуациях – со многими негативными явлениями, в том числе необоснованным повышением цен на жизненно важные товары, в пандемию 2020 г. ими стали, например, медицинские маски. Так, повышение розничных цен на медицинские маски, по мнению Федеральной антимонопольной службы (ФАС), в основном произошло из-за увеличения закупочных цен. Наибольший рост оптовых цен, по которым некоторые аптечные организации осуществляли закупку медицинских масок в декабре 2019 г. – январе 2020 г., зафиксирован в республиках Адыгея (на 1566,7%) и Дагестан (на 650%), в Санкт-Петербурге и Ленинградской области (на 597,4%), в Нижегородской области (на

566,67%), в Москве и Московской области (на 522%). В ФАС также отметили выявление многократного завышения розничных цен на медицинские маски в январе в 68 субъектах Российской Федерации. Наибольший рост цен на отдельные наименования масок выявлен в Ивановской области (на 485%), в Тамбовской области (на 431%), в Республике Ингушетия (на 400%), в Воронежской области (на 400%), в Нижегородской области (на 374%), в Мурманской (на 354%) и Московской областях (на 305%) [20].

Исходя из логики вещей, контрабандисты вывезли данный товар из России, продали его там, создали искусственный дефицит в России на данный товар, и как следствие – рост цен; торговые сети, ощутив дефицит, стали поднимать цену, получая необоснованную прибыль.

Такие же необоснованные повышения цен наблюдались и на объявленные кем-то панацеей от коронавируса чеснок, лимон и имбирь. При этом ФАС также объяснил данный факт высокими закупочными ценами на импортируемые лимоны, имбирь и чеснок. Да, лимоны и имбирь не произрастают у нас в стране, и нам приходится их закупать. Однако ажиотажный спрос был спровоцирован только у нас; в мировом сообществе, и в том числе странах экспортёрах, данного факта не наблюдалось. И уж совершенно необоснован рост цен на чеснок, который успешно культивируется у нас в России. Кроме того, данные товары население пыталось использовать в качестве лекарственных препаратов, соответственно государству необходимо было отнести их к категории товаров первой необходимости или к лекарственным препаратам в период пандемии, если они таковыми являются, и контролировать цены, либо, наоборот, оперативно использовать средства массовой информации для развенчания мифов об их эффективности. Государству также необходимо учитывать психологию населения, находящегося на самоизоляции, которое тратит последние деньги на приобретение бесполезных, а порой и вредных товаров в период пандемии, ищет любые пути противодействия заболеванию и хватается за любую информацию о средствах, якобы способных остановить болезнь. Зная это, недобросовестные коммерсанты и их посредники умело используют экстремальную ситуацию для получения искусственно созданной сверхприбыли. С точки зрения капиталистических правоотношений вроде всё в порядке, и фраза «бизнес – и ничего личного» как нельзя ярче подтверждает справедливость получения прибыли, но вот как-то морально-нравственная сторона при этом страдает. Когда всё общество консолидируется на борьбу с пандемией, не считаясь со своими силами, средствами, временем, активно участвуя в волонтерском движении, помогая чем только возможно, не видя свои семьи месяцами, как наши героические медики, отдельные граждане успешно снимают маржу на общей беде общества.

Пандемия – это экстремальная ситуация, и безусловно государство должно принимать все меры, направленные на стабилизацию обстановки в стране, и в

первую очередь, на снижение напряжения в обществе, которое очень сильно провоцируется повышением цен, что создает дополнительные проблемы к тем, которые приходится решать в период пандемии. Конечно, коронавирусная инфекция уже «подредактировала» под себя уголовное законодательство, и в 2020 г. в Уголовный кодекс РФ были внесены соответствующие изменения и дополнения. Однако полагаем, что для достижения поставленных целей необходимо повысить прозрачность экономики, потребовав от бизнеса тщательного соблюдения норм антимонопольного, налогового и таможенного законодательства; тщательно контролировать реализацию федеральных и региональных программ по предупреждению преступлений, предусмотреть уголовную и административную ответственность, с принятием соответствующей правовой нормы, за искусственное создание дефицита и необоснованное поднятие цен на товары первой необходимости, а также лекарственные препараты и медицинское оборудование при чрезвычайной ситуации или угрозе её возникновения. Причём проекты необходимых изменений в УК и КоАП РФ должны пройти обстоятельную правовую и криминологическую экспертизу. Принятие таких норм позволило бы восстановить в данной части принцип справедливости в обществе, заложенный в Конституции нашей страны, и снизить напряжение среди населения, в том числе и уровень преступности, восстановив доверие к власти и уверенность в защите каждого гражданина при любых обстоятельствах, особенно экстремальных.

Список литературы

1. Лунеев, В. В. Преступление и наказание в России. – URL: <https://polit.ru/article/2006/03/31/demoscope239/> (дата обращения: 30.08.2021).
2. Криминогенная обстановка в СССР в годы Великой Отечественной войны. – URL: <https://trinixy.ru/119485-kriminogennaya-obstanovka-v-sssr-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny-24-foto.html> (дата обращения: 30.08.2021).
3. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2019 г. : статистический сборник / Генеральная прокуратура Российской Федерации. – URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics> (дата обращения: 15.04.2021)
4. Евдокимов, К. Н. Криминологические и уголовно-правовые аспекты противодействия компьютерной преступности в России (социологическое исследование) // Российский следователь. – 2020. – № 11. – С. 41–44.
5. The recovery from the COVID-19 crisis must lead to a different economy. – URL: <https://www.un.org/en/un-coronavirus-communications-team/launch-report-socio-economic-impacts-covid-19> (дата обращения: 30.08.2021).
6. Кибальник, А. Г. Уголовно-правовая реакция на коронавирусную пандемию // Законность. – 2020. – № 5. – С. 41–44.

7. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2020 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации : официальный сайт. – URL: <https://мвд.рф/reports/item/22678184/> (дата обращения: 30.08.2021).

8. Отчет начальника Управления Центрального района города Санкт-Петербурга перед населением за 12 месяцев по итогам оперативно-служебной деятельности за 2020 года. – URL: <https://центр.78.мвд.рф/document/22752448> (дата обращения: 30.08.2021).

9. Состояние преступности (актуальная информация) // Министерство внутренних дел по Республике Алтай. – URL: <https://04.мвд.рф/document/6249746> (дата обращения: 30.08.2021).

10. Краткая характеристика состояния преступности в Костромской области за январь – декабрь 2020 года // Управление МВД России по Костромской области. – URL: <https://44.мвд.рф/Dejatelnost/statistika-i-analitika/sostoyanie-prestupnosti/item/22782982/> (дата обращения: 30.08.2021).

11. Информационно-аналитическая записка о состоянии правопорядка на территории Липецкой области и принимаемых УМВД России по области мерах по его укреплению в 2020 году. – URL: https://48.мвд.рф/documentsold/ot4etji-rukovodstva-pered-naseleniem/Otcheti_rukovoditelej/ot4etji-rukovodstva-lip-obl (дата обращения: 30.08.2021).

12. Состояние преступности за 12 месяцев 2020 года // Прокуратура Липецкой области. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_48/activity/statistics/sostoyanie_prestupnosti?item=583953 ИП (дата обращения: 30.08.2021).

13. Информационно-аналитическая записка о состоянии правопорядка на территории Иркутской области в 2019 году. – URL: <https://38.мвд.рф/document/19691355> (дата обращения: 30.08.2021).

14. Информационно-аналитическая записка о состоянии правопорядка в Иркутской области в 2020 году. – URL: <https://38.мвд.рф/document/23304863> (дата обращения: 30.08.2021).

15. Информационно-аналитическая записка к отчету начальника УМВД России по Ярославской области перед Ярославской областной Думой седьмого созыва. – URL: https://мвд.ру/upload/site77/otchety/nachalnik/Spravka_k_otchetu_v_Dume_za_2020_god.doc (дата обращения: 30.08.2021).

16. Состояние оперативной обстановки в Курганской области и результаты работы органов внутренних дел за 2020 год. – URL: <https://45.мвд.рф/document/22682466> (дата обращения: 30.08.2021).

17. Состояние правопорядка и основные результаты служебной деятельности УМВД России по Тюменской области по итогам 2020 года. – URL: <https://72.мвд.рф/document/22994758> (дата обращения: 30.08.2021).

18. Состояние правопорядка и основные результаты служебной деятельности УМВД России по Тюменской области за 2019 год. – URL: <https://72.mvd.rf/document/19436922> (дата обращения: 30.08.2021).

19. Известия-онлайн. Таможня берет с добром: как идет борьба с контрабандой в условиях пандемии. – URL: <https://customs.gov.ru/press/pressa-onas/document/243265> (дата обращения: 30.08.2021).

20. В ФАС объяснили рост цен на медицинские маски. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/7712003> (дата обращения: 30.08.2021).

References

1. Luneev V. V. *Prestuplenie i nakazanie v Rossii* [Crime and Punishment in Russia]. Available at: <https://polit.ru/article/2006/03/31/demoscope239/> (accessed 30 August 2021).

2. *The crime situation in the USSR during the Great Patriotic War*. Available at: <https://trinixy.ru/119485-kriminogennaya-obstanovka-v-sssr-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny-24-foto.html> (accessed 30 August 2021). (In Russian).

3. *The state of crime in Russia in January – December 2019: statistical collection*. General Prosecutor's Office of the Russian Federation. Available at: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics> (accessed 30 August 2021). (In Russian).

4. Evdokimov K. N. *Kriminologicheskie i ugovolno-pravovye aspekty protivodeistviya komp'yuternoї prestupnosti v Rossii (sotsiologicheskoe issledovanie)* [Criminological and criminal law aspects of countering computer crime in Russia (sociological research)]. *Rossiiskii sledovatel'*, 2020, no. 11, pp. 41–44.

5. *The recovery from the COVID-19 crisis must lead to a different economy*. Available at: <https://www.un.org/en/un-coronavirus-communications-team/launch-report-socio-economic-impacts-covid-19> (accessed 30 August 2021).

6. Kibalnik A. G. *Ugovolno-pravovaya reaktsiya na koronavirusnyu pandemiyu* [Criminal and legal response to the coronavirus pandemic]. *Zakonnost'*, 2020, no. 5, pp. 41–44.

7. Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January – December 2020. *Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: official website*. Available at: <https://mv.d.rf/reports/item/22678184/> (accessed 30 August 2021). (In Russian).

8. *Report of the head of the Central District of the city of St. Petersburg to the population for 12 months on the basis of operational and service activities for 2020*. Available at: <https://center.78.mvd.rf/document/22752448> (accessed 30 August 2021). (In Russian).

9. The state of crime (actual information). *Ministry of Internal Affairs in the Altai Republic*. Available at: <https://04.mvd.rf/document/6249746> (accessed 30 August 2021). (In Russian).

10. Brief description of the state of crime in the Kostroma region for January – December 2020. *Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Kostroma region*. Available at: <https://44.mvd.rf/Dejatelnost/statistics-andanalytics/crime-state/item/22782982/> (accessed 30 August 2021). (In Russian).

11. *Information and analytical note on the state of law and order in the Lipetsk region and the measures taken by the Ministry of Internal Affairs of Russia in the region to strengthen it in 2020*. Available at: https://48.mvd.rf/documentsold/ot4etji-rukovodstva-pered-naseleniem/Otcheti_rukovoditelej/ot4etji-rukovodstva-lip-obl (accessed 30 August 2021). (In Russian).

12. The state of crime for 12 months of 2020. *Prosecutor's Office of the Lipetsk region*. Available at: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_48/activity/statistics/sostoyanie_prestupnosti?item=583953IR (accessed 30 August 2021). (In Russian).

13. *Information and analytical note on the state of law and order in the Irkutsk region in 2019*. Available at: <https://38.mvd.rf/document/19691355> (accessed 30 August 2021). (In Russian).

14. *Information and analytical note on the state of law and order in the Irkutsk region in 2020*. Available at: <https://38.mvd.rf/document/23304863> (accessed 30 August 2021). (In Russian).

15. *Information and analytical note to the report of the head of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Yaroslavl region before the Yaroslavl Regional Duma of the seventh convocation*. Available at: https://mvd.ru/upload/site77/otcheti/nachalnik/Spravka_k_otchetu_v_Dume_za_2020_god.doc (date accessed: 30.08.2021).

16. *The state of the operational situation in the Kurgan region and the results of the work of the internal affairs bodies for 2020*. Available at: <https://45.mvd.rf/document/22682466> (accessed 30 August 2021). (In Russian).

17. *The state of law and order and the main results of the official activities of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Tyumen region at the end of 2020*. Available at: <https://72.mvd.rf/document/22994758> (accessed 30 August 2021). (In Russian).

18. *The state of law and order and the main results of the official activities of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Tyumen region for 2019*. Available at: <https://72.mvd.rf/document/19436922> (accessed 30 August 2021). (In Russian).

19. *News online. Customs takes with good: how is the fight against smuggling in a pandemic*. Available at: <https://customs.gov.ru/press/prensa-o-nas/document/243265> (accessed 30 August 2021). (In Russian).

20. *The FAS explained the rise in prices for medical masks*. Available at: <https://tass.ru/obschestvo/7712003> (accessed 30 August 2021). (In Russian).

Index - 83612

ISSN 1813-3274

9 771813 327004 >